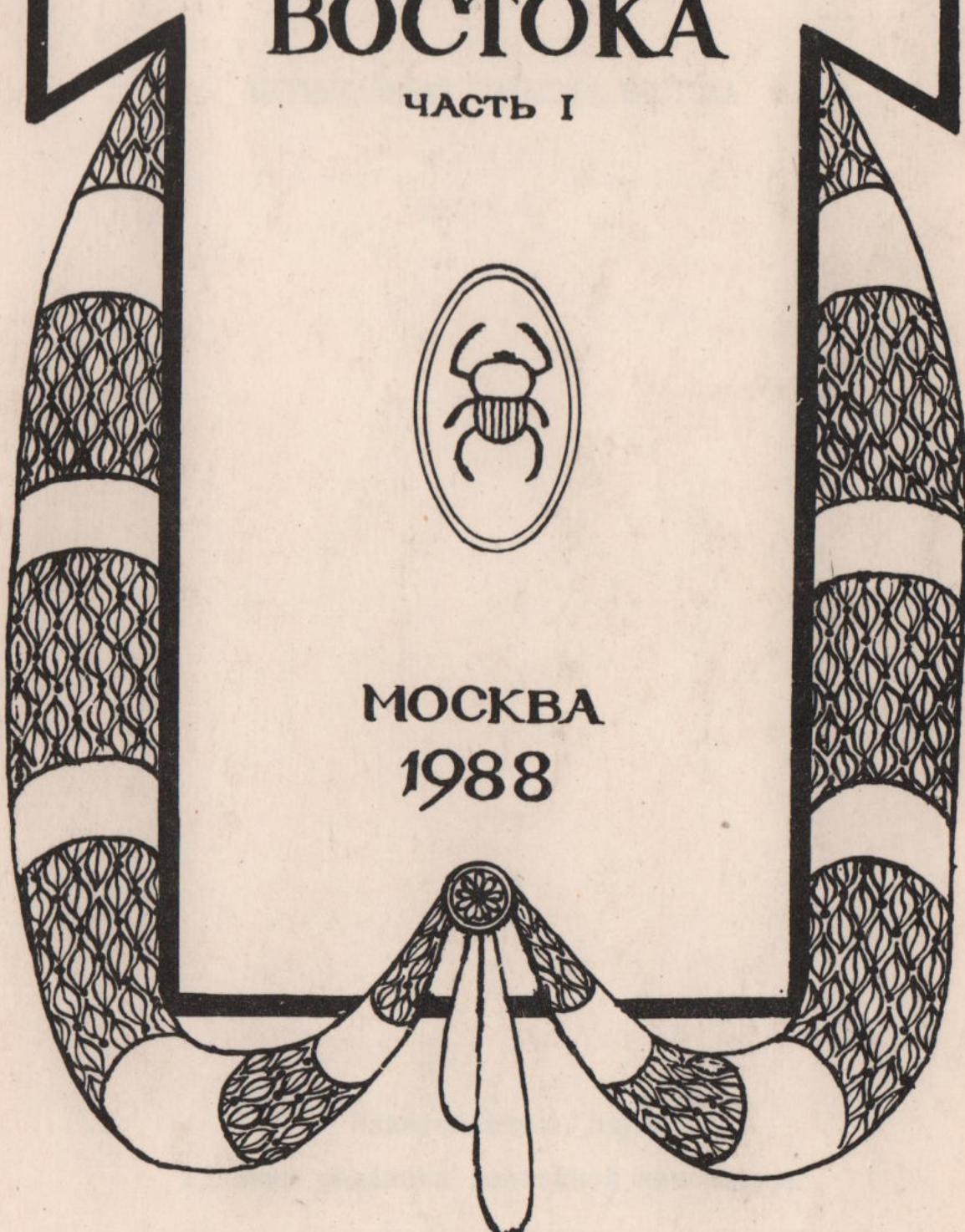

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

ЧАСТЬ I

МОСКВА
1988

Академия наук СССР

Всесоюзная ассоциация востоковедов

Министерство культуры СССР

Государственный музей искусства народов Востока

Издательство востоковедения
Государственного музея

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

БОРИСА АБДУЛЛАЕВА
часть I
ВОСТОЧНОГО
ПОКЛЕПАНИЯ

Издательство "Наука"
Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы

Москва 1988

УДК 721.55
ББК 63.3'2
Издательство научно-исследовательской библиотеки
Государственного музея изобразительных искусств народов Востока
1030 12000 Москва

Ответственные редакторы:

С.В. Волков

А.И. Наймарк

П.Д. Сахаров

А.Л. Борисов
и сотрудники Государственного музея изобразительных искусств народов Востока
и Академии художеств СССР

Все статьи, опубликованные в настоящем сборнике, выражают мнение авторов, а не редакции. Редакция не несет ответственности за точность сведений, приведенных в статьях.

ВОСЬМДЕСЯТИЛЕТИЕ
ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
АКАДЕМИКА
БОРИСА БОРИСОВИЧА
ПИОТРОВСКОГО
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ СБОРНИК

Борис Пиотровский родился 15 марта 1908 года в селе Красногорка Брянской губернии. Учился в Брянском педагогическом институте, окончив который в 1930 году, работал учителем в Брянске и Брянском уезде. В 1932 году окончил Высшую художественную школу при Академии художеств СССР по специальности «живопись». В 1933—1935 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1935—1937 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1937—1940 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1940—1942 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1942—1945 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1945—1947 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1947—1950 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1950—1953 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1953—1956 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1956—1960 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1960—1963 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1963—1966 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1966—1970 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1970—1973 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1973—1976 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1976—1980 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1980—1983 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1983—1986 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1986—1990 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1990—1993 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1993—1996 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1996—1999 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 1999—2002 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2002—2005 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2005—2008 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2008—2011 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2011—2014 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2014—2017 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2017—2020 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2020—2023 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2023—2026 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2026—2029 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2029—2032 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2032—2035 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2035—2038 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2038—2041 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2041—2044 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2044—2047 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2047—2050 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2050—2053 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2053—2056 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2056—2059 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2059—2062 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2062—2065 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2065—2068 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2068—2071 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2071—2074 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2074—2077 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2077—2080 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2080—2083 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2083—2086 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2086—2089 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2089—2092 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2092—2095 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2095—2098 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР. В 2098—20100 годах работал в мастерской А.Н. Головина в Академии художеств СССР.

© Государственный музей искусства народов Востока, 1988

Издательство научно-исследовательской библиотеки

А.Л.Вассоевич
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА
(Археологические исследования Б.Б.Пиотровского)

В истории мировой гуманитарной науки лишь некоторым археологам выпало счастье стать первооткрывателями древних цивилизаций, дотоле едва известных. Среди них есть и наш соотечественник. Это академик Борис Борисович Пиотровский, раскопавший Кармир-блур и исследовавший до него почти не изученную культуру древневосточного государства Урарту в ее взаимосвязи со скитским миром. Египтолог и урартолог, исследователь общих проблем истории мировой культуры и знаток археологии Закавказья, член Президиума АН СССР и директор Государственного Эрмитажа, заведующий кафедрой истории стран древнего Востока Восточного факультета ЛГУ, член Академии наук Армянской ССР и ряда зарубежных научных академий – талков перечень лишь важнейших направлений в деятельности Героя Социалистического труда профессора Б.Б.Пиотровского.

Борис Борисович родился 1(14) февраля 1908 г. в Петербурге. Его отец Борис Брониславович Пиотровский (1877–1929) преподавал тогда математику и механику в военно-учебных заведениях. Мать Софья Александровна (1883–1953), урожденная Завадская, впоследствии ставшая педагогом, сама давала начальное образование своим детям. На формирование личности Б.Б.Пиотровского немалое влияние оказали и два его деда – Бронислав Игнатьевич Пиотровский и Александр Игнатьевич Завадский – генерахи русской армии (один строевой, а другой – педагог). Словно приуготовляя мальчика к предстоящим трудностям полевой жизни археолога, дед Бронислав Игнатьевич заставил внука спать на жестком сундуке, приучал умываться холодной водой и ходить босиком. Привычка спокойно переносить бытовые неудобства и всевозможные лишения в течение многих лет помогала в работе: с 1927 по 1973 гг. Б.Б.Пиотровский участник различных археологических экспедиций.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала семью Пиотровских в Оренбурге, куда она переехала в 1915 г. В грозном 18-м Борис Борисович начинает учебу в оренбургской гимназии, директором которой был избран его отец.

Особый интерес к далекому прошлому человечества возник у Б.Б.Пиотровского в 1921 г., когда их семье удалось вернуться в Петроград. Однажды на уроке истории учительница принесла в класс подлинные египетские древности и дала их в руки ученикам. Этот урок сыграл решающую роль в жизни Б.Б.Пиотровского. Он "заболел" Египтом и стал увлеченно заниматься. Памятники древнего Египта, про которые Борис Борисович начал читать в книгах, поразили и пленили его.

Осенью 1922 г. класс, в котором учился Б.Б.Пиотровский, отправился на экскурсию в Эрмитаж. Экскурсию проводила Н.Д.Флиттнер. Она обратила внимание на знания юного Б.Б.Пиотровского и предложила ему приходить в Эрмитаж заниматься. С этого времени школьник стал постоянным помощником ермитажного отдела древностей. Он показывал диапозитивы и рисовал иллюстрации к лекциям и статьям, участвовал в оформлении выставок. Именно в Эрмитаже под руководством Н.Д.Флиттнер начались занятия школьника Пиотровского египетской иероглификой.

В 1925 г. по окончании средней школы Б.Б.Пиотровский поступил на факультет языка и материальной культуры Ленинградского университета. В университете Б.Б.Пиотровский получил хорошую подготовку. Методику и технику археологических раскопок он постигал под руководством выдающегося русского археолога А.А.Миллера, участвуя в 1927-1929 гг. в его раскопках в дельте Дона и на Северном Кавказе. Историко-филологический метод изучения древних письменных памятников он осваивал на занятиях у профессора В.В.Струве, ставшего впоследствии академиком. С неизменной благодарностью вспоминает Б.Б.Пиотровский академика Н.Я.Марра, отличавшегося широтой подхода к истории культуры Кавказа. Именно Н.Я.Марр склонил Бориса Борисовича заняться поисками в Закавказье остатков урартской культуры.

В студенческие годы Б.Б.Пиотровского более всего увлекали занятия по египтологии у В.В.Струве. В числе слушателей его египтологических лекций было немало одаренных людей, впоследствии заявивших о себе выдающимися успехами на научном или общественном поприще. Упомянем лишь Ю.Я.Пепелкина и Д.А.Ольдерогге, Н.А.Мещерского и Ю.П.Францова.

Б.Б.Пиотровский посещал занятия у академика С.А.Жебе-

лева, который ради двух приходивших к нему студентов сочетал курс "Истории изучения античных письменных памятников" с практическими занятиями по копированию и эстампажированию греческих надписей. Борис Борисович один занимался древнегреческим у Н.Н.Томасова, посещал занятия М.Н.Соколова по древнееврейскому языку.

Труд, затраченный на приобретение глубоких и разнообразных знаний, начал приносить свои плоды еще до окончания университета. В 1928 г. Б.Б.Пиотровский, прослушавший у Н.Я.Марра курс "Палеонтология речи", пожелал сдать зачет маститому академику. Зачетное требование Н.Я.Марра было необычным: написать работу на египетском материале по тематике лекций.

Б.Б.Пиотровский решил представить небольшую статью о термине "железо" в древнеегипетском языке, так как термин этот у египтян семантически связывался с небом, ведь в древних мифах небо часто представлялось металлическим.

Когда Н.Я.Марр ознакомился со статьей студента Пиотровского, написанной за одну ночь, он не только поставил ему зачет, но и заявил, что опубликует исследование в "Докладах Академии наук". Вместе с тем он пригласил его посещать Яфетический институт.

Б.Б.Пиотровский, совершенно не ожидавший такого результата, покинул академика ошеломленным. В то же время в молодом исследователе уже тогда в полной мере проявилось такое ценное для истинного ученого качество, как осторожность. Прежде чем отдать свою работу в печать, он показал ее другу отца, известному лингвисту Л.В.Шербе и своему учителю в области археологии А.А.Миллеру.

В 1929 г. в "Докладах Академии наук" были опубликованы две статьи студента Пиотровского: уже упомянутая статья о "железе"¹ и вторая статья о карнакском рельефе верхового креца Аменхотпе², представленная к печати академиком П.К.Коковцовым. Во второй статье Б.Б.Пиотровский доказывал, что на рельефе в Карнакском храме изображено награждение креца Аменхотпе не перед живым царем, а перед статуей Рамсеса IX. Это объясняло причину того, почему крец оказался одинакового роста с фараоном, ведь каноном такое не допускалось. Предположение Б.Б.Пиотровского девальвировало дав-

нее рассуждение о высоком положении жреца, осмелившегося изобразить себя "равновеликим" фараону.

Еще раз студенческая статья Бориса Борисовича по достоинству была оценена в 1959 г., когда египтолог В.Федор предложил вспомнить эту забытую работу и отказаться от ошибочной интерпретации исторического значения изображений жреца Аменхотепе в Карнаке³.

Следует упомянуть, что в 1929 г. вышел путеводитель Н.Д.Флиттнер по эрмитажным залам древнего Египта, в предисловии к которому она благодарит "студента Л.Г.университета Б.Б.Пиотровского, неутомимого помощника отделения во всех его работах, сделавшего для путеводителя все рисунки"⁴.

Воспользовавшись приглашением Н.Я.Марра, Борис Борисович начал посещать заседания Яретического института, которые проходили на квартире академика. Примерно в это же время Б.Б.Пиотровский стал практикантом в Эрмитаже. Он делал там то же, что и прежде, но теперь уже получая стипендию.

Решался вопрос о зачислении Б.Б.Пиотровского в штат Академии Истории Материальной культуры. Ученый секретарь Академии Б.В.Фармаковский, лекции которого Борис Борисович слушал в университете, поддержал ходатайство А.А.Миллера о приеме способного студента на работу. На заседании правительства Академии, решавшем вопрос о новых зачислениях в штат, А.А.Миллер представил кандидатуру Б.Б.Пиотровского для зачисления лаборантом в свой отряд. Неожиданно академик Н.Я.Марр расшумелся и в зачислении Б.Б.Пиотровского лаборантом отказал.

Как выяснилось немного позже, Борис Борисович с 1 декабря 1929 г. был зачислен в должность, но не лаборанта, а младшего научного сотрудника и не в археологический сектор, а в "Сектор языка как фактора материальной культуры", которым руководил сам Марр.

В 1930 г. Б.Б.Пиотровский успешно окончил университет и опубликовал еще четыре статьи (две на немецком⁵, одну на французском⁶ и одну на русском языках⁷). Его работы в "Секторе языка..." преимущественно касались семантики. Борис Борисович не только продолжал изучать египетские термины, использовавшиеся для обозначения металлов, но и исследовал

соотнесенность египетских амулетов в форме глаза с понятиями "жизнь" и "благополучие"⁸. Он написал небольшую работу "Семантический пучок в памятниках материальной культуры", которая была издана отдельной книжкой.

В этой работе с привлечением этнографического и археологического материала анализировались росписи на додинастических египетских сосудах. Б.Б.Пиотровский обратил внимание на пучок семантических связей: "вода" - "дерево" - "женщина" - "плодородие". Эти элементы древнейших изображений, по его мнению, позднее перешли в религиозно-магические тексты, т.н. "Книгу мертвых".

Академик Н.Я.Марр с интересом относился к материалу древнеегипетского языка, где семантические связи были особенно наглядны благодаря наличию в иероглифическом письме пиктографических идеограмм и понятийных определителей, т.н. детерминативов. Он внимательно следил за работой Б.Б.Пиотровского и в то же время обращался к нему за помощью как к консультанту по египетской части.

Однажды Н.Я.Марр в разговоре с Б.Б.Пиотровским сказал о том, что Египет далеко, неизвестно, когда удастся туда попасть, а вот на Кавказе, в Армении существует еще неоткрытая культура одного из народов, который древние тексты называет халдами или урартами. Николай Яковлевич советовал своему сотруднику заняться поисками памятников этой древней культуры.

"Разговор имел очень важное значение в моей жизни, - вспоминает Б.Б.Пиотровский. - Он изменил направление моих работ, которые пошли по новому, очень перспективному руслу".

* *

С 1930 г. в научной деятельности Б.Б.Пиотровского заметилось три основных направления: интерес к египтологии стал ослабевать, в то время как усиливался интерес к древнему царству Урарту и скифам. Позднее к этим направлениям присоединилось еще и исследование общих проблем истории мировой культуры.

Хорошо известно, что к началу 30-х годов урартология представляла собой лишь одно из побочных направлений ассириологической науки. Сведения о загадочном древнем государ-

стве черпались почти всецело из клинописных текстов ассирийского времени, а культура урартов была совершенно неизвестна. Не удивительно поэтому, что, приступая к разработке новой научной темы, Б.Б.Пиотровский уделил большое внимание изучению урартского языка. В этом ему помогал на-
вук, приобретенный во время занятий аккадской клинописью у А.П.Грифтина.

Непосредственным наставником Бориса Борисовича в чтении урартских клинообразных надписей стал И.И.Мещанинов – ближайший сподвижник Н.Я.Марра, будущий академик. Однако Б.Б.Пиотровский вряд ли бы когда-либо стал общепризнанным лидером мировой урартологии, если бы в своих научных изысканиях лишь покорно следовал за автором "Халдоведения"⁹. Добиться принципиально новых результатов он смог благодаря комплексному подходу к проблеме. Этот подход подразумевал постоянное сопоставление результатов археологических изысканий с данными урартских и ассирийских письменных памятников, а также изучение всех возникающих при таком сопоставлении проблем на широком фоне социально-политической истории древнего Востока.

С 1930 г. Б.Б.Пиотровский начал систематическое обследование различных районов Советской Армении с целью выявления новых памятников урартского периода. Особенно успешными стали работы 1934 г., когда на берегу озера Севан был открыт ряд урартских крепостей. Вместе с тем, на протяжении всех 30-х гг. он принимал деятельное участие в археологических экспедициях, работавших в разных местах нашей страны – от Дона до Средней Азии. Наблюдения над археологическими находками, сделанными на такой огромной территории, позволили Б.Б.Пиотровскому впоследствии прийти к убеждению, что термин "скифы" можно применять не только к племенам степей Причерноморья, но и в широком смысле. Тогда открывается "斯基фский мир" – конгломерат различных племен, имевших экономическую и культурную общность и живших на весьма обширной территории, на которой одинаково были вооружение, конская упряжь, а в искусстве изображения борьбы зверей.

Следует отметить, что занимаясь в 30-е гг. преимущественно урартологией, Б.Б.Пиотровский сохранял определенный

интерес к древнему Египту. Свидетельством этого интереса явилась статья, посвященная египетским памятникам, обнаруженным на территории Северного Кавказа¹⁰. Еще с 1927 г. Борис Борисович начал составлять корпус египетских предметов, найденных на обширной территории нашей страны. Этот труд, имеющий исключительное научное значение, он продолжает и по сей день. За 60 лет, прошедшие со времени начала работы над корпусом, сама рукопись Б.Б.Пиотровского превратилась в целом ряде случаев в единственный и ценнейший источник: многие древнеегипетские предметы, известные ее автору, в годы Великой Отечественной войны бесследно исчезли.

В 1938 г. по совокупности работ Б.Б.Пиотровскому была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Тридцатилетний ученый был автором около 20 научных трудов.

В 1939 г. Б.Б.Пиотровский, назначенный начальником археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, начинает систематические раскопки на Кармир-блуре ("Красном холме"), находящемся на левом берегу реки Занги, ниже Еревана. Красный холм привлек к себе внимание археологов еще в 1936 г., когда на его юго-восточном склоне был найден обломок камня с остатками пяти строк клинообразной надписи. В третьей строке надпись отчетливо читалось имя урартского царя Русн, сына Аргишти, царствовавшего во второй четверти и середине III в. до н.э. Эта хорошо датированная надпись давала основание полагать, что на холме находится остатки урартской крепости III в. до н.э.

Уже в первые дни раскопок Б.Б.Пиотровскому стало очевидно: поверхность холма Кармир-блур скрывает остатки громадного, хорошо сохранившегося здания. В самом начале работ, после редкого для Армении ливня, удалось заметить, что поверхность Красного холма высыхает неравномерно. Влажные ее части вырисовывали план древней постройки. Это объяснялось тем, что стены, сложенные из кирпича-сырца, задерживали влагу дольше, чем грунт, заполнявший помещения. Борис Борисович немедленно стал фиксировать возникший естественным образом план. Перенесенный на бумагу, он стал для Кармир-блурской археологической экспедиции ценнейшим руководством на многие годы.

В том же 1939 г. в свет выходит еще одна небольшая книжка Б.Б.Пиотровского "Урарту. Древнейшее государство Закавказья". О значении этой работы лучше всего говорит тот факт, что в 1943 г. в Париже она была переведена и издана на армянском языке, а в Тегеране был опубликован ее персидский перевод. В июне 1940 г. за научно-популяризаторскую работу, связанную с освещением истории государства Урарту и за занятую со школьниками по этой теме, Борису Борисовичу была присуждена профессиональным союзом работников политico-просветительных учреждений СССР премия имени А.М.Горького, и указанная небольшая книжка "Урарту" стала использоваться учителями для подготовки уроков.

Весьма плодотворным был для Бориса Борисовича 1940 г. Этот год был отмечен не только успешными археологическими раскопками на Красном холме, но и двенадцатью научными публикациями. Среди них были отчеты о раскопках в Моздоке скийского могильника III-II вв. до н.э. и урартской крепости на Кармир-блуре, им был написан очерк истории техники древнего Двуречья и опубликовано сообщение о его раскопках на Чингиз-тепе около старого Мерва в Туркмении.

1941 г. сулил также быть удачным, раскопки на Кармир-блуре давали интересные результаты, но 22 июня началась Великая Отечественная война.

Первое, самое трудное время войны, Б.Б.Пиотровский провел в осажденном Ленинграде. Начальник Кармир-блурской археологической экспедиции вернулся из Армении в родной город в первых числах июля 1941 г., чтобы участвовать в защите Ленинграда. Он прошел партизанские курсы Дзержинского района и предполагал вливаться в состав частей, которые должны были действовать в тылу противника. Но судьба решила иначе. Оказалось, что отряд, в который входил Б.Б.Пиотровский, уже поздно перебрасывался в тот район, где он должен был действовать, и его расформировали. Бориса Борисовича вернули в Эрмитаж и назначили заместителем начальника противопожарной команды МПВО.

Каждый пожарный в Государственном Эрмитаже имел в ту пору свой определенный пост и охранял отведенный ему участок. Осенью и зимой 1941 г. бывало по десять—двенадцать налетов в сутки. Воздушные тревоги длились даже несколько

часов подряд. Но даже в таких условиях пожарная команда стала центром научной жизни Эрмитажа. "Нас очень беспокоило, — вспоминает Б.Б.Пиотровский, — что в случае нашей гибели все то, что нам удалось узнать, но еще не удалось опубликовать, сделать достоянием науки, общим знанием, уйдет вместе с нами, пропадет навсегда. Мы приходили к решению: надо писать, писать, немедленно, не откладывать" ¹¹.

Голодной зимой 1941-1942 гг. в свободное от оборонной работы время Борис Борисович написал свой капитальный труд "История и культура Урарту". Рецензируя эту книгу еще в рукописи, академик В.В.Струве писал в 1943 г.: "Этот актуальный труд, являющийся глубоким исследованием, покоящимся на источниках, которые в значительной своей части извлечены самим автором из архива земли, свидетельствует о высоком уровне нашей советской науки и о мощи творчества советского ученого, которого не могли сломить лишения и невзгоды в блокированном Ленинграде; эта работа должна быть включена в число трудов советских ученых, заслуживающих присуждения им высшей награды нашего советского государства" ¹².

В конце марта 1942 г. Б.Б.Пиотровский получает возможность покинуть блокированный Ленинград. Его вновь командируют в Армению, пребывание в которой оказалось для ученого чрезвычайно плодотворным. Именно там в 1944 г. вышла в свет "История и культура Урарту", которая сразу же была блестяще защищена Борисом Борисовичем в качестве докторской диссертации. Победный 1945 г. стал для Б.Б.Пиотровского годом возобновления археологических раскопок на Кармир-блуре. Раскопки снова дали науке интереснейший материал, и 4 августа 1945 г. тридцатисемилетний ученый избирается членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР, а 26 января 1946 г. он становится лауреатом Государственной (Сталинской) премии за свою книгу "История и культура Урарту".

Говоря о результатах археологических изысканий Б.Б.Пиотровского на Красном холме, особо следует подчеркнуть, что раскопки Кармир-блуре отражены в богатейшем музейном материале, который хранится в Историческом музее Армении и Государственном Эрмитаже. Этот материал является эталонным для изучения урартской культуры.

Раскопки Кармир-блуре дали множество ценнейших свидетельств для изучения земледелия, садоводства и скотоводства, которые тщательно исследовались ботаниками и зоологами. Кармир-блурские находки позволили составить достаточно целостное представление об урартском ремесле и металлургии, о многих сторонах повседневного быта древних жителей Ванского царства. Сам Б.Б.Пиотровский великолепно описал урартскую крепость, представшую перед участниками археологической экспедиции такой, какой она была в момент падения, описал с большой силой исторической достоверности: "Осиное гнездо в углу кладовой для вина, скелет ябы около караса для вина свидетельствует о темноте и сырости в подвалах крепости. Бронзовые наконечники стрел скифского типа, вынутые из кладки стены, указывают на то, кем были враги, разрушившие Тейшебаини. Метелка из пучка травы с сохранившимися, незаметными на первый взгляд цветками устанавливает сезон гибели крепости - первая половина августа. Жилища, сгоревшие в пожаре, чудом уцелевшая обстановка, а иногда и кости погибших людей и животных красноречиво рассказывают о внезапном ночном штурме. Спрятанные кучками ценностями, зарытые в земляной пол или заваленные ветками, убеждают нас в том, что защитники крепости во время осады надеялись на благоприятный исход, недаром они сделали и большие запасы продовольствия, но материалы раскопок показали, что осада была недолговременной и внезапный штурм решил судьбу крепости"¹³.

В послевоенные годы в Ленинграде Б.Б.Пиотровский отдает немало сил научно-организационной работе. С 1948 по 1953 гг. он занимает пост заместителя директора Эрмитажа по научной части. Будучи ближайшим помощником академика И.А.Орбели и исполняя множество чисто административных обязанностей, Борис Борисович не прекращает при этом интенсивных научных исследований.

В 1949 г. на основе лекционного курса, читавшегося в течение нескольких лет на историческом факультете ЛГУ, Б.Б.Пиотровский публикует "Археологию Закавказья" - книгу, в которой были показаны закономерности развития ранних видов хозяйства, соотношение первобытного земледелия и скотоводства.

В этой работе Борис Борисович поставил перед собой задачу "выявить основную линию истории развития древнего общества Закавказья, показать значение истории Закавказья для истории народов СССР на наглядном археологическом материале"¹⁴. Начав с анализа археологических материалов, относящихся к эпохам палеолита и неолита, он переходит к характеристике культуры медного века (в то время датировка этого периода была по целому ряду причин заниженной), а также описание культуры раннего периода эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.). Особенно наглядно и ярко описывает Б.Б.Пиотровский культуру эпохи бронзы (Х-ЛII вв. до н.э.), которая была им столь детально изучена в ходе собственных археологических раскопок. Завершающие лекции курса посвящены культуре периода освоения железа (вторая четверть I тысячелетия до н.э.) и скифскому проникновению в Закавказье. В своей книге Борис Борисович уделяет особое внимание развитию ранних форм хозяйственной деятельности, истории скотоводства и земледелия, проблемам взаимоотношений Закавказья с государствами древнего Востока. Именно поэтому трудно не согласиться с той оценкой, которую дает этой книге академик Ю.В.Бромлей: "Второй подобной работы, где с древнейших времен вплоть до I тыс. до н.э. излагалась бы история всего Закавказья, как особого историко-культурного региона, не было и нет ни в советской, ни в мировой научной литературе до сих пор, т.е. более чем через 30 лет после ее опубликования. Этот труд остается настольной книгой многих историков, археологов и этнографов"¹⁵.

В 1950 г. в Ереване выходит в свет первый выпуск отчета Б.Б.Пиотровского об археологических раскопках на Кармир-блуре. Эта книга обобщила результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа в 1939-1949 гг. Научный мир получил возможность с должной полнотой узнать о том, как вились раскопки урартской крепости, какие предметы материальной культуры были обнаружены археологами. При этом Борис Борисович небезосновательно уделил особое внимание предметам урартского искусства, печатям, клинописным табличкам

из архива, а также вещицам ассирийского и египетского происхождения. Этот археологический материал представлял для познания истории и культуры Ванского царства чрезвычайную ценность.

Второй выпуск отчета вышел в свет в 1952 г. и подводил итог весьма удачным раскопкам 1949–1950 гг. Именно в это время Б.Б.Пиотровский, продолжая раскапывать цитадель и кварталы древнего города Тейшебани, открыл (в цитадели ряд хозяйственных помещений, давших значительный археологический материал. Этот материал свидетельствовал о том, что город бога Тейшебы являлся крупнейшим урартским административным центром в Закавказье. Найдки позволяли отчетливее выявить связи урартов не только с племенами Закавказья и скифами Прикубанья, но и с более отдаленными от Кавказа областями, в частности с Приднепровьем. Все более очевидной становилась для Б.Б.Пиотровского картина жестокой эксплуатации урартской государственной властью закавказских племен, сопутствовавшая расцвету административных центров Ванского царства. Нарастание такого рода противоречий и привело в начале VI в. до н.э. к падению Тейшебани.

В 1955 г. Б.Б.Пиотровский публикует третью книгу о результатах Кармир-блурской археологической экспедиции. Она посвящена археологическим изысканиям 1951–1953 гг. Раскопки этих лет ставили своей задачей дальнейшее исследование помещений цитадели, главным образом ее центральной части.

Верхний этаж цитадели, находившийся только над двумя центральными отсеками здания, оказался совершенно разрушен. Сохранились лишь отдельные участки стен, а также их руины над перекрытиями нижнего этажа. Остатки цветных росписей стен, обнаруженные в завале одной из кладовых, Б.Б.Пиотровский справедливо относил к парадным комната姆 верхнего этажа.

В древности цитадель города носила название "Дом оружия". И ее раскопки дали великое множество бронзовых и железных предметов вооружения. Эти находки позволили с полной достоверностью восстановить облик урартского воина, значительно обогатив современные научные представления о военном деле на древнем Востоке. На бронзовых, богато украшенных щитах, колчанах и шлемах сохранились надписи

урартских царей VIII в. до н.э., указывающие на то, что эти предметы были перемещены в кладовые Тейшебани из более раннего урартского центра – Эребуни.

Раскопки 1952 г. дали значительное количество всевозможного рода украшений, главным образом каменных, стеклянных и фаянсовых бус. Поскольку такого рода материал был описан Борисом Борисовичем в предыдущих отчетах весьма кратко, он уделяет ему на этот раз значительное внимание: "Оказывается, сердоликовые и сардониксовые бусы, разнообразные по материалу и технике сверления, можно четко разделять на отдельные группы, соответствующие местам их изготовления. Четко выделяется группа закавказских сердоликовых бус, наиболее многочисленная и хорошо известная по раскопкам закавказских могильников. Но наряду с ней устанавливаются и другие группы, несомненно привозные, причем, единичные экземпляры бус как будто следуют определить про исходящими из восточного Ирана или северной Индии"¹⁶. Этот любопытный материал Б.Б.Пиотровский ввел в широкий научный обход в третьем выпуске своего отчета.

Работа Кармир-блурской археологической экспедиции убедительно свидетельствовала о том, что ее руководитель принадлежит к числу крупнейших советских археологов. В 1953 г. Б.Б.Пиотровский, совмещая работу в Эрмитаже, становится заведующим Ленинградским отделением Института истории материальной культуры АН СССР (с 1960 г. – ЛО Института археологии АН СССР), в каковой должности он пребывал до 1964 г.

Следует отметить, что в период заведования ЛО ИА АН СССР Б.Б.Пиотровский получает благоприятную возможность непосредственно познакомить зарубежную научную общественность с результатами своих археологических изысканий. В 1955 г. его отправляют в первую заграничную командировку на X международный конгресс историков в Риме (22 августа – 18 сентября), где Борис Борисович выступает с докладом "Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР". В следующем году он отправляется в Египет во главе делегации советских археологов и этнографов для установления научных связей между советскими и египетскими учеными и ознакомления с новыми археологическими исследованиями и реставрационными работами в стране. Находясь на берегах Нила

с 15 мая по 2 июня, Борис Борисович посещает древние памятники, находящиеся в зоне затопления высотной Асуанской плотины, пересекает египетскую границу и осматривает район Вади-Хальфа в Судане. В 1957 г. его командируют (с 25 августа по 8 сентября) в ФРГ на ХХІ Международный конгресс восстоковедов, на котором Б.Б.Пицтровский выступает с докладом "Успехи в исследовании государства Урарту". В декабре 1959г. (с 4 по 24) Борис Борисович в научной командировке в Ираке, посещает Багдад, Мосул, Насрию, Басру. С 29 апреля по 31 мая 1960 г. он вновь в Египте (в Каире и Асуане) на I сессии комитета экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии.

Как египтолог и археолог Б.Б.Пицтровский не мог не разделять всеобщего беспокойства за судьбу древних памятников, которые оказались в опасности. Строительство высотной Асуанской плотины грозило поднять воды Нила чуть ли не на 60 метров выше максимального уровня воды при старой Асуанской плотине. Вследствие этого должно было образоваться огромное, вытянутое соответственно долине Нила озеро протяженностью около 500 км. Целой древней стране - Нубии, имевшей своеобразную культуру и занимавшей промежуточное положение между Египтом и другими расположенными к югу районами Африки, предстояло уйти под воду. Будучи вплоть до 1964 г. представителем СССР в Международном консультативном комитете ЮНЕСКО, Б.Б.Пицтровский активно участвовал в деле спасения для человечества материальных свидетельств древних культур, которые оказались в зоне затопления.

В 1961 г. Академия наук СССР приняла решение о своем участии в компании Международной организации Объединенных наций по просвещению, науке и культуре (ЮНЕСКО) по сохранению памятников Нубии и направила туда археологическую экспедицию, начальником которой был назначен Борис Борисович. Экспедиция работала два сезона: с 1 декабря 1961 г. по 31 марта 1962 г. и с 14 декабря 1962 г. по 16 апреля 1963 г.

Для работы экспедиции был выбран район долины Нила протяженностью около 30 км, от Герф-Хусейне до Махарраки, включая Вади Аллаки, по которому в древности и в средние века шел путь к золотым рудникам Нубийской пустыни.

Результаты работ первого сезона советской археологической экспедиции были опубликованы в книге "Древняя Нубия",

вышедшей под общей редакцией Б.Б.Пицтровского в 1964 г. в издательстве "Наука". Участниками экспедиции были изучены древние скотоводческие поселения эпохи первых династий (Нор-Дауд), могильники Среднего царства, были скопированы египетские наскальные надписи как в прибрежной полосе района сел.Дакка, так и в Вади Аллаки, они не оставили без внимания памятники нижнего палеолита в районе Дакки-Контамны.

Занимаясь изучением культуры додинастического и раннединастического Египта, Б.Б.Пицтровский приходит к убеждению, что ведущей формой хозяйства в долине Нила в конце IV тысячелетия было скотоводство, на основе которого выросло имущественное неравенство и произошло образование классов. Подтверждение этому он видит в том, что все социальные термины древнего Египта были связаны со скотоводством. В развитии государства на территории Месопотамии Борис Борисович также реально обнаружил древнейшие скотоводческие элементы. Он пришел к выводу, что в двух районах древнего Востока - Египте и южной Месопотамии образование классов произошло на основе скотоводческого хозяйства и что этим самым, при введении ирригационного земледелия, было значительно облегчено образование древневосточного государства, выход господствующего класса из непосредственного участия в производстве.

Следует отметить, что именно в 60-е годы научная деятельность Б.Б.Пицтровского начинает получать широкое международное признание. 30 марта 1961 г. Бориса Борисовича избирают почетным членом Итальянского института доистории иprotoистории во Флоренции, а 2 февраля 1964 г. он становится почетным доктором Делийского университета. Заслуги Б.Б. Пицтровского высоко оценивают и наша страна: 15 мая 1961 г. ему присваивается звание заслуженного деятеля науки Армянской ССР, а 19 октября 1964 г. - звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

счету директором Государственного Эрмитажа. С той поры крупнейший отечественный археолог бессменно руководит крупнейшим отечественным музеем. Характеризуя те позитивные изменения, которые произошли в жизни Эрмитажа, возглавляемого Борисом Борисовичем, нельзя не упомянуть о широких международных связях музея, о настойчивом стремлении знакомить посетителей с шедеврами мирового искусства из зарубежных собраний. Исключительно много сил и времени отдает директор Государственного Эрмитажа организации обмена художественными выставками с крупнейшими музеями мира. Esta работа, требующая немалых дипломатических дарований, способствовала и способствует улучшению взаимопонимания между народами, укреплению между ними мира и дружбы.

Печальным был 1965 год для нашей востоковедной науки - 15 сентября оборвалась жизнь одного из учителей Бориса Борисовича - академика Василия Васильевича Струве. Эта утрата была особенно тяжела для кафедры истории стран древнего Востока Восточного факультета ЛГУ, которой В.В.Струве заведовал с 1920 года, после безвременной кончины своего учителя академика Б.А.Тураева. В течение всех этих лет кафедра играла исключительно важную роль в формировании новых поколений египтологов и ассириологов, в воспитании преемственности лучших традиций русской дореволюционной и послереволюционной науки. Новый заведующий кафедрой был обязан быть достоин своих славных предшественников. Именно поэтому в университете решают избрать заведующим Б.Б.Пиотровского. Время показало, что отличительными особенностями заведующего кафедрой истории стран древнего Востока стали доброжелательность и внимание к студентам, забота о судьбах выпускников кафедры, готовность оказать своим ученикам помощь даже в самых сложных житейских ситуациях.

Многочисленные почетные звания и награды, отмечавшие научные и общественные заслуги Б.Б.Пиотровского из года в год, не изменили этих особенностей его поведения.

Наряду с научно-исследовательской работой Борис Борисович отдает много сил общественной деятельности. В 1965-1969 гг. Б.Б.Пиотровский избирается депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся 10 и II со-

зывов, а с 1971 г. по настоящее время является членом Ленинградского городского Комитета КПСС. Он активно участвует в работе Союза Советских обществ дружбы с зарубежными странами, выполняя обязанности председателя Ленинградского отделения общества "СССР-Франция". С 1966 г. Б.Б.Пиотровский председатель Ленинградского отделения Воероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1977 г. он избирается еще и почетным членом ВООПИК.

Ширится международное признание научных заслуг Бориса Борисовича. 8 января 1965 г. Б.Б.Пиотровского избирают почетным членом Института египтологии Карлового университета в Праге (ЧССР), в том же году он становится членом Международного совета музеев. 11 мая 1966 г. Борис Борисович избирается членом-корреспондентом Германского археологического института (ФРГ), 12 июля 1967 г. - членом-корреспондентом Британской академии, 16 февраля 1968 г. - членом-корреспондентом Баварской академии наук (ФРГ). Наконец, 15 мая 1968 г. Б.Б.Пиотровского избирают действительным членом Академии наук Армянской ССР, а 24 ноября 1970 г. - академиком Академии наук Союза ССР.

Избрание Бориса Борисовича действительным членом АН СССР по специальности "история культуры" явилось признанием его научных заслуг именно в этой области гуманитарного знания. Уже в своих первых студенческих статьях Б.Б.Пиотровский показал глубокий интерес к историко-культурным проблемам. В работах, опубликованных в 30-е, 40-е и 50-е годы, он убедительно вскрыл многие характерные черты культурно-исторических процессов в древнем Закавказье, которые находились в неразрывной связи с культурно-историческими процессами скифского мира и древней Передней Азии в целом. Напечатанная в 1959 г. книга "Вансское царство", являющаяся дополненным и переработанным изданием книги "История и культура Урарту", по сей день может служить для историков самых различных специальностей убедительным примером того, сколь много для постижения исторической реальности дает рассмотрение события социального и политического характера на широком историко-культурном фоне.

В 60-е годы Б.Б.Пиотровский проявляет все больший интерес к темам искусствоведческим. Этот интерес в полной мере нашел свое выражение в книге "Искусство Урарту", опубликованной издательством Государственного Эрмитажа в 1962; являясь к моменту выхода в свет почти полным сводом памятников урартского искусства, книга была переведена на английский язык и в 1967 г. издана в Лондоне.

В своей научной работе Б.Б.Пиотровский много внимания уделяет теоретическим вопросам истории культуры. Ведь культура - специфическая форма деятельности человека, создающая и приумножающая материальные и духовные ценности. Культура не передается по наследственности, а воспроизводится в каждом новом поколении на основе багажа опыта и знаний предшествующих поколений, на основе культурного наследия, непрерывно передающегося из поколения в поколение и постепенно изменяющегося на основе новой идеологии. Исследуя культурное наследие разных эпох и народов, Борис Борисович устанавливает закономерности его развития и формы сохранения культурного наследия в разные исторические эпохи. Эти теоретические работы Б.Б.Пиотровского весьма интересны для анализа практической работы по охране исторических памятников, для уяснения того, как великое культурное наследие прошлого включается в современную жизнь. Продолжая Государственным Эрмитажем работу по художественному воспитанию широких кругов советской общественности ставит своей целью обогащать духовный мир современного человека. За активную работу в обществе "Знание" Борис Борисович награжден медалью имени С.И.Вавилова.

Летом 1971 г. академик Б.Б.Пиотровский завершает свои многолетние раскопки на Красном холме под Ереваном. По богатству археологических находок Кармир-блур, тщательнейшим образом исследованный Б.Б.Пиотровским и его учениками, не может сравниться ни с одним урартским памятником ни на территории СССР, ни на территории Турции. Раскопки Тейшебини дали богатейший материал, показывающий основную линию развития урартской культуры УШ-УП вв. до н.э. Вместе с тем, в ходе этих раскопок Борисом Борисовичем была создана армянская школа археологов.

Не только советская, но и мировая научная общественность по достоинству оценивала вклад Б.Б.Пиотровского в историческую науку. В том же 1970 г., когда Борис Борисович был избран действительным членом АН СССР, французская Академия надписей и изящной словесности избирает его в члены-корреспонденты. 14 января 1974 г. Б.Б.Пиотровскому присуждается премия имени Фирдоуси, для получения которой Борис Борисович в марте месяце посещает Иран. 2 апреля 1974 г. директору Государственного Эрмитажа присваивается звание заслуженного деятеля культуры Польской Народной Республики. 2 мая 1977 г. Б.Б.Пиотровский избирается почетным членом Азиатского общества (Франция), 2 июня 1978 г. действительным членом Германского археологического института. В том же 1978 г. его избирают в члены-корреспонденты Академии художеств Сан-Фернандо (Испания), а 28 июня 1979 г. он становится почетным членом Академии искусства и рисunka во Флоренции.

Мы уже упоминали о том большом внимании, которое директор Эрмитажа уделяет организации международных выставок, знакомящих посетителей музея с культурами разных времен и стран. Едва ли не самой впечатляющей из них стала выставка "Сокровища гробницы Тутанхамона", которая экспонировалась в Ленинграде, Москве и Киеве. Именно для того, чтобы тысячи советских людей смогли своими глазами увидеть удивительные произведения египетского искусства, академик Б.Б.Пиотровский отправляется в 1972 г. в свою тридцать первую зарубежную командировку. С 15 по 22 августа он в Египте, работает над подготовкой соглашения между музеями Каира и Эрмитажем. Побывав в сентябре месяце в Иране, он возвращается на берега Нила лишь 14 декабря в составе делегации Министерства культуры СССР и покидает Египет 26 декабря. Наступает новый 1973 год. В апреле месяце Борису Борисовичу нужно читать лекции в Бельгии (в университете города Гента) и в Австрии (в естественно-историческом музее Вены), но соглашение об обмене выставками с музеями Каира еще не заключено, и, покинув 15 числа Австрию, он 19 апреля возобновляет переговоры в столице Египта. Каир Б.Б.Пиотровский покидает 24 чис-

ла - договоренность достигнута. И, наконец, тридцать седьмая заграничная командировка: Каир (3-7 августа) - подписание соглашения о выставке "Сокровища гробницы Тутанхамона".

Осенью 1973 г. посетители Эрмитажа могли ознакомиться с замечательными памятниками древнеегипетского искусства, имея в руках путеводитель по выставке, написанный Б.Б.Пиотровским. В путеводителе были затронуты также и научные проблемы, в частности, Борис Борисович изложил свое мнение о наличии в гробнице Тутанхамона иноземных даров. Еще задолго до открытия выставки он обращал внимание на то, что в гробнице египетского фараона имеются предметы, сходные с изображенными в росписях гробницы наместника Нубии Хеви "Наибольший интерес среди росписей этой гробницы, - писал Б.Б.Пиотровский в 1964 г., - представляет сцена доставки дани из Нубии ко двору Тутанхамона. Тремя рядами к трону фараона движутся нубийцы, подносящие дары и пригоняющие скот... Среди даров - щиты, луки, колесница, роскошные ложе, троны, скамейки. Многие из них напоминают предметы, найденные в гробнице Тутанхамона"¹⁷. По его мнению, многие роскошные изделия из царского погребения, выполненные в египетском стиле (с изображением фараона), были дарами иноземных правителей, ибо некоторые фигуры на них изображены с нарушением канона, а иероглифические надписи содержали ошибки. Борис Борисович считает, что можно легко установить тот образец надписи, который был совершенно произвольно, с лишением смысла, использован при изготовлении богато украшенного деревянного ларца. Он полагает, что египетские иероглифические надписи могли наноситься на иноземные предметы. Именно так, по его мнению, поступили с ножами железного кинжала, явно не египетского происхождения. Б.Б.Пиотровский стремится подчеркнуть широту связей древнего Египта с соседними странами, которая в полной мере отразилась в документах клинописного архива из Тель-Амарны, содержащего дипломатическую переписку фараонов конца XVIII династии.

* * *

6 марта 1980 г. в Московском Доме ученых завершила свою работу годичная сессия Академии наук СССР. В заключительный день состоялись выборы Президиума АН СССР. В его состав в числе других авторитетнейших академиков был избран Борис Борисович Пиотровский. Вскоре после избрания Борису Борисовичу пришлось еще и временно взять на себя исполнение обязанностей академика-секретаря Отделения истории по руководству исторической наукой в нашей стране. В этой многотрудной деятельности ему помогал не только разносторонний жизненный опыт, но и большой научный авторитет.

В истории советской гуманитарной науки трудно найти академика, чьи научные и общественные заслуги стяжали бы большее международное признание, чем заслуги Б.Б.Пиотровского. В 80-е годы это стало особенно очевидно.

8 октября 1980 г. Борису Борисовичу присуждается премия имени Карпинского (Гамбург, ФРГ), II ноября он избирается почетным членом Международного совета музеев. 12 мая 1981 г. его награждают французским командорским орденом искусства и литературы, а 28 декабря того же года - болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени. 1 марта 1984 г. Б.Б.Пиотровский избирается действительным членом Королевской Академии Марокко, 5 июня выносится решение о его награждении орденом Федеративной Республики Германия за заслуги в области науки и искусства. Орден "Pour le mérite für Wissenschaften und Künste" - старинный прусский орден, которым по обычаям награждали корифеев немецкой и мировой науки, выдающихся деятелей искусства. Достаточно сказать, что из исследователей древности и востоковедов его обладателями были сэр Генри Раулинсон и Рихард Лепсиус, Адольф Эрман и Эдуард Мейер, Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф и Теодор Моммзен. Теперь достойным этого ордена признали Б.Б.Пиотровского. 19 декабря 1985 г. Бориса Борисовича избирают почетным доктором Гентского университета (Бельгия), а 28 декабря 1986 г. - Иностранным Почетным членом Американского археологического института.

Высоко оценивала деятельность Б.Б.Пиотровского и наша страна. 25 февраля 1983 г. Президиум Верховного

Совета СССР издал Указ: "За большие заслуги в развитии советской науки и культуры и плодотворную общественную деятельность присвоить директору Государственного Эрмитажа академику Пиотровскому Борису Борисовичу звание Героя Социалистического труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали "Серп и Молот". Эта высшая награда нашей Родины прибавилась к двум орденам Ленина, трем орденам Трудового Красного Знамени и многим медалям, которыми Борис Борисович был награжден прежде.

Неправильно представлять себе путь не только отдельного ученого, но и целого научного направления как безмятежное восхождение к вершинам успеха. Наука о древнем Востоке, признанным лидером которой сейчас является Б.Б. Пиотровский, знала и трудные времена. Горьким для отечественной египтологии стало начало 80-х годов: ушли из жизни два талантливейших ученика Ю.Я.Перепелкина – академик М.А.Коростовцев и профессор Н.С.Петровский, а 7 марта 1982 г. скоропостижно скончался их учитель – величайший знаток письменностей и языков древних египтян¹⁸. Вслед за кончиной Ю.Я.Перепелкина последовала смерть И.В.Виноградова – некому стало вести занятия по египетскому языку в Ленинградском университете. В сложившейся ситуации заведующий кафедрой истории стран древнего Востока, в подчинении которого остался один ассириолог доцент Р.А.Грибов, принимает единственно верное решение – все внимание уделить подготовке аспирантов, чтобы они через несколько лет смогли прийти к будущим студентам в качестве подготовленных преподавателей.

Не все смогли сразу понять научную и практическую обоснованность такого шага. На страницах печати появились даже панические сообщения о том, что академик Б.Б. Пиотровский хочет закрыть в ленинградском университете кафедру египтологии, потому что преподававшие там египтологи умерли, а преемников по разным причинам не нашлось¹⁹. Однако время убеждает в правоте академика: уже защитил диссертацию и успешно преподает первый из аспирантов, усердно совершенствует свои египтологические познания второй.

Вопросы подготовки квалифицированных научных кадров беспокоят Б.Б.Пиотровского не только в рамках заведования кафедрой истории стран древнего Востока. Борис Борисович руководил диссертационными исследованиями аспирантов и научных сотрудников Академии наук Армянской ССР и Института востоковедения в Москве, Государственного Эрмитажа и Института истории естествознания и техники АН СССР. Многократно выступал он в роли официального оппонента при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Ученые Б.Б.Пиотровского пополняют ряды советских востоковедов, занимавшихся древностью, и многие из них уже стали известными учеными. Молодые исследователи постоянно пользуются консультациями Бориса Борисовича и его научным архивом, содержащим большой и в значительной степени еще неопубликованный материал. В архиве академика находится около 150 папок с рукописями, рисунками и конспектами по отдельным темам. Большой раздел этого архива составляют дневники заграничных поездок Бориса Борисовича (в 120 записных книжках описано более восьмидесяти командировок за рубеж), дневники археологических раскопок в Армении и Нури.

Несмотря на крайнюю в последние годы загруженность административными, общественными и научно-организационными делами, Б.Б.Пиотровский никогда не забывает о главном для всякого ученого деле – о самостоятельной научно-исследовательской работе. Именно в период исполнения обязанностей академика-секретаря (помимо многих прочих) Борис Борисович подготовил к изданию книгу "Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нури", которая была напечатана издательством "Наука" в 1983 г. Книга подводит итог результатам работ археологической экспедиции АН СССР и Египетской арабской республике в 1961–1962, 1962–1963 гг. Впервые в полном виде были опубликованы наскальные надписи Вади Аллаки как в прорисовках, так и в иероглифической транскрипции, дан их перевод.

Б.Б.Пиотровский занимается широким теоретическим и практическим изучением мировой культуры. В этой связи его особенно интересуют вопросы культурного наследия, его ро-

ли в развитии всемирно-исторического культурного процесса. Его волнуют судьбы классического культурного наследия в связи с тенденциями к стандартизации и дегуманизации архитектурно-художественных форм, проблемы его сохранения и трансформации в меняющихся исторических условиях. "Родился я с любовью к искусству", - любит повторять Борис Борисович пушкинскую строку. Нам же вспоминаются слова Еврипида:

τὸ γὰρ εὐγενὲς
έκφερται πρὸς αἰδὼ
ἐν τοῖς ὀγυαθοῖς δὲ πάντ' ἔμεστιν σοφίας.
"Благородный дух...
Чести голосу послушен.
Будьте добрыми - и мудрость
Вы найдете".

(Алкестида, 601-603)

Примечания

- Пиотровский Б.Б. По поводу древнеегипетского "железо". - "Доклады Академии наук СССР", В., 1929, с. I-4.
- Piotrovskij B. Das Karnak-Relief des Hohenpriester Amenhotpe. - "Доклады Академии наук СССР", В., 1929, с. II5 - II9.
- Fedorov W. Roi ou statue royale? - "Chronique d'Egypte", Bruxelles, 1959, t. 34, № 68.
- Флинтнер Н.Л. Путеводитель по залам Древнего Египта (пособие для экскурсантов и экскурсоводов). Л., Изд. Гос.Эрмитажа, 1929, с.3.
- Piotrovskij B., Snagireff J. Ägyptische vordynastische Altertümer den Kollektionen d. Staatlichen Ermitage. "Сборник египтологического кружка при Ленинградском Государственном университете", № 5, 1930, с.18-24.
Piotrovskij B. Zur Revision der Verteilung des Wortschatzes im ägyptischen Wörterbuch. - "Сборник египтологического кружка при Ленинградском Государственном университете", № 6, 1930, с.5-9.
- Piotrovskij B. Deux enseignes sur le barques égyptiens prédynastiques. - "Сборник египтологического кружка при Ленинградском Гос. Университете", № 5, 1930, с. 17.
- Пиотровский Б.Б. Семантический пучок в памятниках материальной культуры. (К интерпретации росписей египетской доиниasticкой керамики). - "Известия ГАИМК", том II, вып.Х, 1930, с.1-24.
- Пиотровский Б.Б. Амулеты в форме глаза в древнем Египте ("глаз" → "солнце" → "жизнь"). - "Известия ГАИМК", том III, вып.3, 1931, с.10-17.
- Жемчужинов И.И. Халдоведение. История древнего Вана, включая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтения клинописных текстов халдов-урартов. Баку, 1927, с.274.
- Piotrovskij B. Ägyptische Altertümer im nord-kaukasischen Gebiet. - "Сборник кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Publications 2(9), Ленинград , Издание Эрмитажа, 1935, с. 35-49.
- Пиотровско по книге: Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. М.-Л., Изд. "Советский художник", 1965, с.94.
- Пиотровско по книге: Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. М.-Л., изд. "Советский художник", 1965, с.95.
- Пиотровский Б.Б. Урарту. - В кн.: По следам древних культур. М., 1951, с.79.
- Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., изд. ЛГУ, 1949, с.3.
- Бромлей Ю.В. Многогранный исследователь истории мировой культуры (к 75-летию академика Б.Б.Пиотровского). - В кн.: Культурное наследие Востока. Проблемы, поиск, суждения. Л., "Наука", 1985, с.Ю.
- Пиотровский Б.Б. Кармир-блур. Ш. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа, 1951-1953 гг. Ереван. Изд. АН Армянской ССР, 1955, с.5.
- Пиотровский Б.Б. Страницы древней истории северной Нубии. - В кн.: Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской

- Республике, 1961-1962. М.-Л., "Наука", 1964, с.25.
18. Вассоевич А.Л. К истории изучения письменности и языка древних египтян (Филологические труды Ю.Я.Перепелкина). - "Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка", т.43, № 3, 1984, с.258-265.
19. Чегодаев А. Наука об искусстве: сигнал тревоги. - "Советская культура", 31 января 1987 г., № 14 (6270), с.4-5.

Е.А.Мончадская

ЗЕЛЕНЧУКОВСКОЕ УГОЛЬНОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ В ДРЕВНОСТИ
(Flin., nh II, 237)

В конце июня 1946 г. Верхнезеравшанский отряд под руководством член-корр.АН СССР А.Ю.Якубовского, начальника только что созданной Таджикской археологической экспедиции АН СССР, впервые выехал из Сталинабада в долину Зеравши для проведения там разведочных работ. В состав отряда входила группа студентов ЛГУ, среди которых был и автор этой статьи.

Наша машина, оставив позади ущелье Варзоба и Анзобский перевал через Гиссарский хребет, приехала в долину рек Янчобе и Фандары и остановилась около кишлака Такфон. Здесь мы оказались свидетелями замечательного зрелища.

Вокруг нас были высокие горы, а в горах, как известно, темнеет неожиданно быстро. С наступлением темноты вершины горы, находившаяся вдали прямо перед нами, вдруг озарилась ярким светом. Казалось, что там, высоко в горах, одновременно загорлось множество огней. Мы стояли и смотрели на это чудо, как завороженные. По наивности мы, студенты-приятелья из Ленинграда, впервые попавшие в эту удивительную горную страну - Кухистан, решили, что это пастухи, пасущие свои стада, развели костры на вершине горы.

И только много лет спустя я узнала, что это были не огни пастушеских костров, а одно из чудесных явлений природы.

Оказалось, что в недрах этой горы находятся залежи каменного угля, который горит глубоко под землей. Выделяющиеся при горении газы сквозь расщелины, щели и трещины, образовавшиеся в скалах, выходят наружу вместе с языками пламени, которые темными ночами хорошо видны на далеком расстоянии.

Люди, попадавшие в этот горный район Таджикистана, не могли не заметить этого удивительного природного явления и, конечно, рассказывали о нем другим. А путешественники и ученые, которые в XIX в. стали проникать в эти места, описывали в своих дневниках и отчетах "горящую гору"

Фантага или Кантага, как они ее называли.

Одним из первых русских ученых, который не только в дел издали этот интереснейший феномен, но и сам побывал вершине этой горы, был А.Леман. Он был участником дипломатической миссии Бутенева, направлявшейся в 1841 г. из России в Бухару для установления более тесных экономических и политических связей с Бухарским ханством. В состав этой экспедиции входили Богословский и Н.В.Ханыков. Экспедиция собрала много данных о Бухарском ханстве и описала Зеравшанскую долину. Богословский и Леман посетили озеро Искардар-куль¹. А.П.Федченко писал о Лемане, что он "единственный ученый исследователь долины Зеравшана" и неоднократно упоминал его в своих отчетах².

М.Е.Массон, изучавший материалы экспедиции А.Лемана написал: "Каменноугольные месторождения по Зеравшану восточнее местечка Сарвады впервые отметили участники русской экспедиции в Бухару в 1841 г."³ Н.В.Ханыков охарактеризовал эти залежи как "богатые копи прекрасного каменного угля"⁴.

Сейчас это месторождение каменного угля называется Фан-Ягнобским.

В 1870 г. эти места посетила экспедиция русского ученого и исследователя Средней Азии А.П.Федченко (1844-1870). В своем отчете о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана А.П.Федченко писал, что он и его сотрудники "посетили Кантаг - рудную гору, из которой жители добывают серу и напаштырь... Тут же вблизи рудника есть слои каменного угля, но достоинства весьма низкого... Фанский каменный уголь, по местным физическим и экономическим условиям не могущий быть с выгодой употреблен на тощество, играет здесь другую весьма важную роль по тем продуктам, которые из него получаются"⁵.

Вскоре после А.П.Федченко в этих местах побывал Генрих Миль. Его книгу "Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи" перевела с английского языка жена А.П.Федченко - О.А.Федченко, а сам Федченко и Н.В.Ханыков снабдили эту книгу дополнениями и примечаниями⁶.

В 1879 г. И.Минаев относительно Кухистана писал: "В бывших таджикских владениях Мача (теперь - Матча - Е.М.)

и Фанту (теперь - Ягноб - Е.М.), ныне присоединенных к Зеравшанскому округу под общим названием Когистана (теперь - Кундукан - Е.М.), тянутся ветви гор, разделяющие бассейны Согдианы и Бактрианы... Горы эти достигают области вечных снегов, и в настоящее время отдельные части их носят различные названия. Так, около Фан-Сарвады горы называются Фантиком... Существование поблизости горящей горы Фантико подтверждено свидетельством А.П.Федченко, посетившего ее в 1870 г."⁷.

Также, вторым, кто посетил "горящую гору Фантага", был австрийский ученый А.П.Федченко.

Известный австрийский ученый В.Томашек, великолепный переводчик античных авторов, знакомый с работой А.Лемана, которую он цитирует⁸, и с отчетом А.П.Федченко, в своей монографии о Согдиане, изданной в 1877 г., приводит одно из свидетельств Плиния Старшего (23-79 гг. н.э.). Это свидетельство несомненно связано с "горящей горой" Фантага или Фантаг.

В.Томашек написал: "С большим основанием приводим мы еще одно свидетельство из древности, которое нашлось у естествопытателя Плиния (II § 237): *Flagrat in Bactris Cophantib[us] noctibus vortex*"⁹. К сожалению, В.Томашек, приведя эту интереснейшую фразу из II-й книги "Естественной истории" Плиния Старшего, не дает нам своего перевода.

Однако, пытаясь объяснить непонятное ему слово "Cophantib[us]", В.Томашек обращается к "Географии" Птолемея (II в. н.э.). У него он находит название Cophantes / в греческом варианте Κωφάντης - Е.М./ (ср. Cophanta /Κωφάντα/ местность в Кармании - Ptolem. . УI, 8, 4...) восходит к бактр. (м.б. авестийскому - Е.М.) kaofa - дрозденперс. kaufa- "горб", "горный хребет", откуда появилась новоперс. kūh - "гора", и означает, таким образом, "неровный, богатый вершинами"¹⁰.

Томашек высказывает здесь, на мой взгляд, очень правильную мысль относительно непосредственной связи значения "Кофанта" с древнеперсидским и авестийским словом гора. Из изданий текста Ахеменидских надписей до 1877 г. Томашек мог воспользоваться следующими: Th. Benfey , 1847; J. Oppert , 1851-1852; F. Spiegel , 1862 (I-е изда-

ние) и С.Коссович, 1872¹¹. Ближе всего к 1877 г. - год выхода в свет "Согдианы" Томашека, находится К.Коссович, в Глоссарии которого мы находим " кауфа , гора"¹². Авестийский же язык, который Томашек называет бактрийским, в то время был еще мало изучен. Иначе Томашек сам развел с дальнейшем свою догадку. Однако при переводе и комментировании вышеприведенной фразы из текста Плиния Старшего я с благодарностью воспользуюсь этим указанием Томашека.

Что же касается ссылки Томашека на текст Птолемея (Ул.8,14), где упомянуто такое же, как у Плиния (П.237) название *Cophanta*, то это название относится к совсем другой древней области Азии - Кармании. Кармания расположена между Гедросией и Персидой на северном побережье Персидского залива. "Ныне это отчасти район Кермана и Ларистана"¹³. Таким образом, ясно, что этот "Кофант", находясь далеко от Бактрии и Согдианы, ничего общего с "бактрийским Кофантом" не имеет. Однако на основании свидетельств Страбона, Плуторка и др. нам известно, что в Кармании имеются горы и границей ее является горная цепь¹⁴.

Обратимся теперь к переводам "Естественной истории" Плиния Старшего. Полного перевода этого труда на русский язык не существует. Достаточно сказать, что из 37 книг полностью переведены только ХIII и ХШ книги о сельском хозяйстве¹⁵. Из остальных - переведены отрывки. К примеру, из интересующей нас П-й книги, в которой Плиний говорит о вселенной и о всем мироздании, излагая астрономические, космогонические и физические сведения, В.В.Латышев перевел семь параграфов¹⁶, а Н.М.Подземская - двадцать два параграфа¹⁷.

За последние годы А.Л.Бассоевич, занимаясь этимологией слова "нефть", перевел § 235 из П-й книги и §§ 178-179 из XXXV-й книги "Естественная история" Плиния¹⁸. Теперь мы подошли вплотную к § 237 П-й книги, который содержит фразу с "бактрийским Кофантом", латинский текст ее был выше приведен В.Томашеком без перевода (1877). Этую фразу, вынув ее из текста, перевели М.Е.Массон (1934) и И.В.Пьянков (1982).

В книге М.Е.Массона даны и текст и перевод интересующей нас фразы из труда Плиния Старшего¹⁹: " *Flagrat in*

Castis Cophanti noctibus vortex " (П.237).

Латинский текст у Томашека и М.Е.Массона одинаков. Но это свидетельствует последнее слово фразы в форме *vortex*. Форма эта архаична. В издании Л.Яна 1854 года в тексте Плиния уже стоит форма *vertex*, причем, значение форм *vortex* и *vertex* - одинаковы. Мне неизвестно, каким изданием текста Плиния пользовался М.Е.Массон. Однако в библиографии, указанной в конце книги, упомянут только первые Плиния, вернее, отрывков из Плиния, касающейся палеонтологии и минералогии, который сделал В.М.Севергин в 1932 г.²⁰. Возможно, что М.Е.Массон взял перевод В.Севергина: "*Ночами пылает вихрь в бактрийском Кофанте*" (с.60).

Важно за Томашеком М.Е.Массон связывает это явление с "горой Кантанга, по Янобу" (с.60).

После появления книги М.Е.Массона "Из истории горной промышленности Таджикистана" (1934) все исследователи, занимавшиеся Кукистаном и долиной Верхнего Зеравшана, непременно ссылались на нее²¹.

Существует еще один вариант перевода этой фразы Плиния Старшего, сделанный в 1982г. И.В.Пьянковым. Латинский текст Пьянков не приводит, в библиографии указывает английское издание Плиния 1947 г. Перевод Пьянкова такой: "*In Bactris, in Bactri, по ночам пылает вихрь*"(Н.Н.П.237) и далее дается ссылка на Томашека, ссылку же на книгу М.Е.Массона Пьянков не делает.²²

Теперь произведем филологический анализ этой фразы и попытаемся дать ее более точный и, на мой взгляд, более правильный перевод.

Для большей наглядности при сравнении вариантов перевода составлена небольшая таблица (см.ниже).

Произведем синтаксический разбор заданной латинской фразы, т.е. разберем ее по частям предложения:

- 1) *vertex* (=vortex) - подлежащее, отвечает вопрос - что?
- 2) *in Bactris* - обстоятельство места, отвечает на вопрос - где? у кого?
- 3) *flagrat* - сказуемое, отвечает на вопрос - что делает?
- 4) *noctibus* - обстоятельство времени, отвечает на вопрос - когда?

5) Cophanti - определение к подлежащему, отвечает на вопрос - чего?

Перевод и комментарий

- I) a) vortex - архаическое слово = vertex см. 23
б) vertex, icis, m I) водоворот, вихрь, смерч;
2) центр вращения неба, небесный полюс;
3) темя, макушка;
4) голова;
5) высочайшая точка, вершина
(Этны - у Цицерона); верхушка
6) высота, возвышенность гора;
7) высшая ступень, верх²⁴.

Итак, из семи значений слова "vertex" только одно означает "вихрь", а шесть других по своему значению все связаны с верхом, будь то макушка, голова, вершина, верхушка, высота, возвышенность, гора, верх. Поэтому я предлагаю перевести vertex(=vortex) не "вихрь", а вершина. Тем более, что и у Цицерона "vertex Aetnae" - это вершина вулкана Этны на о. Сицилия.

2. in Bactris-

У античных авторов для обозначения жителей Бактрии или Бактрианы имеются три варианта этнонимов: бактры, бактрии и бактрианы. Плиний употребляет первый вариант - Bactri- именит.пад. множ.числа, употребляем его с предлогом in , который, отвечая на вопрос - где? или у кого требует отделятельного падежа (ablativ.). Кроме ablative в латинском языке был еще один особый падеж, так называемый "местный", отвечавший тоже на вопрос - где? Итак, in Bactris - это этноним во множ.числе с предлогом "in он переводится - "у бактров".

Однако главный город Бактрии назывался по-гречески τὰς Βάκτρας (средний род, множ.число). Если латинизировать греческое название города Бактра, то в ед.числе будет Bactrum , а во множ.числе топоним - Bactri , форма, совпадающая с этнонимом, а при склонении этого топонима с предлогом in (где?) формы этнонима и топонима совпадут - " in Bactris" - в (городе) Бактре", и правильно пе-

речить это можно только по смыслу; исходя из контекста: τὰς Βάκτρας (этноним, gens) - у бактров
τὰς Βάκτρας (топоним, igrs) - в Бактре (городе).

В данном конкретном случае речь идет не о городе, а о жителях, где живут бактрийцы, т.к. там находится "вершина, которая горит по ночам", исходя из этого смысла, safest точный перевод у бактров.

В этом издании Плиния, которым я пользовалась (L.Janus т. II - 1854; т. I (index) - 1865), издатель текста Л. Ян пишет, что в § 237 II-й книги речь идет о бактрах - народах (роды), с чем я полностью согласна. Тем более, что в трудах Плиния этноним Bactri встречается 10 раз, в том числе с предлогом "in" - четыре раза. Попутно скажем, что бактрии, жителей соседней с Бактрией Согдиани, Плиний упоминает в форме Sogdiani один единственный раз и то в самом первом среди других народов (Plin. УЛ, 49).

B. flagrat - 3 л.ед.числе, наст.времени от глагола flagrare - гореть, пылать, означает - пылает. Он неоднократно употребляется Плинием в § 236 и 237 II-й книги.

4. noctibus - по ночам или ночами от лех, noctis f. - ночь - ablativ. множ.числа.

Заключительный комментарий требует самое интересное слово этой главы Плиния.

5. Cophanti-

Производя синтаксический разбор этого предложения, я пришел к выводу, что это слово определяет подлежащее. Подлежащее стоит в родит.падеже единств.числа и отвечает на вопрос: вершина чего? Издатель текста Плиния Л. Ян напоминает нам, что "Cophanti- mons in Bactris flagrans" т.е. "вызывающая гора у бактров"²⁵

В "Словаре греческих собственных имен" В.Папе написано "bei Plin. 2,237 ist Cophantus ein Berg in Bactria", т.е. "Кофантус это гора в Бактриане"²⁶.

В.Папе считает, что именительный падеж - это Cophantos . Следует, что та форма, которая у Плиния,- Cophantos - это родит.падеж. Название горы явно не латинское. Возможно, что Плиний взял его из греческого источника, который нам неизвестен. Образовано это название,

получившее по-латыни форму *Cophantus*, по типу латинизации греческих названий гор, а именно:

- 1) *Olympus*, *i*, *m* Олимп
- 2) *Parnas(s)us (-os)*, *i*, *m* Парнас
- 3) *Paropamisus*, *i*, *m* Паропамис, горная цепь к югу от Бактрии (Гиндукуш).

Итак, Плиний образовал *Cophantus* по аналогии с другими греческими названиями гор (оронимы), перешедшими в латинский язык.

Что же такое "бактрийский Кофант"? Относительно формы "у бактров" мы разобрались. Теперь о "Кофанте". Ясно, что это не латинское название. Ясно, что оно пришло к Плинию из неизвестного нам источника, не будем гадать, из какого, но в то же время оно может быть и не греческое. А какое? Вспомним предположение В.Томашека, упомянутое выше.

Обратимся к книге С.Н.Соколова, великолепного знатока авестийского языка, которая так и называется "Язык Авесты", у него читаем:

"KAUFA - " - родит.падж множ.числа kaofanam - гора
др.перс.- kaufa - парф. kwf НОВОПЕРС. kōh ;
тадж. kӯн".²⁷

Значит, родит.падж множ.числа от горы будет "гора", а это и есть авестийская форма kaofanam, очень близкая к "Кофанту". Не от нее ли образовалось название "Кофант" (в греч.языке) - *Cophantus* (в лат.языке)? Если принять предположение, что *Cophantus* связан с авестийским словом kaufa- гора, то *vertex Cophanti* надлежит перевести как вершина горы (а если во множ.числе, то вершина гор). Поскольку глагол "flagrat", означающий гореть, пылать, стоит в единственном числе настоящего времени, то вся фраза Плиния Старшего переводится так: "Пылает у бактров по ночам вершина горы".

Установленный Порядок слов в предложении I		Установленный Порядок слов в предложении 4		Установленный Порядок слов в предложении I	
Flagrat	In	Бактры	Софант	поступив	ЧОЛОН
Пылает	в	бактрий- ском	Кофанте	ночами	VERTEX
Порядок слов в предложении I	2		3	4	5
Пылает	Бактрии	Кофанти	по ночам	вихрь	И.В.Плыников 1982 г.
Порядок слов в предложении 4	2	1	3	3	5
Пылает	у бактров	горы	по ночам	вершине	Е.А.Моргани- ская. 1988г.
Порядок слов в предложении I	2		5	3	4

Сведения о жизни Плиния Старшего (23-79), известного ученого, естествоиспытателя и историка, сохранилось немногого. По крупицам их можно найти в его краткой биографии, писанной Светонием (I-II вв)²⁸, в письмах его племянника Плиния Младшего (61/62-II14), адресованных Бебию Макру и Тадику²⁹, и в самом сочинении Плиния Старшего *Naturalis Historia* – "Естественная история".

Гай Плиний Секунд Старший родился в 23 г. в Комо, в Северной Италии. Его отец принадлежал к сословию воадников. Образование он получил в Риме. Военную службу отслужил в Германии. Сначала был начальником конного отряда в Нижней Германии, потом – военным трибуном в Верхней Германии. Вернувшись в Рим, занимался юриспруденцией и литературной работой. В ранние годы Нерона он был прокуратором Проконсульской Африке (ныне Тунис). При Веспасиане и его сыне Тите занимал видные должности. В 69 г. был назначен имперским прокуратором, т.е. заведовал императорскими доходами, сначала в Нарбоннской провинции (Южная Галлия), затем и в Испании, где он пробыл, возможно, до 73 г. Впоследствии ему было поручено командование флотом в Неаполитанском заливе, в городе Мизене (Кампания), где он находился до дня своей гибели (26 августа 79 г.)³⁰.

Плиний Старший с ранних лет проявлял незаурядные способности и обладал огромной каждой знаний. Он знакомился с рукописями и автографами известных политических деятелей и знаменитых писателей, много внимания уделял естественным наукам³¹. Склонность к научным занятиям в сочетании с исключительной работоспособностью он сохранил до последних дней³².

Плиний Младший писал о своем дяде Бебии Макре, что "потерянным он считал все время, отданное не занятиям"³³. А о своей занятости Плиний Старший сам писал так: "... Я ведь только человек, притом занятый служебными обязанностями; я занимаюсь этим трудом (т.е. научным – Е.М.) только вочные часы"³⁴.

Об извержении Везувия и о последних днях жизни Плиния Старшего рассказывает его племянник в письме к Тадику (Epist. VI, 16).

24 августа 79 г. Плиний Старший "был в Мизене и командовал флотом... Он (5) уже погрелся на солнце, обмылся холодной водой, закусил и легка занимался". Это сестра обратила его внимание на необычное по величине и по виду облако, появившееся на небе. "Он требует санации и поднимается на такое место, откуда лучше всего можно было разглядеть это удивительное явление". "Облако (глаголе издали не могли определить, над какой горой оно висело), что это был Везувий, признали позже), по форме больше всего походило на пинию: (6) вверх поднималось как бы высокий ствол и от него во все стороны расширялось как бы ветви... Местами оно было яркого белого цвета, местами в грязных пятнах, словно от земли и пепла, выпущенных кверху. (7) Явление это показалось дяде, человеку ученному, значительным и заставляющим близкшего сознания..." (8). Он собирался выйти из дома, когда получил письмо от жены своего друга, вилла которого находилась под горой, и они могли спастись только морем, т.к. дорогу засыпало камнями и пеплом, чтобы он пришел на помощь. (9) Он велел вывести квадриремы (большие суда) и "затем поднялся на корабль, собираясь подать помощь и многим другим, так как это побережье было очень заселено. (10) Он спешит туда, откуда другие бегут, держит прямой курс, стремится прямо в опасность и до того свободен от страха, что, увидев любое изменение в очертаниях этого странного явления, велит отметить и записать его. (II) На суда уже падал пепел, и чем ближе они подъезжали, тем гуще и гуще; уже падали куски пемзы и черные обожженные обломки камней, внезапно появилась отмель и доступ к берегу преградил обвал". Тогда Плиний решает плыть (12) в Стабии /в 30 км от Мизены – Е.М./ на противоположном берегу, чтобы спасти другого своего друга Помпониана. "Сильный ветер дул на берег с моря и Плиний, погрузив веница друга, не может отплыть". Он возвращается на берег веница друга, моется в бане, обедает и старается всех успокоить. "(13) Тем временем во многих местах из Везувия широко разлился, взметываясь кверху, огонь, особенно яркий в ночной темноте. Плиний твердил, стараясь успокоить пере-

пуганных людей, что это селяне вспыхах забыли загасить огонь и в покинутых усадьбах занялся пожар...". "...(15) Все советуются, оставаться ли в помещении или выйти на открытое место: от частых и сильных толчков здания шатались... (16) Под открытым же небом было страшно от падающих кусков пемзы, хотя легких и пористых; выбрали вернуться под открытое небо. В защиту от падающих камней кладут на головы подушки и привязывают их полотенцами. (17) По другим местам день (25 августа), здесь ночь чернее и плоснее всех ночей, хотя темноту и разгоняли многочисленные факелы и разные огни. Решили выйти на берег и посмотреть вблизи, можно ли выйти в море: оно было по-прежнему бурным и враждебным". (18) Плиний "лег на подостланный парус, попросил раз-другой холодной воды и глотнул ее. Огонь и запах серы, возвещающий о приближении огня, обращают других в бегство, а его поднимают на ноги. (19) Он встал, опираясь на двух рабов, и тут же упал, думаю, потому, что от густых испарений ему перекратило дыхание и закрыло дыхательное горло: сно у него от природы было слабым, узким и часто побаливало. Когда вернулся дневной свет (на третий день после того, который он видел в последний раз), тело его нашли в полной сохранности, одетым, как он был; походил он скорее на спящего, чем на умершего...". (22) "Добавлю одно: я передал все, при чем присутствовал сам и о чем услыхал почти сразу же, когда хорошо помнят, как все было"³⁵.

Адресат этого письма - Корнелий Тацит (55-119), знаменитый римский историк, современник и друг Плиния Младшего, попросил его дать ему материал для некоторых глав его истории. М.Е.Сергеенко считает, что письма Плиния Младшего (У1,16 и 20) дают "лучшее и самое правдивое описание катастрофы, погубившей Помпеи, Геркуланум и Стабии"³⁶.

Каталог сочинений Плиния Старшего был составлен его племянником и сохранился в письме, адресованном Бебио Макру³⁷, который просил прислать ему перечень работ Плиния Старшего. Плиний Младший писал Бебию Макру: "Я взял у себя составление каталога и даже сообщу тебе, в

каком порядке они написаны..." (Epist .III,5,2). Последней в списке названа "Естественная история" в 37 книгах, по-видимому Титу. Это сочинение своего дяди Плиний Младший ~~правда~~ характеризует так: "Произведение обширное, ученое, ~~правда~~ разнообразное, как сама природа" (Epist . III,5, 2).

В этом же письме Плиний Младший пишет о своем дяде ~~сестре~~. "(8) Был он человеком острого ума, невероятно прелестного приложения и способности бодрствовать. Он начинал работать при свете... задолго до рассвета... Он мог заснуть в любую минуту; иногда сон и одолевал и покидал его среди занятий. (9) Еще в темноте он отправлялся к императору Веспасиану, ... а затем по своим должностям. Вернувшись домой, он оставшееся время отдавал занятиям. (10) ~~Правда~~ (днем по старинному обычью простой легкой пищи), он лежал, если было время, лежал на солнце; ему читали, а он делал заметки и выписки. Без выписок он ничего не читал и не говорил, что нет такой плохой книги, в которой не ~~было~~ ничего полезного. (11) Полежав на солнце, он ~~правда~~ обливался холодной водой, закусывал и чуточку спал. ~~Правда~~ словно начинал новый день, занимался до обеда. За обедом читалась книга и делались беглые заметки... (13) ~~Правда~~ Он вставал из-за стола еще засветло, зимой с наступлением сумерек... (14) Таков был распорядок дня среди городских трудов и городской суетолоки. В деревне он занимался от занятий только время для бани... Пока его обчищали и обтирали, он что-либо слушал или диктовал. (15) В дверце, словно отделявшимся от остальных забот, он откладывал только этой одной: рядом с ним сидел скорописец с книгой и записной книжкой"³⁹. (17) Благодаря такой настойчивой работе он и закончил столько книг, а мне еще ~~кажется~~ сто шестьдесят записных книжек, исписанных мельчайшимчеркком с обеих сторон: это делает их число еще ~~крайне~~..." (Epist .III,5,8-17)⁴⁰.

В Предисловии к "Естественной истории" Плиний Старший называет свое сочинение энциклопедией и сообщает, что ~~использовал~~ материал для него из более чем 2000 томов, из которых сделал массу выписок. В 77 г. "Естественная исто-

рия" была почти закончена, но и потом автор вносил в нее дополнения и поправки. После гибели Плиния Старшего в 79 г. она была издана его племянником. Труд этот пользовался большим авторитетом, и уже в первой половине III в. н.э. Солин издал выдержки из "Естественной истории" для физической географии разных стран⁴¹.

По-разному оценивают труд Плиния Старшего ученые-специалисты.

Литературоведы, например, считают, что "Естественная история" "представляет собой некритическую компиляцию из огромного количества книг, прочитанных неутомимым автором"⁴².

Это - "настоящая энциклопедия древности в 37-ми книгах", - пишет М.Е.Сергеенко, - включавшая астрономию, физику, географию, антропологию, зоологию, ботанику, медицину (лекарственные средства), минералогию, металлургию, историю искусства... Построена она главным образом на книжном материале: исследователем Плиний не был: он излагает прочитанное, делая длинные выписки, допуская при этом иногда грубейшие ошибки. Была, однако, область, где он говорит от себя как знаток и свидетель: он превосходно знал Италию, хозяйственные особенности районов, бытовые подробности современной ему и старой римской жизни. Тут он источник бесценный"⁴³.

"Нет нужды доказывать, - писал в 1888 г. В.И.Модестов, крупный специалист по истории римской литературы, - важность дошедшего до нас от древности труда, обнявшего все мироздание - небо, землю, воздух и море и передавшего целую энциклопедию сведений, которыми располагал древний мир о видимой природе. Важность эта нам становится особенно понятной, когда мы представим себе, что громадная масса сочинений (достаточно сказать, что им приводятся имена 146 римских и 327 греческих писателей), из которых почерпнуты Плинием сведения, потеряна"⁴⁴.

"Все 37 книг этого труда сохранились до нашего времени и представляют собой энциклопедию всевозможных знаний о природе, накопленных античной наукой. В "Естественной истории" отражены представления древнегреческих и

римских ученых о мироздании, приведены сведения по астрономии, физической географии, метеорологии, этнографии, археологии, зоологии, ботанике, сельскому и лесному хозяйству, медицине, минералогии, металлургии и др. "Естественная история" долго служила источником сведений и знаний при составлении руководств по разным научным дисциплинам"⁴⁵.

Относительно же гибели Плиния Старшего существует мнение, что он "пал жертвой своей научной любознательности".

Полагаю, что "любознательность" - это не то слово, которое применимо к Плинию. Ознакомившись с его краткой автобиографией и с письмами его племянника, в которых тот характеризует его и как ученого и как человека, а также припомните обстоятельства его гибели, невольно начинаешь понимать, что Плиний Старший, помимо любознательности, как ученый интересовался физическими явлениями природы. Не думая о своей безопасности, а он был еще далеко не молод, ему шел 56-й год, он с огромным вниманием наблюдает за извержением Везувия, следит за движением облаков на небе, за всеми последствиями извержения. Все свои наблюдения он диктует писцам и стенографистам, которых держит при себе. Делает он это с необычайным хладнокровием, не испытывая при этом ни малейшего страха за свою жизнь. Он ведет себя как мужественный человек и настоящий ученый, одержимый наукой, которой он посвятил всю свою жизнь. Таким своим поведением он ставит себя в один ряд с теми людьми, которые ради науки, не задумываясь жертвовали своей жизнью.

Такого же мнения о "древнеримском естествоиспытателе Плинии Старшем, задохнувшемся в дыму Везувия", был и А.Л.Чижевский, посвятивший Плинию такие стихи:

"Ты устоял пред бредом бездны черной,
Глядел в нее, не отвратив лица:
Познанья Гений - истинный ученый
Был на посту до смертного конца"⁴⁷.

Во второй книге "Естественной истории" Плиний Старший говорит о вселенной, начиная с вопроса об ее беспре-

дельности и вечности, и вообще о всем мироздании, излага астрономические, космогонические и физические сведения.

К числу таких физических сведений Плиний относит чудесные явления природы, связанные с огнями и водами. В § 235 он рассказывает о горении мальты - "горючего ила", битумов. Эти явления происходят в области Коммагена, в ее главном городе Самосатах⁴⁸, а также в Вавилонии и у астакенов Парфии, где горит нефть⁴⁹.

Затем Плиний Старший рассказывает о вулканах и, в первую очередь, об Этне на острове Сицилия. Этот вулкан "пылает по ночам постоянно" (§ 236)⁵⁰. Говорят он и о чудесных огнях на горах, когда горят вершины гор, например, "пылает у фаселитов гора Химера бессмертным пламенем и денно иночно" (§ 236)⁵¹. Далее Плиний сообщает, что "в Ликии пылают горы Гефеста" (§ 236)⁵². Об этих горах Л. Я в указателе к труду Плиния Старшего пишет, что это montes ardentes, т.е. "пылающие горы". На них § 236 кончается.

Следующий § 237 начинается нашей фразой о "бактрийском Кофанте". Мой перевод этой фразы следующий: "Пылает у бактров по ночам вершина горы" (см. выше комментарий к переводу и таблицу).

Теперь мы знаем причину этого физического явления - это горит каменный уголь, однако до Плиния дошла только информация о "горящей горе", и он отнес это известие к "чудесным огням на горах".

Относительно же бактров необходимо добавить, что ко времени Плиния Старшего за "бактрами", за их городом и за их страной укрепилось мнение, что они находятся очень далеко, чуть ли не на краю Ойкумены. Так, например, Вергилий (к I в. до н.э.) в "Энеиде", говоря о городе Бактрe, называет его "ultima Bactra", т.е. "далние Бактры"⁵³.

Итак, фраза наша возвращена в текст Плиния Старшего. Обратимся к следующему за ней тексту, где сказано: "Пылает у медов (т.е. мидийцев - Е.М.) и Ситтакена⁵⁴, по соседству с Персидой и в Сузах (главный город Персиды - Е.М.)... постоянно" (§ 237). Понимать это надо так, что там постоянно пылает земля, так как там горит нефть.

Затем Плиний опять возвращается к Вавилонии, где

"...пылает подобно рыбному садку величиной с югер"
...). Там, конечно, тоже горит нефть на очень большом
протяжении.

Далее Плиний вспоминает, как "горит гора Эфиопов
земли" (§ 237). Может быть, будучи в Тунисе, он сам видел эту гору.

Еще один вулкан упоминает Плиний - это "постоянно
горящий кратер Нимфея предвещает ужас своим жителям
зимним ветрам" (§ 237). Находится он в Иллирии⁵⁵.

Плиний Старший упоминает еще "горящий вместе с са-
мыми горами возле Италии священный остров Эолию" (§ 238) и
перечисляет свой перечень горящих земель и горящих гор го-
родов Эфиопии: "Больше всего горит гора в Эфиопском гор-
ном крае под названием Theon ochema т.е. "Колесни-
ца богов" (§ 238). Она находится в Ливии⁵⁶.

И как бы подводя итоги написанному, Плиний Старший
заключает, что "в столь многих местах, столь многими по-
здами природа скигает земли" (конец § 238).

Вернувшись на место, взятое из текста Плиния Старшего
о "бактрийском Кофанте", становится ясно, что речь
в нем идет о "горящей вершине горы", а не о "вихре". Кста-
ти, в русском языке слово "вихрь" обычно связывается с
ветром⁵⁷.

Возникает вопрос, почему у Плиния Старшего "бак-
трийский Кофант", а не "согдийский"? Прежде всего потому,
что так было в том источнике, который использовал Плиний.
Но, как установлено исследователями, "горящая гора Фан-
тана" находится на территории древней Согдианы. Однако,
было предложено еще в начале 50-х годов М.М.Дьяконо-
вым, а нынче поддержано Б.Я.Ставским, северная граница
бактрами и согдиянами проходит по Гиссарскому хреб-
ту⁵⁸. Как уже было сказано выше, Плиний Старший намного
знал бактров, чем согдianов. Конечно, он знал о
них только по письменным источникам, а в них он вряд
ли мог найти точные сведения о северной границе между
Бактрией и Согдианой.

Для описания вулкана Этны Плинию Старшему, по-види-
мому, не нужны были выписки из других античных авторов.
Несомненно, что он знал Этну по собственным наблюдени-

ям. Он несколько раз упоминает об Этне в своем труде.

Старший современник и учитель Плиния Старшего Помпей Меда (I-я пол. I-го в. н.э.) в своем географическом труде, который Плиний несомненно знал, упоминает Этну⁵⁹. Однако сведения эти между собой не совпадают. Плиний Старший Меду не переписывает.

Почти две тысячи лет отделяют нас от времени, когда жил и творил Плиний Старший. Несмотря на этот большой временной разрыв, мы сейчас очень остро чувствуем его невероятную приверженность к наукам, его сдержанность, его стремление как можно полнее (для своего времени, конечно) отразить и выразить состояние науки того времени. Плиний сам прекрасно понимал, что ему всего нехватить, что нельзя объять необъятное. Он писал в Предисловии к "Естественной истории": "Я не сомневаюсь, что я пропустил многое" (Предисловие, 18).

Поэтому все то, что он сумел сделать для науки, мы должны принять с благодарностью и не соловать на те ошибки, которые неизбежно бывают в трудах подобного рода. Не надо забывать, что многие имена античных авторов и отрывки из их произведений стали известны нам только благодаря его стараниям.

Труд его в 37 книгах ждет своих переводчиков и своих исследователей.

На примере одной только фразы из пяти слов (II, 237) мы видим, как внимательно надо подходить к приводимым им сведениям.

Не будь в его труде этой фразы о "бактрийском Кофете", мы бы никогда не узнали, что сведения о далеком Фан-Янгобском угольном месторождении, находящемся "у бактров", дошли до Плиния Старшего (I в. н.э.).

Несколько слов об этом угольном месторождении в геологическом аспекте.

Когда и отчего начали гореть угли этого месторождения? В настоящее время установлено, что "огненным выходом три-три с половиной миллиона лет. За столь долгий период выгорело около 3-5% разведенного на сегодня угля"⁶⁰.

Велики ли запасы угля и когда начнется его разработка? На эти вопросы отвечает А.И.Завулунов:

"Промышленные запасы высококачественных коксующихся углей Фан-Янгобского месторождения составляют более 500 млн. тонн⁶¹. Из-за труднодоступности района и отсутствия транспортных путей оно пока не разрабатывается.

На II съезде Компартии Таджикистана была поставлена задача подготовить к разработке Фан-Янгобское месторождение каменного угля. В перспективе на базе использования Фан-Янгобского месторождения в Таджикистане можно создать коксохимическую промышленность и удовлетворить потребность республик Средней Азии в высококачественном коксе"⁶².

Вотает еще вопрос, а можно ли потушить "огни Согдианы"? Отвечает О.Латифи: "Потушить огни практически можно, но на это потребуются большие затраты".

Так что еще долго гореть "огням Согдианы...". Особенно красива в сумерках и ясными ночами. Словно оживает древнечудовище, извергающее языки пламени"⁶³.

И на память приходит тот огнедышащий дракон, с которым порвался витческий герой Рустам, изображенный, в частности, на стенных росписях древнего Пенджикента.

Примечания

1. Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St. Petersburg, 1852.
Бутенев 2-й. Минеральные богатства Бухарии. - Горный журнал на 1842 г., ч.IV, кн.II.
Богословский 2-й. Записка о долине Зеравшана и горах, ее окружающих. - Горный журнал на 1842 г., ч.IV, кн.IO.
Кашников Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
2. Федченко А.П. Первый отчет Туркестанской научной экспедиции. - Путешествие в Туркестан. М., 1950, с.51-52, 153, 156.
3. Мессон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых Таджикско-Памирской экспедиции. Материалы. Вып.XX. Л., 1934, с.58.
4. Кашников Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, с.13. Ср. Мессон М.Е. Ук.соч., с.93, прим.241.
5. Федченко А.П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана. - Известия Общества любителей естествознания, т.Х, вып.1. М., 1872. Ср. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950, с.158.

6. Пиль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-
дарьи. Нер. с англ. О.Л.Федченко. С дополнениями и при-
мечаниями А.П.Федченко, Н.В.Ханыкова и Г.Плы (приложение
к № 6 Известий Имп. Русск.Геогр.Общества), 1873, с.65.
7. Миниев И. Сведения о странах по верховьям Амудары (по
1878г.). С.-П., 1879, с.5-6.
8. Lehmann A. ук.соч., с.127 сл.
9. Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. -
Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissen-
schaften. Philos.- Hist. Klasse. Bd. LXXXVII, Wien, 1877.
10. Tomaschek W. , ук.соч., с.25/89.
- II. Перечень изданий дан по Дандамаеву М.А. Иран при пер-
вых Ахеменидах (УТ в. до н.э.). М., 1963, с.26, прим.66.
12. Kossowicz Cajetanus. Inscriptiones Palaeo-Persicae
Achaemenidarum. Petropoli, 1872. Glossarium, p. 18.
13. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000
слов. Издание второе, переработанное и дополненное. М.
1976, с.158.
14. Strab. XV, 2, 14; Ps. Plut. de fluv. 3, 2, 7, 5; Arr. Ind.
XXXIII, I (ВДИ, 1940, № 2, с.259, прим.5).
15. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве.
Под ред. и с вводн.статьей проф.М.И.Бурского. М.-Л.,
1937, с.187-285. Пер.ХУІІІ кн.Я.М.Боровский. Пер.ХУІІІ кн.
В.М.Кремкова и М.Е.Сергеенко.
16. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Каз-
казе. Ч. 2-я Латинские писатели. Гай Плиний Секунд. Ес-
тественная история. СПб., 1904, с.841-842; переиздание:
ВДИ, 1949, № 2, с.273-274.
17. Подземская Н.М. Античная география. Книга для чтения.
Составитель М.С.Бондарский. М., 1953, с.239-245.
18. Вассоевич А.Л. Этимология слова "нефть". - Нефть и газ.
Известия высших учебных заведений, 1978, № 6, с.105
(II, 235); Вассоевич А.Л. и Вассоевич Н.Б. НАФОА . Древ-
няя история термина. - Накопление и преобразование се-
дикахитов. М., 1979, с.206 (XXXV, 178-179).
19. Массон М.Е. ук.соч., с.60 /см.прим.3/.
20. Гай Плиний Секунд естественная история ископаемых тел.
переложенная на российский язык в алфавитном порядке и
примечаниями дополнена трудами В.Севергина. СПб., 1819.
Известно, что в личной библиотеке М.Е.Массона в Ташкен-
те эта чрезвычайно редкая книга была. Мне она осталась
недоступной.
21. Смирнова О.И. Археологические разведки в бассейне Зера-
шана в 1947г. - Материалы и исследования по археологии
СССР (МИА СССР), № 15. Труды Согдийско-Таджикской ар-
хеологической экспедиции. М.-Л., 1950, с.65; Ставиский
Б.Я. Основные этапы освоения земледельческим населени-
- ем горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). -
Материалы по отделению этнографии Географического Оде-
ства СССР. Часть I, Л., 1961, с.38-39.
22. Ханыков И.В. Бактрия в античной традиции (общие данные
о стране: название и территория). Душанбе, 1982, с.49-50;
Fliny Natural History, with an English Transl. in Ten
Volumes, Vol. II by H.Racham. Cambr.- Mass. London, 1947;
Tomaschek W., op. cit., с. 25.
23. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Издание 2-е,
переработанное и дополненное. М., 1976, с.1093: "vortex" -
математическое слово = "верtex".
24. Дворецкий И.Х., ук.словарь, 1976, с.1069, с.в. vertex.
25. C. Plini Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII. Recog-
nitio atque indicibus instruxit L.Yanus. Vol. VI - Indi-
cas. Lipsiae /Teubneri/ 1865, p. 115: "Cophanti in Baet-
ris mons flagrans" (II, 237).
26. Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I,
Braunschweig, 1911, S. 755.
27. Соколов С.Н. Язык Авесты (учебное пособие). Л., 1964,
с.276.
28. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. Из-
дание подготовили М.-Л. Гаспаров и Е.М.Штаерман. М.,
1964, с.246.
29. Плиний Младший. Письма. Книги I-X. Издание подготови-
ло М.Е.Сергеенко, А.И.Доватур. Второе переработанное
издание. М., 1982 (Epist. III, 5; VI, 16; 20).
30. Плиний Младший. Ук.соч., с.308, прим. М.Е.Сергеенко
(Epist.. III, 5).
31. Факт включения Плиния Старшего и его труда :Естествен-
ная история" в Биографический справочник "Биологи"
(Киев, 1984, с.499) в комментариях не нуждается.
32. Беркова Е.А. История римской литературы, т.II. М., 1962,
с.128-129.
33. Плиний Младший, ук.соч., с.46 (Epist. III, 5).
34. Плиний Старший. Естественная история. Предисловие, 18.
Перевод М.Е.Сергеенко - письма Плиния Младшего. 2-е изд.
М., 1982 - примечание 3 на с.308.
35. Пересказ с цитатами 16-го письма из УЛ-й книги Писем
Плиния младшего. Перевод и примечания М.Е.Сергеенко
(ук.соч., с.105-106).
36. Там же, с.337-338.
37. Бебий Макр - куратор Аппиевой дороги, консул в 103 г.
и префект Рима в 117 г. во время войн Траяна на Восто-
ке (М.Е.Сергеенко, ук.соч., с.308).

38. Пер. М.Е.Сергеенко, с.45.
39. Скорописец (notarius) -стенографист, одетый в куколь, дорожный плащ с капюшоном и длинными рукавами, который носили зимой в пути и при зимних работах на открытом воздухе (прим. М.Е.Сергеенко, ук.соч., с.309).
40. Перевод М.Е.Сергеенко. Там же, с.45-46.
41. Solini Julii Collectanea rerum memorabilium .Iterum rec. Th. Mommsen. Berolini, 1895
- Солин Юлий. Землеописание. Сборник достопримечательностей. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.П.Латинские писатели. СПб.1904, с.273-286 (отрывки). См. ВДИ, 1949, № 3, с.240-248.
42. Тронский И.М. История античной литературы. Изд. 2-е. Л.,1951, с.437-438.
43. Письма Плиния Младшего, ук.соч., прим. I (М.Е.Сергеенко к Письму III, 5, с.308).
44. Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание. С.-П.,1888, с.672.
45. Биологи. Биографический справочник. Киев,1984, с.499.
46. Беркович Е.А. История римской литературы. т.П. М.,1962, с.129.
47. Стихи А.Л.Чижевского опубликовал В.Чивилихин. См. Владимир Чивилихин. Память. Роман-журнал. Книга первая. Роман-газета. 1985, № 4, с.17.
48. Коммагена - область в северной части Сирии на западном берегу Евфрата.
49. Об этих явлениях существует специальная литература. См. Вассоевич В.Л. Этимология слова "нефть". - Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 1976, № 6, с.102-11. Вассоевич А.Л., Вассоевич Н.Б. Древняя история термина. В кн. Накопление и преобразование седимахитов. М.,1979, с.195-208. Дани переводы Плиния Nat. hist. II'235; XXXV, 178-179 (с.206); Вассоевич А.Л. Нефть в хозяйственной и культурной жизни древних обществ Передней Азии и Египта. Автореферат диссерт. на соиск.уч. степ.канд.историч.наук. М.,1985.
50. Мела Помпоний. О положении земли. Кн.П., гл.УП. Острова Средиземного моря. Сицилия. "Из гор Сицилии наиболее значительные - Эрикс и Этна. На горе Этна когда-то жили циклопы, теперь над ней то и дело вспыхивает зарево" Античная география. Книга для чтения. Составитель М.С. Боднарский. М.,1953, Пер.С.К.Алта, с.219.
51. Мела Помпоний.О положении земли. кн.І, гл.XIV. Памфилия "Крайняя точка Памфилии - город Фаселис" (там же, с.192). Он же. Кн.І, гл.XV. Ликия. "Когда-то Ликии угрожали опасенные извержения горы Химера" (там же, с.192). Фаселиты - жители города Фаселис (*Phaselis*) в Памфилии. Памфилия - "страна на юге Малой Азии, между Ликией и Ки-
- "химней" (И.Х.Дворецкий. Латинско-русский словарь. М., 1976, с.721). Гора Химера (*Chimera*) - "потухший вулкан" - античная география. Книга для чтения. Составитель проф. М.С.Боднарский. М.,1953, с.366.
52. Ликия (Lycia) - "область в Малой Азии, между Карней, Лисидией и Памфилией. (И.Х.Дворецкий. Ук.соч.,с.607).
53. Вергилий. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. Редакция вступительная статья и комментарии Н.Ф.Дератани. М.Л.,1933, с.221 (*Verg. Aen. УП*,688).
54. Ситакена - область города Арбели, находившегося в северо-восточной Ассирии (ныне Erbil). (И.Х.Дворецкий, ук.соч., 1976, с.89).
55. Имбрания - древнее название северо-западной части Балканского полуострова (Античная география, с.347). Булгари и город Нимфей находятся в горной стране на восточном побережье Адриатического моря, около города Аполлонии.
56. Мела Помпоний. О положении земли. Кн.Ш, гл.IX. Эфиопия: "По ту сторону залива находится гора, которая названа греками Колесница богов и непрестанно извергает огонь. В нем в этих пустынных местах царит тишина. Зато ночью здесь сверкает множество огней..." Античная география. Перевод С.К.Алта, с.235.
57. Словарь русского языка. Составил С.И.Ожегов. Гл.ред. акад.С.П.Обнорский. М.,1949,с.69; "вихрь" - порывистое круговое движение ветра".
58. Ставинский Б.Я. О северных рубежах Кушанской Бактрии (Сб.История и культура народов Средней Азии (Древность и Средние века). М.,1976, с.43-46 (см. там же в литературе вопроса).
59. "Римский географ Помптоний Мела происходил из Тигентеры в Испании, жил в I половине I в. н.э. Он составил первую латинскую географию в 3-х книгах под заглавием "De Chorographia", ее называли еще "De situ orbis" (о положении земли). П.Мела не был исследователем-географом или путешественником, он писал по литературным источникам, поэтому труп его представляет собой не оригинальное исследование, а компиляцию доступных ему, главным образом греческих, источников". Античная география, с.176. Мела Помптоний. О положении земли. Перевод С.К.Алта, с.178-237. 06 Эт не см. выше (с.219) (кн.П,гл.УП).
60. Латифи О. Отни Согдиани - "Правда" от 3 февраля 1983г.
61. Баратов Р. Найти, освоить, добить. - "Коммунист Таджикистана", 1986, 1 февраля.
62. Завудунов А.И. Вопросы развития горных районов Таджикистана. Известия Академии наук Таджикской ССР. Серия: Философия, экономика, правоведение. 1986, № 3, с.43.
63. Латифи О. Отни Согдиани - "Правда" от 3 февраля 1983 г.

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК САРМАТОВ И АЛАНОВ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ¹

Создание полноценной историко-географической характеристики позднеантичного населения степей северо-восточного Причерноморья, Предкавказья и Северного Кавказа, как принято называть эти районы в археологической литературе, а географически точнее – Причерноморской низменности, Приднепровской и Приазовской возвышенности, Донецкого края, Ставропольской возвышенности, Ногайской степи, северных предгорий Скалистого хребта, возможно лишь при сочетании результатов археологических исследований и интерпретации античных сведений об этих территориях. Античной традицией необходимо пользоваться с учетом всех этапов и особенностей ее формирования, избегая порожденных ею как среди современников, так и в последующей историографии стереотипов, которые, к тому же, подчас начинают противоречить новым археологическим материалам.

Очевидно, что для правильного понимания античных историко-географических характеристик аланов, являвшихся потомками сарматов, необходимо сначала знать особенности этих характеристик по отношению к сарматам. Наиболее полноценное и связное описание сарматов можно найти в труде Страбона. Хотя сведения о сарматах там не очень многословны и к тому же разбросаны, они находятся в информативном контексте повествования географа о Северном Причерноморье и Северном Кавказе, а подчас и о Восточной Европе в целом, что позволяет установить как акценты этно-географического и культурного образа сарматов, так и его сходство с изображением других народов.

Если Геродот, вопреки иногда бытующему поверхностному мнению², ни разу, хотя бы косвенно, не дает сведений о хозяйстве сарматов, впрочем, и не ставя перед собой такой задачи при рассказе лишь о действиях их военных отрядов в союзе со скитами, то почти каждое упоминание сарматов Страбоном³ сопровождается оговоркой, что хотя они по большей части кочевники, однако занимаются также и земледелием.

³. Это на первый взгляд контрастирует с лаконичной, но прозрющей и емкой характеристикой, данной через 100 лет Тацитом /Германия, 46/, по которой "сарматы проводят все время в повозке и на коне". Однако Тацит называет эти типичные черты кочевников по отношению к сарматам лишь однажды, упоминая мимоходом многократно о действиях их военных сил⁴. Очевидно, что у него не было цели создавать действительную картину жизни сарматов, а коль скоро пришлось ее воссоздать, требовалось или хотелось выделить самое типичное, связанное в первую очередь с ролью, отводимой сарматами в истории военных действий.

Страбон /III, 3, 26/ еще до Тацита останавливался на подобном, вероятно распространенном в античной историографии приеме акцентированной характеристики отдельного народа, требуемой контекстом повествования. Обращаясь к классическому наследию Гомера, он мог предъявить и непомерно высокие с точки зрения историка требования к осведомленности автора впоследствии или его информаторов, мог неправильно, выходя из близкой ему действительности, реконструировать чисто-культурный тип населения, оказавшегося прототипом для упомянутого в впоследствии народа, однако утверждение Страбона об историко-географической неполноте литературного образа в знаменитом эпическом сочинении, наверное, имело не только антикварное значение, будучи навеяно размышлениемами над многими источниками и как бы интуитивно методологически обосновывая необходимость тщательной историко-географической критики. Кстати, о такой критике в принципе сказано немало во "Введении" Страбона. В упомянутом месте Страбон⁵ полемизировал с Аполлодором, упрекавшим Гомера в незнанииPontийской действительности, названий местных рек и этнических групп, вытекающим из отсутствия упоминаний о них. Сам он соглашается с таким упреком лишь отчасти, не признавая исчертывающими гомеровские характеристики кочевников, как "питающихся молоком", "не имеющих средств к жизни", "справедливейших из людей", "славных донтелей кобылиц". Фактически речь идет о коротком литературно-художественном штампе, укоренившемся при создании образа чуждых /но не обязательно враждебных/ культурному миру читателя народов.

Страбон понимал, что термин, обозначающий господствующий образ жизни населения, в рядовом и даже весьма просвещенном сознании, нередко мог как бы заполнять все поле этнической и экономической карты далекой страны, становясь ее единственным содержанием⁶. Анализируя контекст его упоминаний о кочевниках⁷, можно заметить, что и сам он, вслед за традицией, не избежал декларативной собирательной характеристики в качестве "области кочевников" территории, более подробное описание которой упоминает, что часть ее обитателей – земледельцы⁸. Образ кочевников был далеко не нейтральным, имея не только бесстрастную окраску "академической" констатации, как бы мы сейчас сказали, экономического уклада и хозяйственно-культурного типа, но и зачастую вызывая эмоциональные ассоциации в общекультурных и моральных сферах сознания читателя. Цитируя Эфора, Страбон отмечает тенденцию некоторых писателей к сознательному нагнетанию негативного отношения к этому образу⁹. Страбон /УШ, 3, 9/ волен за Эфором приводит цитату из поэмы Херила "Переход через понтонный мост", в которой обыгрывалось смысловое противопоставлениеnomadov непорочным людям, когда были неожиданно названы непорочными отделившимися от nomadov саки¹⁰. Хотя сам Страбон и стремился давать более объективную картину, например, подчеркивая невоинственность кочевников около Сиены в Египте, вопреки противоположному древнему мнению /ХУП, I, 53/, однако не следует забывать, что все его сведения зависят от полноты источников. Поэтому можно думать, что даже при их самом щадительном подборе какая-то часть из них априорно выражает не столько действительность, сколько локальные стереотипы. Вполне вероятно, что именно такой собирательный бытовой стереотип стоит за следующим рассуждением Страбона /УП, 3, 7/ в связи с древними характеристиками скіфов: "Но есть и теперь еще так называемые обитатели кибиток и кочевники, занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и, главным образом, сыром из кумыса. Они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар"¹¹. Существенно, что, не давая локализации, Страбон как бы делает акцент на мольбе о кочевниках, подчеркивая, что это

западения о тех, кого называют nomadами.

Для ближайшей периферии античного мира термин "кочевник" в контексте выглядит единственной антитезой понятию "земледелец", т.е., как и в современной широкой этнографической интерпретации,¹² он должен был охватить такое полукочевое и полуоседлое скотоводческое население, сочетающее со скотоводством занятия охотой и земледелием. В частности, Страбон /П, 5, 33/ полагал, что масилы, масесилы и другие нумидийцы прослыли кочевниками потому, что обилие диких зверей, на которых они постепенно стали охотиться, не позволяло им заниматься земледелием. Оставляя в стороне проблему этногенеза нумидийцев и этимологию их названия, нужно все же подчеркнуть, что для греков оно выглядело как описательный этноним¹³, и в понимании Страбона строгость такого описания, по-существу, не очень странна от того, что современные ливийские nomads "превосходят других как в охоте, так и по части земледелия" /П, 5, 33;ср.: ХУП, 3, 15/. Противопоставляя среди арабов земледельцам обитателей палаток¹⁴, он впадает в противоречие с собственным противопоставлением тех же обитателей палаток, но уже вместе с земледельцами – кочевникам /ХI, 2, 1, см. прим. 3/. На далёкой периферии неземледельческое население, называемое описательно, именуется иначе – например, ихтиофаги /"питающиеся рыбой"/, элеантомахи /"охотники на слонов"/ и т.п. Возможно, что знакомство с этой далёкой периферией состоялось тогда, когда в греческом языке уже устоялся образ более близкого неземледельца в качестве "номада". Хронологическая конкретизация здесь весьма затруднительна, поскольку некоторые корни этногенеза и самого языка тянутся из Греции в туманную пока область формирования и распада индоевропейской общности, быть может, пересекавшейся в какое-то время со степным миром Евразии. Географическая привязка термина, за исключением нумидийцев, где речь идет о толковании этнонима, в целом тяготеет именно к этому миру и севернее¹⁵, а даже не к зонам слабого развития земледелия в Южной и Западной Европе.

Страбон уподоблял образ жизни согдийцев и бактрийцев быту кочевников, не смущаясь тем, что у них существовала

окруженная стенами столица, отмечая лишь, что они были немножко цивилизованные, точнее, мягчеnomadov¹⁶. Примечательно, что применительно к маврусям он противопоставил обычаям кочевников, согласно которым они живут, лишь более цивилизованный внешний облик, а отнюдь не особенности хозяйства, хотя кочевую жизнь вели лишь большинство населения, а не все поголовно¹⁷. У кочевников же в принципе могла существовать своя эстетика, согласно которой они пре-небрежительно отзывались о других народах, однако взглянуть на мир их глазами античная традиция позволяет гораздо реже¹⁸. Еще одно рассуждение Страбона¹⁹ в связи с рассказом о древнем и современном ему населении Северного Причерноморья не только поясняет стереотипные тогда представления об отношениях между кочевниками и земледельцами, но и создает впечатление, что с номадами иногда могла ассоциироваться верхушка определенной политической системы, поскольку и понятие "земледельцы", оказывается, временами требовало особого пояснения, что речь идет о собственном смысле слова, помимо которого, значит, был и какой-то еще переносный, быть может, применявшийся для носителей не-кочевого уклада внутри этнической группы кочевников.

Область между Борисфеном и Истром с неясными северными рубежами по Страбону /Ил.3,17/ была населена, между прочим, и сарматами, из которых большинство – кочевники, а немногие уделяют внимание и земледелию /см. прим.3/. Речь идет о Среднедунайской /Паннонской/ низменности /равнине/, Карпатах, Подольской и Приднепровской возвышенностих, части Причерноморской низменности. Во внутренней Европе вглубь от северного океанского побережья на территории до Кавказских гор Страбон /ХI,2,I, см. прим.3/ выделяет сарматов, среди которых одни кочевники, а другие живут в шатрах и занимаются земледелием. При этом, наверное, подразумевалась западная часть Прикаспийской низменности, Ставропольская возвышенность, Донецкий кряж, Донская гряда. Сообщая, что Диоскуриада служит общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей, большинство из которых сарматы, Страбон /ХI,2,16/ на первый взгляд мог иметь в виду, например, междуречье Кубани и Дона, если его характеристику воспринимать по отношению к географической

части – "выше", т.е. севернее. Однако речь может идти и об ориентации на местности, т.к. повышение рельефа в окрестностях Сухуми слишком значительно, к тому же Страбон подразумевает, что все они – кавказцы. Тогда он мог иметь ввиду южные и северные склоны западной части Скалистого хребта, территории современной Абхазии, Карабаево-Черкесской и Адыгейской автономных областей и неопределенных соседних районов.

Население иберийской равнины Страбон /ХI,3,3/ называло более склонным к земледелию, в отличие от горцев. Равниной, наверное, названа не Колхида и не территории восточной Грузии, которую обычно отождествляют с Иберией, ибо она пересечена многочисленными хребтами /Месхетский, Триалетский, Картлийский и др./. Во времена Страбона и позднее латинские писатели понимали под Иберией земли вдоль Куры, что обычно тоже трактуется как восточная Грузия, однако коли скоро географическим ключом для поиска равнины может служить течение Куры, то Страбон при противопоставлении ее жителей горцам вряд ли ограничивался только Иорданским плоскогорьем и мог иметь в виду обширные равнины по правому и левому берегам нижней Куры – Ширванскую, Мильскую, Мугансскую, Горную страну вокруг равнины по Страбону /там же/ занимали народы, жившие по обычаям скифов и сарматов и являвшиеся их родственниками, практикуя также и земледелие²⁰. Имея связи с настоящими скифами и сарматаами, при военных действиях они выставляли совместные с ними отряды. Исключая Кавказскую Албанию и Армению, мы должны прежде всего подразумевать в этом случае Чечено-Ингушетию, Северную и Южную Осетию и Кабардино-Балкарию, быть может присоединяя к ним Карабаево-Черкесскую область и отчасти Дагестан²¹.

Население северных предгорий Кавказа Страбон /ХI,5,7/ называет земледельцами, причисляя к ним и обитателей пещер. Поскольку же он сообщает, что далее живут уже кочевники между Меотидой и Каопийским морем /ХI,5,8/, имеются основания думать, что кочевников он помещал в Ногайской степи и Черных землях в западной части Прикаспийской низменности /север Дагестана и Калмыкия/, на Ставропольской возвышенности, в междуречье Кубани и Дона /Ставропольский

и Краснодарский края/. Здесь заметно некоторое противоречие при противопоставлении кочевого населения этих районов тем, кто живет южнее и занимается также земледелием, ибо ранее /XI,2,I/ Страбон подчеркнул наличие и земледельческого уклада на территории этих кочевников. На нижнем Дону и Кубани в сарматских поселениях и прилегающих к ним курганах и могильниках, как показали раскопки, действительно встречаются пшеница, просо и гречиха²².

Это противоречие разных частей повествования, скорее всего, объясняется акцентами в источниках Страбона. В первом случае дано описание в направлении взгляда с северо-запада на юго-восток: северная и центральная часть Восточной Европы и далее до предгорий Кавказа. При этом могла синтезироваться информация античных торговцев, путешественников, местного населения. Существенно было то, что вплоть до северных склонов Большого Кавказа встречались сходные этнические признаки и черты многоукладного хозяйства с доминированием кочевничества при военном и политическом преобладанииnomadov. С точки зрения местных традиций, были важны признаки единства этой этно-культурной общности. Другой взгляд с севера тоже видит кочевым население между Танаисом и Каспием лишь в большинстве, а не полностью /Страбон. XI,6,2, см. прим.3/. На северный источник информации указывает при этом начало фразы: "Если войти в Каспийское море, то справа живут скифы или сарматы, пограничные с европейскими странами...". Речь, вероятно, идет о междуречье Дона и Кубани, Ставропольской возвышенности и западе Прикаспийской низменности.

Во втором случае описание дано из-за Большого Кавказа с юго-востока на северо-запад. Создается впечатление, что информация исходит от земледельцев, жителей Иберийской равнины, к которым с юга, из Закавказья и Малой Азии, попадали античные купцы и путешественники, синтезируя сведения, положенные в основу этой части повествования. Здесь описание уже не охватывает единую этно-культурную общность – жители Иберийской равнины не родственны северным народам, некоторые горцы отчасти родственны им и имеют сходный образ жизни, но все же подчеркивается /скорее все-

го, вслед за акцентами этнического самосознания/, что они кавказцы. При сборе ими сведений о соседней северной этно-культурной общности должна была возникать потребность в акцентах на ее особенностях, выделении того главного, что ее отличает. Нечто подобное произошло при характеристике Страбоном германцев, восходящей, наверное, к сведениям о соседях, бытовавших в кельтской этно-культурной зоне. В этой характеристике проявилась генерализация типичного для соседей хозяйственного уклада, отличающегося от собственного: германцы названы получающими средство пропитания от скота, нагружающими утварь на повозки и направляющимися со своими стадами куда угодно, изображены как не знающие земледелия и не создающие запасов пищи. На самом же деле, например, между Рейном и Эльбой скотоводческим было население лишь северных областей, а именно главным занятием жителей являлось земледелие, в то же время носители культуры хунсерик-айфель действительно были скотоводами /в районе хребта Хунсерик между притоками Рейна реками Мозелем и Наэ в Рейнланд-Пфальце/²³.

По Страбону²⁴ севернее Предкавказья земледелием занимаются там, где позволяет мягкий климат, а далее следуют кочевники. Земледелие при этом выглядит настолько естественным, что его отсутствие требует особого объяснения. В данном случае это объяснение связано с климатом, но поскольку реальный климат вряд ли препятствовал земледелию, создается впечатление, что этого объяснения, дежурного в общем-то для холодного по традиционным средиземноморским представлениям Причерноморья, требовала не столько реальная экономическая карта, сколько слухи о неземледельцах, о северных кочевниках, бытовавшие в Закавказье. Кажется, что это именно чужеземное объяснение, а не часть местной информации о формах хозяйства и причинах таковых. Не только междуречье Дона и Кубани, но и среднее Поволжье и Окско-Донскую равнину не назовешь непригодным для земледелия по климатическим условиям. Отсутствие у Страбона очевидной критики гипотезы о Каспии как заливе северного океана /III,6,I/ указывает, что он мало знал о населении Прикаспийской низменности, исходил не из целостной картины, учитывавшей последовательно и причерноморские сведения о да-

леких восточных пределах Скифии, а следовал за акцентами разных источников. Если бы он, сообщая о кочевниках между Каспием и Меотидой, подразумевал возможность слияния Каспия с океаном, то локализация упомянутого им населения стала бы крайне неопределенной вплоть до далекого севера. В то же время она позволила бы взять за основу деталь именно об отсутствии земледелия из-за холдов, сочтя ее первоначальной местной информацией, а не иноземным объяснением стереотипа.

На протяжении последующих 300 лет этническая карта Предкавказья кардинально не меняется, однако мы встречаемся с иными этнонимами и описанием ярко выраженного кочевого уклада их носителей без признаков земледелия. Сказанного выше о подобном противоречии при характеристике хозяйствственно-культурного типа населения Предкавказья вполне достаточно, чтобы воспринять и более поздние акценты на быте кочевников с осторожностью, отдавая себе отчет, что реальная историко-географическая ситуация была сложнее, что наядко пояснят лишь данные археологии. Впрочем, и помимо них известны вполне очевидные причины красочных акцентов именно на кочевом укладе аланов.

Через 50–70 лет после Страбона появляется первое упоминание этнонима "аланы" у Плиния Старшего /IУ, 80/. Живя на Кавказе, они совершали набеги на Парфию, защиты от которых парфянский царь Волготез искал у римского императора Веспасиана. Хозяйственно-культурная характеристика аланов накануне набегов дана автором IУ в. Амвросием²⁵. Он сообщает, что они заселяли скифские земли вдоль Танаиса и у Меотиды. В этом можно видеть определенное указание на междуречье Дона и Кубани, не исключая соседних территорий. Амвросий писал, что их удел состоял в обработке своих земель без посягательства на чужие²⁶. Таким образом, очевидна полная преемственность хозяйственно-культурного типа по сравнению с эпохой Страбона. Однако при Веспасиане аланы, по словам Амвросия, стали совершать набеги на соседей или из-за жажды добычи, или из-за низкого плодородия земель. Влияние низкого плодородия он объяснял несоответствием ожидаемого урожая потребностям земледельцев²⁷.

Во II в. при Адриане аланы беспокоили римскую Каппадокию, в III в. при Аврелиане помогали римлянам в войне с Сасанским Ираном, но уже при следующем императоре Траяне в 276 г. они вернулись на родину. Археология должна показать, в какой мере на Северном Кавказе и в Предкавказье сохранилось аланско население в годы, когда часть соплеменников участвовала в набегах. У оставшегося населения в условиях уменьшения экологической нагрузки на окружающую среду могла сохраняться традиционная многоукладность, причем, складывались и предпосылки для повышения удельного веса оседлости, быть может, концентрации оставшихся в интересах обороны, поскольку можно ожидать отток в первую очередь наиболее мобильного населения. Эта мобильная группа во время набегов, очевидно, не имела ни возможности, ни желания заниматься земледелием и, будучи для иноземцев представителем своего этноса, содействовала формированию такого стереотипа его восприятия, который обобщал свойственные ей черты. В дальнейшем продолжались и далекие набеги аланов и их совместные военные действия с разными союзниками. В 375 г. аланы в союзе с гуннами вытеснили остготов с территории между Доном и Дунаем. Речь идет о территории Донецкого края, Приазовской возвышенности, Приднепровской низменности и Приднепровской возвышенности, Кодрах. На этих землях жили носители черняховской культуры, упадок которой начинается как раз в конце IV в.²⁸

В катастрофическом для Балканских римских провинций 379 г. аланы выступали против римлян в союзе с готовами и гуннами. Именно с событиями этого десятилетия связано наиболее подробное описание жизни аланов, приведенное Аммианом Марцеллином. Уже по авторскому замыслу, вытекающему из композиции сочинения, можно ожидать, что в характеристике аланов должны быть расставлены сильные акценты. Она помещена в 31 книге, целиком посвященной ужасам, вызванным варварскими набегами, и начинаящейся перечнем предзнаменований смерти Валента Августа и поражения римской армии от готов. Аммиан отмечает сходство аланов и гуннов, но большую мягкость образа жизни первых. Гуны, вторгнувшись в земли аланов, часть из них уничтожили, а остальных заставили примкнуть к себе. Поскольку речь идет о

противниках, воспринимавшихся тогда как разрушители античной культуры, да еще объединившихся с гуннами, слившими самыми дикими из всех известных народов, заведомо велика вероятность экспонирования деталей, создавших мрачный образ, и затемнения тех, которые размывают его.

Аммиан /XXXI,2,17-25/ упоминает о различных этнических группах алланов, считая их перечисление излишним. Он подчеркивает, что даст обобщение, ибо все они именуются алланами при сходстве в нравах, вооружении и образе жизни²⁹. Эта оговорка показывает, что читателю не следует обязательно ожидать от него страбоновской тщательности экономических и этно-географических характеристик. "Трехскую тщательность" он особо отметил, например, в труде Тимагена, скрупулезно собравшего противоречивые сведения о происхождении кельтов. Его собственный труд о новейшей для того времени истории ближе к канону исторической публицистики. Аммиан характеризует лишь подвижные группы алланов, ведущие со своими союзниками военные действия, не поднимая вопроса об их родине, сохранении там коренного населения и его образе жизни. Вероятно, он все же имел какие-то сведения об этом, наподобие тех, что были известны его современнику Амвросию, считая их внутренне противоречивыми, противоречащими своей концепции и воспринимая как недостоверные. Намеком на это служит всякая фраза к подробной характеристике алланов: он писал, что следует изложить в истинной форме сведения, долго толковавшиеся по-разному и географически запутанные /далее фраза, и сокращено, испорчена/³⁰.

На таком фоне следует воспринимать ставшую классической характеристику алланов у Аммиана как типичных кочевников. Этимология же придавала понятию "номады" оттенки со значением "скотоводы" или просто "степняки".

Примечания

1. "Сарматы /или савроматы/ – по Геродоту кочевые племена, обитавшие в нижневолжских и приуральских степях" Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах; т.2 – Л., 1965. с.350 /указатель/.

2. Ул.3,17; XI,2,1; XI,3,3; XI,5,7-8; XI,6,2.

— съ мѣу πλέον γο, мѣбез ὄλιχος де κας γεωργίος
— ετι, мѣлоу, мѣбос (IV,3,12), ... бѣ мѣб юрикес, ос де κας
εκуї сас καс γεωρгос (VI,2,1). . . καс сокас πόиц
καс γεωρгос (VI,3,3). . . бѣи, мѣнану, γεωρгес (VI,5,2)
— γо, мѣбес ос πілесос (VI,6,2)

4. См.: Анналы. Ул.33,35; XII,29 История. I,2,79; III,5,24; IV,4,54. Германия. I,17,43.

5. "По словам Аполлодора Гомер не знал многона на Понте, что было общеизвестно, как например, рек и племен, ведь иначе, говорит он, поэт упомянул бы о них. Это неведение можно бы, пожалуй, допустить относительно чего-нибудь весьма значительного, например, скифов, Меотиды и Истра. Ведь в противном случае Гомер, пожалуй, не наградил бы кочевников такими характерными признаками, как "питавшиеся молоком" и "не имеющие средств к жизни", "справедлившие из людей" а также "славные, доители кошек". /Бѣи, IV, осб' АД' 025 се
εκуї сокасос εκуї рабоз καс сокас юкобс
Ул.7, молюбс

/III,3,26/. "Но кто станет упрекать Гомера за неупоминание предметов, не выделяющихся в стать важными признаками, не в духе его времени или не соответствующими содержанию его произведений?". /Бѣи де сю, ил. бѣи бѣи бѣи бѣи γη μη
соке, ил. бѣи бѣи бѣи бѣи соке καс сокес юкобс

/III,3,27/. Здесь и далее пер.Г.А.Стратановского. Ср.: Ул.5,9: "... Я хочу лишь показать этим, как из некоего общераспространенного в древнее время и позднее сказания возникла вера в то, что часть кочевников, живших дальше всего от остальных людей, были галактоблагами, абиами и спрекедли-вейшими из смертных, и что это, следовательно, не выдумка Гомера".

6. I,1,6. "Гомер знает людей, живущих на самом краине севера, хотя и не называет их по имени /весь у них даже и теперь нет одного общего имени/. Он дает им имена по их образу жизни, называя номадами, дивными мужами гиппемолгами, бедными питавшимися молоком". Ср.: I,2,27: "Я утверждаю, что по представлению древних греков подобно тому, как они называли жителей знакомых им северных стран одним именем скифами или номадами, как у Гомера, и как позднее, когда познакомились с жителями западных стран, те были названы кельтами, иберийцами, кельто-скифами, потому, что отдельные народы объединились под одним именем в силу незнания фактов, так, говорю я, все киринские страны, лежащие за океаном, назывались Эфиопией".

7. См.: Ул.4,2; Ул.3,7; 3,9; 3,17; 4,6; XI,2,1; 2,3; 5,8; 6,2; 8,1; XI,3; XII,4,7; 4,10; 4,18; XIII,1,53; 3,7; 3,15.

8. ХЛ, 4, 18. "следует несколько заливов и область кочевников /χαιρη νομάδων /, добывающих средства к жизни от верблюдов. Действительно, на верблюдах они сражаются, разъезжают на них, питаются их молоком и мясом. Через их землю протекает река, несущая золотой песок, однако жители не умеют его обрабатывать. Жителей этой страны называют дебами, они частью кочевники, частью земледельцы /οἱ δὲ νομάδες ὅς δε καὶ γεωργός/. Большую часть названий этих племен /γένους τῶν/, я опускаю по незначительности и в то же время из-за их странных названий".
9. УП, 3, 9. "Эфор в 4 книге своей "Истории" под заглавием "Европа", описав Европу вплоть до Скифии, говорит под конец, что образ жизни аваротов и прочих скитов не одинаков, потому что одни настолько жестоки, что покидают людей, другие же напротив, возводериваются даже от употребления в пищу всех прочих животных. По словам Эфора, другие писатели рассказывают только об их дикости, т.к. знают, что страшное и удивительное внушиает страх, однако, говорит он, следовало бы также передавать и противоположные факты и брать их за образец для подражания".
10. "Эфор цитирует Херила, который говорит в своем "Переходе через pontонный мост" /мост этот построил Дарий/: "Саки, пасущие агнцов, рождением скифы, живут же в Азии, хлебом обильной. Хотя иnomады потомки /νομάδων/ не имают покосов /, но непорочных людей".
- II. οὐλῆς καὶ σύντοιχον Αγρίσκος καὶ Νομάδες καλοῦμενος φύτες ἡδονή πρεδημάτων καὶ γιλακος
12. См. ст. "номады" в Энциклопедическом словаре Брокгауза /Спб., 1897, т. 21/ и ст. "кочевничество" Г. Е. Маркове / в "Советской исторической энциклопедии" - т. 7. М., 1965.
13. "numidie" - по-гречески звучит "номад", т.е. "кочевник".
14. ХЛ, 4, 18. "Затем следует другое побережье, которое раньше носило название побережья маронитов. Из последних одни - земледельцы, а другие - обитатели палаток" /πόλις μεγάθυνος γεωργοῖς τε καὶ πατέρες δε βακτύσας/
15. Страбон. УП, 3, 7: "А жившие за мисийцами, фракийцами и гетами? Разве это не были гиппемолги, галактофаги и абы?". О номадизме у носителей этих описательных этнонимов см.: там же. УП, 3, 9; ХЛ, 3, 26-27 и прим. 5 настоящей работы.
16. ХЛ, II, 3. "В прежние времена образ жизни и обычай согдийцев и бактрийцев мало отличались от образа жизни кочевников /οἱ δὲ νομάδες τοις πόλις καὶ τοῖς γιλεσί τοῖς νομάδων/".
- но все же обычай бактрийцев были немного цивилизованнее /γερμέργερα/. Однако и о последних Онесикрит отзываетя далеко не почтально. По его словам, изнуренных старостью и болезнями, они бросали кивами собакам, нарочно содержавшимся для этого, которых они на своем родном языке называли могильниками. Территория вне стен метрополии бактрийцев /σὺν μεγέφω σείξασις εἴτε μετρόπολεως τοῦ βακτρανοῦ/ имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей. Александр уничтожил этот обычай.
- ХЛ, 3, 7. "Хотя большая часть страны, обитаемой мавровими, отличается плодородием, тем не менее население ее в большинстве ведет кочевую жизнь /νομικῶν φύτες ὅς πολλοῖς/. Однако они стараются приукрасить свою внешность, заплетая волосы на голове и отращивая бороды, носят золотые украшения, начищают зубы и стригут ногти".
- IV. Страбон. ХЛ, 4, 10. "Кочевники называют этих охотников акафартами" /т.е. "нечистыми" - В.Ф./.
- IV. 4, 6. "Народность херсонесцев /οἱ δέκατοι οὔτες/ называлась геограми в буквальном смысле этого слова /γεωγράμματα/, потому что скифское племя, живущее над ними, было кочевым /σὺν μετρόπολεως νομάδων γεωγράμματα/. Кочевники, правда, скорее воины, чем разбойники. Они ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен известную условленную плату и то умеренную, не для обогащения, но только для того, чтобы удовлетворить необходиимые ежедневные потребности жизни. Однако с теми, кто им не уплачивает /μηδέδυτοι/, кочевники воюют. Поэтому Гомер и назвал этих людей одновременно справедливыми и бедными. И в самом деле, если бы им правильно уплачивали арендную плату /φόρον/, то они никогда бы не начинали войны. Но им не платят правильно люди, уверенные в том, что у них самих довольно силы, чтобы отразить нападающих или помешать вторжению". См. напр.: БЛОВ В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. КСИА, - 1973. - № 138. /
20. οὐλῆς δέδυτοι καὶ γεωργός
21. См. напр.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. - Грозный, 1963; он же. Сирацкий союз племен на Северном Кавказе. СА. - 1965, № 1; он же. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. - Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ, т. 25. Сер. Историческая. - Нальчик, 1967; Мунчаев Р.М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА. - 1965, № 2; Мизиев И.М., Кеферов Б.М. Новый комплекс сарматского времени в Кабардино-Балкарии. Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ, т. 26. - Нальчик, 1974; Эрдигиев У.Э. Калмыцкая степь в скифо-сарматское время. Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. - Элиста, 1982; Кеферов Б.М. Культура племен Центрального Предкавказья

- в сарматское время. Автореф. канд.дисс. - М., 1975; он же. К вопросу о сарматизации племен центральной части Северного Кавказа. Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. - Нальчик, 1980; Петренко В. Новые находки сарматского времени из предгорий Чечено-Ингушетии. Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1981.
22. Археология Украинской ССР. Т.2. Скифо-сарматская и византийская археология. - Киев, 1986, с.216. См. также: Анизов Н.В. Земледелие у мото-сарматских племен Прикубанья. МИА., № 23. - М., Л., 1951.
23. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. - М., 1974, с.333.
24. XI, 5, 7-8. "Таковы вершины Кавказа. Спускаясь к предгорьям, попадаем в область, расположенную севернее, с более мягким климатом. Дело в том, что эта область прилегает к равнинам сираков. Здесь живут также некоторые троголиты, из-за холдов обитающие в звериных берлогах, но даже у них много яиченного хлеба. За троголитами следуют... которые еще в состоянии заняться земледелием *γένεται γένεσις* /, т.к. живут на самом севере. Далее следуют уже кочевники между Меотидой и Каспийским морем".
25. De excidio urbis Hierosolymitanae. V, 50. // Migne. Patrol. Latina. V, 1. Пер. см. в изд.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе; т.2. Латинские писатели. Вып.2. - Спб., 1906, с.351.
26. ut suas terras exercearent alienas non incursarent
27. sed sive ob sterilitate locorum quod averi votis agricultae sperata culturae non respondebat fecunditatis aevi praedandi cupiditate
28. Археология Украинской ССР, т.3. - Киев, 1986, с.88. См. также: Рикман Э.А. Сарматы и племена черняховской культуры. Очерки истории и культуры Молдавии. - Кишинев, 1971; он же. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. - Кишинев, 1975.
29. XXXI, 2, 17. Halani, quorum gentes varias nunc recensere non refert licet dirempti spaciis longis per pagos (ut Nomades) vagantur immensos, aevi tamen progressu ad iungantur ob mores et modum efferatum vicendi eandemque armatum.
30. Consentaneum est demonstrare geographicā perplexitate monstrata quae diu multimoda tractans et varia, tandem repperit veritatis interna.

САРМАТЫ НА КОЛОНИИ ТРАЯНА

Центральное место в форуме Траяна занимает колонна, посвященная триумбу над Дакией. На ее рельефах отображены события двух войн - I01-I02 гг. н.э. и I05-I06 гг. н.э., закончившихся покорением Дакии и превращением ее в римскую провинцию. Многие исследователи занимались изучением рельефов и идентификацией изображений с реальными событиями (К.Шкориус, К.шач, В.Гауэр и др.). Подробно рассматривалось вооружение как римских, так и дакийских воинов (Ф.Боду Флореску, В.Гауэр), затрагивался вопрос о и катафрактиях (высказывали свои замечания М.И.Ростовцев и А.М.Ханзанов).

Изображения катафрактиев встречены на скрытых рельефах¹ (рис. I-2)*, а элементы их снаряжения в трофеях на рельефах базиса колонны² (рис. 3-5).

(рис. I) Сцена штурма римских укреплений с участием катафрактиев. В правом верхнем углу рельефа изображена группа из трех всадников в чешуйчатых доспехах, покрывающих все тело от шеи до стопы. У шеи овальный вырез, по краю выреза - кайма в виде валика. В талии доспех перетягивает тонкий пояс. Головы всадников защищены коническими шлемами с продольным делением тулы вертикальными ребрами и поперечными в виде основного ободка, при основании шлема и двух дополнительных на тулье. С боков опускаются нащечники, сходящиеся у подбородка. Положение правых рук всадника наводит на мысль, что в них мечи или копья. Чешуя конского доспеха несколько крупнее. Доспех полностью облегает тело коня от головы до копыта. Видна часть гривы, уши, прорези для ноздрей. Прорези для рта очерчены дополнительной рельефной линией. Глаза защищают округлые бляхи с небольшими отверстиями. Сбруя не показана.

(рис. 2) Группу катафрактиев из пяти человек преследует римская конница. Еще один, убитый, лежит лицом к зри-

* Автор пользуется случаем выразить свою признательность Н.С.Сурмилло за выполненные ею рисунки к данной работе.

телью. Доспех всадников аналогичен описанному на рис. I. На всадниках и убитом – шлемы: на четверых из них – конические, с вертикальными ребрами и двумя-тремя ободками на тулье; у двух – конические со слегка уплощенной сверху тульей, на них также прослеживаются вертикальные ребра и горизонтальные ободки. Все шлемы с нашечниками. Один из всадников, обернувшись назад, стреляет в преследующих из лука. У другого спереди справа висит меч с небольшим навершием и в ножнах, имеющих на нижнем конце округлое расширение. Длина меча немного меньше длины руки. Способ ношения меча не ясен, отсутствуют ремни. Доспех коня аналогичен изображенному на рельфе (рис. I). На части доспеха, закрывающего голову, дополнительная линия в виде полуокруга от скулы до лба. Глаза защищают такие же округлые бляхи с отверстиями, как на рис. I. Из конской сбруи показаны поводья в виде широкого ремня.

В античных письменных источниках отсутствуют прямые упоминания об участии сарматов в дакийских войнах. Но сведения из этих источников рисуют картину, отражающую активность сарматских племен на границах империи в Подунавье.

Страбон, например, отмечает, что в начале I в. н.э. роксоланы обитали в междуречье Днепра и Дуная³. Языги занимали территорию между Тиссой и Дунаем с I в. н.э.⁴. Дион Кассий дает описание набега на Мезию даков и сарматов в VI в. н.э.⁵. Тацит сообщает о набеге роксоланских катафрактиев на Мезию зимой 69 г. н.э. Сообщая подробности, автор называет численность отряда – 9000 чел.⁶. Предыдущей зимой те же роксоланы уничтожили две римских когорты. В правление Домициана сарматы уничтожили римский легион⁷. При нем же языги в союзе со свевами выступили против римлян⁸. Децебал в союзе с бастарнами и роксоланами нанес поражение римским войскам⁹. Домициан успешно выступил против сарматов в 92 г. н.э.

Существует интересное сообщение Плиния Младшего в письме к Траяну. В этом документе имеется единственное упоминание о вторжении сарматов в Мезию во время первой Дакийской войны¹⁰. В письме сообщается о поимке некоего Каллидroma, бывшего "рабом у Лаберия Максима, который был захва-

чен в плен в Мезии Сусагом и отправлен Децебалом в подарок парфянскому царю Пакору". Лаберий Максим успешно командовал армией в первую Дакийскую войну, был консулом и легатом Мезии в 100-102 гг. н.э.¹¹.

К.Пач считает, что Лаберий Максим командовал войсками в Нижней Мезии, в Сусаге он видит сарматского воюха¹². С событиями, на которые в письме существует намек, он связывает изображения на рельефах (рис.1,2).

Еще одно мнение высказал К.Пихорус, которого поддержал В.Гаузер. Они считают установленный факт вторжения даков и сарматских союзников в Мезию зимой 101-102 гг. н.э.: "Опорой для локализации этого события может служить положение основанного Траяном города Nicopolis". Аммиан Марцеллин (XXXI, 5, 14) упоминает, что император Траян основал город, "названный в честь победы над даками". Согласно Мордану (*Getika* с.18р.83,26) "о подавлении сарматов" он соорудил город и назвал победным. Оба высказывания берутся не полностью, но содержат в себе не противоречие. Взятые вместе, они соответствуют изображению на колонне Траяна¹³.

Таким образом, на сцене (рис. I) изображен совместный штурм дакийскими конными и пешими воинами и сарматскими катафрактиями римских укреплений с форсированием Дуная. Справа (рис. 2) – успешное отражение набега и бегство сарматов.

Большинство исследователей также считает изображенных на колонне катафрактиев сарматами: М.И.Ростовцев, А.М.Ханзенов, Ал.Митру¹⁴.

Особняком стоит мнение Ф.Бобу Флореску, которое более подробно будет рассмотрено ниже. В.Фрэннер видит в катафрактиях парфян¹⁵. Высказывает аналогичное мнение и Г.А.Пугаченкова¹⁶, его придерживается и В.П.Никаноров¹⁷, который, опираясь только на свидетельства Юстина и Шуттарка (о том, что парфянские всадники и их кони вплоть до копыт защищены чешуйчатыми доспехами), скептически относится к изображениям на рельефах и иллюстрациям к словам этих авторов.

В.Фрэннер считает, что здесь изображено плавание через Адриатику¹⁸. Но как заметил В.Гаузер, считавший воду здесь рекой, вряд ли возможна транспортировка лошадей в откры-

том боте, да еще зимой по Адриатике! Море же на рельефах колонны распознается по дельфинам. Общая композиция сцены также не дает возможности предположить, что это всадники в морской гавани. Невероятным выглядит путешествие парфянских катафрактариев и их коней (кони требуются более сильные и лучше обученные) морским путем, а тем более сухопутным.

Хотя у Плиния Младшего (X,74) есть сведения о зарождающихся дипломатических отношениях Децебала с Парфией, парфяне не имели никакого отношения к событиям в Дакии 101-106 гг. н.э. Логично высказать предположение, что при сложившихся отношениях с Парфией (вылившихся в недалеком будущем в войну II4-II7 гг. н.э.) союзничество парфян в Дакийских войнах, видимо, нашло бы отражение в письменных источниках, тогда как участие сарматов расценивалось только как один из многочисленных набегов.

Обращение к ряду памятников иконографии и археологическому материалу также позволяет свидетельствовать в пользу мнения о том, что изображения катафрактариев на колонне принадлежат сарматам.

Рассмотрим доспех всадников.

Чешуйчатый доспех, как нехарактерный для самих римских солдат, выделили при анализе вооружения на рельефах колонны В.Гаузэр, Ф.Бобу Флореску¹⁹. Аналогичные панцири в виде рубах различной длины и рукавами, низ которых достигает локтя и ниже до запястия (есть и с совсем коротким рукавом, чуть закрывающим плечо), изображены на рельефах с трофеями (рельефы базиса колонны рис.3,4, а также рис.5). Но этот доспех не был свойственен и дакам, т.е. в него были облечены сарматы.

Памятники изобразительного искусства Северного Причерноморья, живопись и скульптура дают довольно близкий материал. Это – чешуйчатый панцирь в виде длинной рубахи с короткими рукавами или в виде каftана с двумя полами внизу; рукава могут быть короткими и длинными²⁰; живописные памятники – росписи склепов – Стасовский склеп (I пол. II в. н.э.)²¹; двойной склеп, найденный в 1873 году²²; склеп, открытый Г.Ашиком в 1841 г.²³; скульптурное изображение – рельеф Трифона (II-III вв. н.э.)²⁴.

М.И.Ростовцев, приводя изображения воинов в чешуйчатых длинных панцирях с рукавами до локтя на арке Галерия в Салониках, посвященной успешной войне последнего в Персии в 296 г. н.э., доказывает, что изображенные воины – сарматы, и защитное вооружение их близко боспорским образцам²⁵.

Всадники в панцирях в виде длинных рубах до щиколоток из крупных, горизонтально расположенных пластин изображены в росписи склепа, найденного Г.Ашиком в 1841 году²⁶. Необычную их посадку на коне в сбруяции с доспехом отмечают исследователи²⁷, при этом подвергая сомнению правильность фиксации изображений.

Добавим также, что возможно сарматам принадлежала и короткая кольчуга с рукавами до локтя, изображенная на рельефах колонны Траяна с трофеями (рис.3, нижняя доска). В двух случаях в трофеях изображен доспех из длинных, горизонтально расположенных пластин (рис.3, 4), не встреченный среди снаряжения сарматов и даков в скульптурных сценах. Близкий ему доспех был распространен у солдат римской армии. Кроме него, однако, в трофеях нет оружия и снаряжения, которое можно было бы безусловно связать с римским.

Археологический материал в виде находок цельных панцирей и их фрагментов приведен в²⁸. А.М.Хазанов отмечает, что в савроматское и раннесарматское время преимущественно существовал чешуйчатый панцирь, как кожаный с кожаными бляхами, так и металлический, а с рубежа III-VI вв. рас пространение получает металлический комбинированный²⁹, в котором наиболее уязвимые места защищались чешуйчатым доспехом, а для защиты остальных частей тела пользовались кольчугой. Встречавшиеся крупные пластины применялись в нижней части панциря. Панцири подпоясывались поясом, который мог быть кожаным, или цельнометаллической лентой. В первых веках нашей эры все чаще встречается кольчуга. Но продолжает встречаться и чешуйчатый панцирь (находка железного чешуйчатого панциря в виде рубахи без рукавов из Мокиевки, II-III вв. н.э.³⁰). Существовал он и в средневековые, входя в комбинированный доспех.

Теперь рассмотрим памятники парфянского искусства. Изображение доспеха, близкое к рассматриваемому, имеется

на терракотовом рельефе из Британского музея³¹. Всадник в доспехе из крупной чешуи изображен в профиль сидящим на коне. Не все подробности ясны, можно только сказать, что доспех защищает всадника от плеч до колена (ниже колена недостаточно ясно), рукава не из чешуи, возможно, это наручки из горизонтально набегающих пластин³². Встречается у парфян также и пластинчатый доспех³³.

Г.А.Пугаченкова³⁴ отмечает у парфян и комбинированный доспех, по ее мнению, заимствованный у бактрийцев, и, пожалуй, более характерный, встречающийся чаще. Грудь и живот защищались кирасой или рядами крупных пластин, плечи и бедра могут быть покрыты чешуей или рядами мелких пластин, руки и ноги соответственно в наруках и поножах из горизонтально набегающих пластин (граффити с изображением катафрактария из Дура-Европос, III в. н.э.³⁵; Фирузабадский наскальный рельеф, III в. н.э.³⁶; монета Васудевы I, 180–230 гг. н.э.). Предполагая, что на колонне Траяна изображены парфянские катафрактарии, Г.П.Пугаченкова взяла за основу предположение М.И.Ростовцева о том, что сарматским катафрактариям был свойственен только панцирь, и они не были покрыты с ног до головы, как другие катафрактарии; имели овально-ребристый шлем, а кони их не имели защитного снаряжения³⁷. Но в то же время М.И.Ростовцев выразил свое согласие с К.Цихориусом о том, что на рельефах колонны Траяна (рис.1,2) изображены именно сарматы³⁸.

Таким образом, в I–II вв. н.э. чешуйчатый доспех чаще встречался у сарматов, чем у парфян (и обычно в комбинированном доспехе). Чешуйчатый доспех, изображенный на колонне, выглядит для себя необычно. Катафрактарий покрывает от шеи до кончиков ног и рук обтягивающий (показан даже рельеф мышц) "костюм", напоминающий скорее скафандр, чем реальный доспех. Рубаху и "штаны" разделяет только тонкий пояс на талии. Несмотря на то, что изображения выполнены тщательно, детали самого доспеха не проработаны, и в целом он выглядит не функционально. Добавим также, что среди многочисленных изображений на колонне только изображения катафрактарии выделяются некоторой схематизацией своего снаряжения. Одежда римских солдат и даков, их снаряжение исполнены точно и вполне соответствуют реалиям.

Не соответствующими реальности в снаряжении катафрактарии выглядят изображения пропущающего сквозь доспех рельефа мышц, отсутствие в доспехе четкого обособления снаряжения для защиты верхней и нижней части тела, а также защита из чешуи для ног от колена вниз, включая саму стопу.

Возможно, автор пытался передать идею полной защищенности тела, и при этом произошло перенесение на доспех его свойств и внешнего вида. Возникает ощущение полного единства, слитности всадников и их коней, динамизм изображений и при этом вид их чрезвычайно необычный и даже устрашающий. Таким образом, учитывая выше сказанное о точности и полноте всех остальных изображений на колонне, можно предположить, что здесь автор умышленно придал этим конным варварам – противникам римлян – вид грозный и неуязвимый (что поднимало престиж римского оружия и в случае этого небольшого успеха). При этом допущению подвергся лишь способ передачи доспеха (чешуйчатый доспех в виде "костюма" и головное изображение в нем всех всадников, без изменения сути – вообще факта наличия доспеха для защиты всего тела).

Здесь будет уместно привести известное и ранее уже приводимое описание доспеха клибанария, сделанное Свидой³⁹: это "... доспех, который точно соответствовал формам человеческого тела. Они покрывали руку от запястья до локтя, а оттуда – до плеча, в то же время как пластинчатая броня – плечи, спину и грудь. Голова и лицо покрыты шлемом с металлической маской..., даже бедра и ноги и самые кончики ног покрыты доспехом. Он соединен с панцирем прекрасным кольчужным плетением..., так что ни одна часть тела не остается видимой и непокрытой, потому что плетеное покрытие защищает руки и является гибким, что носители его могут даже сгибать пальцы".

Подобное описание помогает нам, с учетом археологических реалий, сделать следующее заключение. Вероятнее всего, что доспех был комбинированный, в нем сочетался чешуйчатый и кольчажный. Верхнюю часть тела защищала рубаха, выполненная внахлест и перетянутая в талии поясом ко-

жаным или металлическим. Грудь, спина и оплечья, видимо, были чешуйчатыми. Рукава рубахи могли быть кольчатыми, до локтя.⁴⁰

Особо следует остановиться на защите нижней части туловища. Рассмотрим, какие аналогии имеет этот вид снаряжения. Дважды изображен этот способ защиты в произведениях скульптуры: это разбираемый нами случай, а также упомянутый терракотовый рельеф из Британского музея.

К сожалению, эта часть защитного снаряжения слабо представлена в археологических реалиях. Пока можно говорить лишь о двух случаях, относящихся к斯基фскому времени. 1) Скифское погребение IV в. до н.э. С.В.Полин называет широкие поножи из чешуйчатой брони штанами⁴¹. М.В.Горелик дает реконструкцию доспеха скифского воина из этого погребения⁴². Бедра и ноги спереди и снаружи защищают спускающиеся до середины голени набедренники поножи из чешуи.

2) Аналогичные поножи приводит в своем докладе М.И.Фридман⁴³. Вполне возможно, что у конного воина их можно счесть за штаны. Можно также предположить, что данная часть снаряжения в дальнейшем могла совершенствоваться. Еще один интересный случай может служить буквальной иллюстрацией к описанию Свиды. Это погребение фракийского воина II пол. I в. н.э. в кургане у Чаталки (НГБ)⁴⁴. Интересующее нас снаряжение имеет вид "панталон", защищающих ноги от паха до стопы и саму стопу. Вертикально расположенные длинные железные пластинки скреплялись между собой с помощью бронзовых проволочек. В коленном и голеностопном суставах пластины связаны бронзовым шарниром. Щели на сгибах защищают дополнительно по два ряда мелких чешуек. Пластины прикреплены, как указывает автор, к кожаной или матерчатой основе. На верхнем срезе, у паха, каждая "штанина" с внешней стороны имеет небольшую, вертикально расположенную петлю - видимо, способ крепления с остальным доспехом. В комплекс также входили: шлем-маска, железный нашейник с обрывками кольчуги, фрагменты чешуйчатой и пластинчатой брони, полный набор сарматского наступательного вооружения. Обряд погребения - трупосожжение. Таким образом, ко II в. н.э. на данной территории уже существовало подобное снаряжение. В целом не исключена возможность его попадания к сарматам.

Итак, деталь защитного снаряжения в виде "штанов" вполне реальна. На всадниках с колонны Траяна могли быть набедренники-поножи, реконструкцию которых прекрасно дал М.В.Горелик. Вероятно, могли существовать и цельные штаны из кожи, поверхность которых, кроме внутренней поверхности ног, была покрыта чешуей. Они должны были быть достаточно широкими, чтобы не сковывать свободу движений. Длина - до середины голени. Данные требования связаны с положением полусогнутых ног при посадке на коня без жесткого седла и стремян. Теоретически мог использоваться и кольчатый доспех. Не исключена возможность использования захваченного снаряжения. Разумеется, такой доспех был не у всех сарматов. Как уже говорилось, поголовное общее изображение в подобном снаряжении преследовало цель, видимо, придать им вид неуязвимый и более устрашающий и тем самым усилить впечатление даже от этой небольшой победы в общем триумфе Траяна.

Обратимся к шлемам. Кроме уже упомянутых шлемов катафрактиарев на рельефах (рис.1,2), аналогичные им шлемы имеются на рельефах с трофеями (рис.3-5). Шлемы эти конические и яйцевидные, с нашечниками и без нашечников, один с длинным назатыльником из чешуи (рис.5).

Изображения близких по форме и устройству шлемов дают и другие памятники изобразительного искусства. М.И.Ростовцев описал устройство таких шлемов, опираясь в основном на данные иконографии⁴⁵. По форме шлемы конические и овальные. В нижней части вертикальные ребра скреплены ободом, вверху сходятся вместе и оканчиваются шариком или пуговицей. Для большей прочности они могут быть соединены дополнительными ободами на тулье, фиксируемые на изображениях в виде одной-двух-трех поперечных линий. К ребрам прикреплены защелками металлические пластины⁴⁶.

Известны изображения шлемов конической и яйцевидной формы, где отсутствует или не различается горизонтальное или вертикальное деление тулы (цельнометаллический шлем)⁴⁷.

Шлемы с нашечниками, сходящимися у подбородка, и с назатыльником мы видим на арке Галерия⁴⁸, высокий конический шлем с длинной, видимо кольчужной бармицей - на граффити из Дура-Европос⁴⁹.

Подобные шлемы целиком или их фрагменты имеют место в археологическом материале⁵⁰.

Реконструкция скифского наборного шлема произведена М.В.Гореликом⁵¹. Это шлем с колоколовидным оголовьем из четырех горизонтальных рядов наборных пластин. Нашечники изготовлены из единой пластины, назатыльник - из длинных железных пластин.

Такой шлем мог быть у сарматов или шлем иной конструкции. Описание его, по данным дареволюционных раскопок, приводит Э.З.Ленц⁵².

У такого шлема коническая тулья, внизу к ней приклепан широкий венец, в его лицевой части выступ, прикрывающий нос. По бокам - нашечники, приклепанные к венцу каждый отдельно железными полосами. Назатыльник, как отмечает автор, не сохранился. В качестве аналогий он привел два конических шлема со слегка уплощенной сверху тульей из Тобольского музея. Оба шлема с горизонтальным делением тулии: один склепан из двух полос, другой - из трех, в его лицевой части выступ для защиты носа, а также овальные вырезы над бровями.

Различные по конструкции составные шлемы были также на вооружении у парфян и кушан. М.И.Ростовцев отмечал, что подобный тип шлема мог быть заимствован парфянами у сарматов или быть общим для тех и других⁵³. Последнее, видимо, более вероятно⁵⁴.

Наступательное вооружение катафрактарииев на рельефах представлено более бедно. Такие характерные черты, как наличие длинных пик и мечей отмечены древними авторами и современными исследователями⁵⁵ по археологическим данным. Их отсутствие на рельефах можно объяснить, исходя из чисто художественных соображений. Большое количество тонких линий, изображавших копья, излишне загромождало бы сцены и создавало дополнительные трудности в работе. Тем более, что подобное допущение, видимо, было разрешено правилами. Например, отсутствуют копья и дротики у римских конных легионеров в сцене преследования катафрактарииев (рис.2), хотя, судя по положению рук, они заняты их метанием в отступающих сарматов. Это наблюдается также и во многих дру-

гих сценах применительно как к римлянам, так и к дакам и является общим для большинства рельефов.

Отчасти этой же причиной можно объяснить и отсутствие изображений мечей. Лишь у одного из всадников (рис.2) имеется короткий меч с небольшим навершием, в ножнах, расширяющихся на конце. Но зато длинные мечи изображены на рельефах базиса колонны в трофеях. В левом нижнем углу (рис.3, нижняя доска) - меч в узких ножнах с длинной рукоятью, небольшим прямоугольным (?) перекрестьем и навершием. Длина меча соизмерима с длиной овального щита и длиной чешуйчатого доспеха, находящегося выше меча. Другой такой же меч находится в центре доски. В правой части (рис.4, нижняя доска) - длинный прямой меч в ножнах. На рельефе (рис.5) - прямой меч в ножнах, висящий на ремне вместе с коротким чешуйчатым доспехом. Длина меча почти в полтора раза больше длины панцира.

Видимо, Ф.Бобу Флореску не придал им должного значения, так как в своих выводах он подчеркнул отсутствие длинных мечей у катафрактарииев. Приведем его слова: "Недостаточное соответствие между длинными мечами, описываемых Тацитом как особенности оружия роксолан, а также то, что катафрактарииев на конях и их характерные панцири знали уже многие народы, а лук и чешуйчатый конский панцирь Тацит не упоминает, можно сделать ясный вывод, что этих катафрактарииев не стоит расценивать как сарматских роксоланов, а как авангард дакийских ударных групп" (!?)⁵⁶.

При этом автор в своем исследовании выделяет вооружение катафрактарииев как защитное, так и наступательное. Чешуйчатый панцирь не является характерным ни для римских, ни для дакийских воинов. Шлемы, кроме катафрактарииев, да-ки носят лишь в двух сценах⁵⁷. Причем, в первом случае, в сцене приема Траяном послов, на конических шлемах отсутствует горизонтальное и вертикальное деление тулии, нет и нашечников, то есть скорее напоминают шапки (хотя на обычные шапки даков также не очень похожи). Во втором случае - конические шлемы с уплощенной тулей и нашечниками, но вертикальное и горизонтальное деление тулии незаметно. Шлемы даков отличаются от шлемов катафрактарииев и от шлемов, изображенных в трофеях. Прямые мечи, как считает сам

Ф.Бобу Флореску, не являются характерным дакийским вооружением, противники римлян их носят очень редко: на рельефе (рис.2) – катафрактарий, а также еще в двух сценах⁵⁸, причем, в сцене (табл. XXIII) меч имеет скорее, по мнению Ф.Б. Флореску, декоративное значение. К этому можно добавить, что не известно никаких сообщений и упоминаний древних авторов относительно наличия у даков катафрактариев, а также археологических реалий, подтверждающих вывод Ф.Бобу Флореску. Поэтому заключение, сделанное румынским исследователем, нам кажется недостаточно обоснованным.

Упомянутые изображения мечей (в трофеях, а также на рис.2), имеющих узкие прямые клинки, длинную тонкую рукоять, небольшие перекрестья и навершия, отличаются от изображения мечей римских воинов и даков (в тех редких случаях, когда они у последних есть).

Дакийские воины на рельефах носят прямые мечи на поясе, как справа, так и слева. Римские солдаты – на портупейном ремне через левое плечо, справа у груди или чуть ниже у пояса.

Мы не согласны с замечанием Ф.Бобу Флореску, что меч у катафрактария (рис.2) похож на римские. Римские мечи в более широких ножнах, нижний конец которых заострен, навершие их часто крупное, грибовидной формы. Мечи в трофеях отличаются от римских еще значительнее.

Положение меча аналогично положению мечей у римских конных легионеров, ведущих преследование (рис.2) и носящих их, как уже указывалось, у груди с правой стороны на ремне через левое плечо. У катафрактария способ ношения не ясен, не изображены детали, в частности, отсутствуют какие бы то ни было намеки на ремень. Ножны меча катафрактария (рис.2) в нижней части образуют расширение в виде полукруга (бутерь). Подобная или близкая ей деталь ножен известна на значительной территории в довольно широком интервале времени – У1 в. до н.э. – I в. н.э., в памятниках изобразительного искусства и в виде археологических находок: у саков, персов, в Греции, эллинизированной Бактрии, в греческих городах Северного Причерноморья⁵⁹, в римском искусстве⁶⁰.

Находки ножен с округлым расширением в нижней части, различным по форме и размерам, есть в сарматских и сарматских погребениях⁶¹. Отметим также меч с небольшим овальным расширением на конце ножен на рельефе с трофеями (рис.3, нижняя доска, в правом нижнем углу).

Несколько слов еще об одной детали ножен. Меч в трофеях (рис.4, нижняя доска, справа по центру) в верхней части ножен имеет скобу с продетым в нее ремнем. Это отметили В.Гинтерс и А.М.Хазанов⁶². А.М.Хазанов добавил, что способ ношения меча на портупейном ремне более подходит для всадника. Мечи с аналогичной скобой изображены также на рельефах рис.3, нижняя доска, в правом нижнем углу и рис.4, нижняя доска, в ее верхней части.

На рельефах колонны есть изображения луков, по форме и размерам близких скифским⁶³. Ими вооружен дакийский воин⁶⁴, сарматский катафрактарий (рис.2), римский лучник⁶⁵, подразделения римских лучников из вспомогательных групп новой этнической принадлежности⁶⁶, а также луки в трофеях (рис.3, 4).

В наступательном вооружении катафрактариев лук играл вспомогательную роль⁶⁷, но тем не менее, видимо, был у них достаточно распространен.

Теперь о доспехе коня. Кони катафрактариев полностью облачены в щечуйчатый доспех, аналогичный доспеху всадников, и также плотно облегающий тело от головы до копыт. Подобный доспех, конечно, не мог существовать – конь в нем не обладал необходимой подвижностью. Здесь, видимо, как и при изображении доспеха всадников, были сделаны определенные художественные допущения, что нисколько не умаляет значения факта вообще наличия доспеха коня у сарматов. Видимо, он не был бы изображен, если бы использовался ими крайне редко.

Археологические находки панцирей, принадлежавших коням, встречаются не часто: железная кольчуга в погребении у ст. Ярославской⁶⁸, крупный доспех из медных щечуек в кургане у ст. Елизаветинской⁶⁹, в погребении I3 Краснодарского м-ка, доспех рядом с костяком лошади⁷⁰. Конскому панцирю могли принадлежать и отдельные крупные пластинки и щечуки в погребениях⁷¹.

А.М.Хазанов сделал вывод о том, что конский доспех у сарматов был менее распространен, чем, например, в Иране, из-за специфики кочевой среды: кочевникам, живущим в степи, требовалась большая подвижность и маневренность, проблема обеспечения необходимым питанием по этой причине⁷¹. Панцирь поэтому мог быть кожаным с костяными чешуями. Добавим, что у западных сарматов он мог встречаться чаще, вследствие постоянного военного контакта с Римом в Подунавье и возникших отсюда требований лучшей оснащенности. С другой стороны, являлись ли сарматы кочевниками, как таковыми? Археологически отмечена оседłość сарматов в Подунавье-Поднестровье⁷². Упоминание Страбоном части сарматского населения, занимающегося земледелием в Предкавказье, согласуется с находками конского доспеха из Прикубанья. Вследствие этого защитное снаряжение катафрактиев у западных сарматов могло сближаться с парфянским.

Имеются материалы, которые позволяют предполагать использование еще скіфами защиты для коня⁷³. Отчего же не считать, что через половину тысячелетия (!) сарматские катафрактарии, упоминаемые так часто (!), редко пользовались им?

Памятники изобразительного искусства дают определенное представление о том, как мог выглядеть подобный доспех.

Граффити из Дура-Европос изображает коня, покрытого попоной из чешуйчатой брони, облегающей голову и ниспадающей ниже коленных сгибов⁷⁴ (III в. н.э.). Не полностью сохранившееся изображение из Халчаяна передней части туловища коня без ног. Г.А.Пугаченкова считает, что шея и грудь защищает бронированная попона из крупных продолговатых пластин. Голову коня закрывает мелкочешуйчатый намордник, глаза, уши и нос остаются открытыми⁷⁵ (рубек н.э.). Рельефное изображение всадника и коня на керамической фляге (IУ-II вв. до н.э.)⁷⁶. Пластинчатый панцирь, защищающий коня, как указывает автор, состоит из двух частей. Сохранилось изображение только задней части туловища коня. Круп коня защищает панцирь из трех рядов крупных пластин, а среднюю часть туловища (под всадником) - из

четырех-пяти рядов более мелких пластин. Ноги панцирь не закрывает. Катафрактарий на надгробии Афения (I пол. I в. н.э.)⁷⁷. Конь оруженосца (изображен только передняя часть коня) покрыт панцирным доспехом из прямоугольных пластин. Ноги коня не защищены.

Сложно сделать вывод о том, что представлял доспех коней на рассматриваемых рельефах колонны. Вероятно, реальный доспех мог состоять из попоны, кожаной с костяными бляшками или металлической (чешуя или кольчуга); защиты для шеи; кожаного намордника или конструкции на кожаной основе из металлических пластин, закрывающих наиболее уязвимые части головы. Разумеется, далеко не все кони могли иметь подобное снаряжение.

Обращает на себя внимание также то, что хвосты коней катафрактиев показаны подрезанными почти у самого основания, в отличие от коней римской армии и даков.

В заключение рассмотрим еще две сцены с участием вспомогательных групп римской армии⁷⁸. Их вооружение близко описанному выше сарматскому. На первом рельефе изображены четыре человека по пояс в чешуйчатых панцирях (руки в целом не видны), аналогичных панцирям катафрактиев. На троих конических шлемы с вертикальными ребрами, сходящимися на вершине, и одним-двумя охватывающими тулью ободками; у одного конический шлем со слегка уплощенной тулей, вертикальные ребра отсутствуют, горизонтальный обод делит тулью по середине.

Во втором случае - три лучника в коротких чешуйчатых панцирях с короткими рукавами и небольшим мечом у пояса с правой стороны на плечевом ремне. Их головы защищают яйцевидные шлемы с нащечниками, сходящимися у подбородка. Вертикальные ребра сходятся вверху в виде шишечки, посередине они перехвачены поперечным ободком. Шея защищает назатыльник, возможно из длинных пластин.

Чешуйчатый панцирь, устройство и форма шлемов напоминают соответствующее снаряжение катафрактиев на рельефах (рис. I, 2), а также панцири и шлемы в трофеях.

М.И.Ростовцев отмечал, что Боспор поставил Риму вспомогательные отряды: один конный полк и два пеших, лучники

и копейщики. Не исключено, что именно эти отряды изображены на данных рельефах⁷⁹.

Подведем небольшой итог. Во-первых, ознакомление с письменными источниками позволяет предположить, что именно сарматы участвовали в некоторых событиях Дакийских войн. Во-вторых, нет оснований считать, что доспех катафрактария, подобный рассматриваемому (защита всего тела), был свойственен только парфянам. Имел место аналогичный доспех и в среде сармата. Он состоял не только из рубахи, а также, вероятно, существовала защита и для нижней части туловища, только реже. Доспех коня у сарматов был менее распространен, чем, например, в Парфии, но считать его нехарактерным нельзя. Чешуйчатый доспех (как в комбинации с колчаком, так и самостоятельно) в среде сарматов встречается чаще (вплоть до IV в. н.э.), чем у парфян. В-третьих, сарматы фигурируют лишь в двух сценах, повествующих о событиях начала первой войны. Вердикто, их вторжение с даками в Мезию было лишь эпизодом, находившимся по своему значению, да и по расстоянию вдалеке от театра войны 101-102 гг. н.э. Союзничество сарматов носило характер грабительского набега, а не слишком удачный его исход приостановил их от дальнейшего участия в войнах. Это вполне понятно, поскольку последующие события развивались в глубине дакии и в перспективе борьбы с крупными регулярными частями римской армии, а не в привлекательных в отношении добычи провинциях. Быть может, именно с этим связано отсутствие прямых упоминаний в письменных источниках об участии сарматов, а также отсутствие их изображений на рельефах колонны, воплощающих события конца первой и всей второй войн.

И еще одно замечание относительно рельефов с трофеями. Бросающееся в глаза большое количество атрибутов вооружения сарматов можно объяснить их большей эффективностью, по сравнению с вооружением даков и стремлением визуально обогатить трофеи, наполнить его разнообразным дорогим и престижным для победителя оружием и снаряжением.

Примечания

- I.C.Cichorius. Die Reliefs der Traianssäule. Berlin, 1896-1900. Tafelbände I,II XXII-XXIV, XXVIII-XXIX.
84

2. Там же, табл.П.Ш. УП.
3. Страбон. География в I7 кн. Пер.Л.М.Стратановского. М., 1969, II,5,7; III,3,17.
4. Плиний Секунд Гай. Естественная история. II,80-81.
5. Дион Кассий. Римская история. У,30,4.
6. Тацит Корнелий. История. Л.,1969, I,79.
7. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей. Пер. М.Л.Гаспарова. М.,1969, Домициан,6.
8. Дион Кассий. Римская история, ХУП,5.
9. Дион Кассий. Указ.соч.
10. Плиний Младший. Письма. А.И.Доватур, М.Е.Сергеенко.М., 1982, X,74.
11. A.Stein. Die Legaten von Moesien. Budapest,196-/S.62.
12. Patsch C. 5/2 Der Kaumsst im dem Donauraum unten Domitian und Trajan. 1937.
13. W.Gauer. Untersuchungen zur Trajanssäule.Teil I: Darstellungprogramm und künstlerischen Entwurf. Berlin,1977.S. 26-27.
14. М.И.Ростовцев. Античная декоративная живопись на щите России. СБ,1914. А.М.Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М.,1971. A.Mitru. Cintecul coloanei. Bucurest, 1981.
15. W.Froehner. La colonne Trajan. Paris, 1865.
16. Г.А.Пугаченкова. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. - ВДИ,1966, № 2.
17. В.П.Никоноров. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи. - КСИА,1985, № 184.
18. W.Froehner . Указ.соч., с.96.
19. W.Gauer . Указ.соч. F.Bobu Florescu. Die Trajanssäule. Grundfragen und Tafeln. Bucurest-Bonn,1969.
20. А.М.Хазанов. Указ.соч.,с.59.
21. М.И.Ростовцев. АДЖ, табл. XXVII-LXXIX.
22. Там же, табл. LXIY.
23. Там же, LXXXVII.
24. Там же, табл. LXXXIV.
25. Там же, табл. LXXXVI, с.332.
26. Там же, табл. LXXXVII.
27. М.И.Ростовцев. АДЖ...
Ю.М.Десятичников. Катафрактарий на надгробии Афенея.- СА, 1972, № 4.

28. М.И.Ростовцев. Указ.соч., с.335, прим.І.
А.М.Хазанов. Указ.соч., с.59-62.
29. А.М.Хазанов. Указ.соч., с.59-62, табл. XXXIV,
30. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, табл. LXXXIV, 54.
31. R.Ghirshmann.Jran: Parthes et Sassanides. Paris, 1962, 122.
32. Г.А.Пугаченкова. Указ.соч.
33. R.Ghirshmann . Указ.соч., рис.10, 84.
34. Г.А.Пугаченкова. Указ.соч.
35. R.Ghirshmann. Указ.соч., рис.63.
36. Там же, рис.I63-I66.
37. М.И.Ростовцев. Указ.соч., с.338.
38. Там же, с.332.
39. Свида, в.в. Θωραξ47.
40. А.М.Хазанов. Указ.соч.
41. С.П.Полин. Захоронение скифского воина-дружинника у с.Красный Подол на Херсонщине. – Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
42. М.В.Горелик. Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол. – Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
43. М.И.Фридма. Тезисы доклада на конференции. Донецк, 1987.
44. Х.Букилиев. За наличието на тежковържени конници в римска Тракия. – Музей и паметници на културата, 1976, № 2.
45. М.И.Ростовцев. Указ.соч., с.329.
46. Там же, табл. LXIV, LXXXIII-LXXIX, LXXXVIII, LXXXVI.
47. Там же, табл. LXXXIV.
Д.М.Десятчиков. Указ.соч.
48. М.И.Ростовцев. Указ.соч., табл. LXXXVII.
49. R.Ghirshmann. Указ.соч., рис.63.
50. М.И.Ростовцев. Скифы и Боспор. М., 1925, с.555.
ОАК за 1891 год, с.57.
ОАК за 1896 год, с.60.
П.Д.Степанов. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана. – КСИА, 1973, № 136.
51. М.В.Горелик. Реконструкция доспех у скифского воина из кургана у г.Орджоникидзе. – Скифы и сарматы. Киев, 1984.
52. Э.Э.Ленц. Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области. – ИАК, 1902, № 4.
53. M.J.Rostovzeff.Graffiti showing Parthian Warriors. – The excavations at Dura-Europos. New Haven, 1931, p.196. 197.
54. А.М.Хазанов. Указ.соч., с.63.
55. Там же.
56. F.B.Florescu . Указ.соч.
57. C.Cichorius . Указ.соч., табл. XXIII, СХ.
58. Там же, табл. I LXXXI, LXXXII.
59. М.И.Артамонов. Сокровища саков. М., 1973.
И.Р.Пичикан. Ножны ксифосов и махайр в северной Бактрии. – СА, 198, № 4.
Е.В.Черненко. Ножны греческого меча из Ольвии. – Скифы и сарматы. Киев, 1977.
60. К.Ф.Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1961, с.28.
М.И.Ростовцев. Скифия и Боспор, с.600.
А.М.Хазанов. Указ.соч., с.12-13.
61. Там же, с.26-27.
62. Там же, с.28,33.
63. C.Cichorius. Указ.соч., табл. XXIV.
64. Там же, табл. XIX.
65. Там же, табл. LXXXII, LXXXVI.
66. А.М.Хазанов. Указ.соч.
67. ОАК за 1896 год, с.57.
68. П.М.Леонтьев. Археологические разыскания на месте превного Танаиса и в его окрестностях. – Пропилеи, IV. М., 1854, с.516.
69. Н.В.Анфимов. Меотский могильник на окраине г.Краснодара. – Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, I, 1960, с.164.
70. А.М.Хазанов. Указ.соч., с.61,87.
71. Там же, с.87.
72. Э.А.Рикман. Памятники сарматов и племен черняховской культуры (Археологическая карта Молдавской ССР, вып.5). Кишинев, 1975.
Э.А.Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
73. Е.В.Черненко. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии. – Проблемы скифской археологии. М., 1971, с.37.
74. R.Ghirshmann . Указ.соч., рис.63.
75. Г.А.Пугаченкова. Указ.соч.
76. М.Мамбутулаев. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-тепе. – СА, 1977, № 3.
77. Д.М.Десятчиков. Указ.соч.
78. C.Cichorius. Указ.соч., табл. X LXXXI, LXXXII.
79. М.И.Ростовцев. АДЖ, с.331-332.

НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ
В ЗАКУБАНЬЕ

(Предварительная публикация)

С 1984 по 1987 гг. Кавказская археологическая экспедиция ГМИНВ исследовала курганный могильник эпохи бронзы и грунтовый могильник меотского времени на Серегинском поле, находящемся между х.Чернышев и п.Ульского пеньковозавода Шовгеновского района Адыгейской АО¹, вдоль первой надпойменной террасы р.Грязнихи. Здесь был собран поселенческий подъемный материал, относящийся к эпохе ранней бронзы (кремневые орудия, керамика майкопского типа). Культурный слой поселения практически уничтожен меотским могильником и длительной распашкой. Предположительно, оно занимало площадь до 5 га. Ненарушенный культурный слой зафиксирован только под насыпью Серегинского кургана № 3². В кургане обнаружено 8 захоронений эпохи бронзы. Основное погребение (№ 8) было совершено в прямоугольной яме под деревянным перекрытием. Погребенный, ориентированный головой на юго-юго-восток, лежал в скорченном положении на правом боку с завалом на спину. Правая рука вытянута к коленям, левая - согнута в локте. Обряд погребения характерен для новотитаровской культуры³, синхронной в степном Закубанье новосвободниковским захоронениям⁴.

Культурный слой поселения фиксируется непосредственно под погребенной почвой кургана и достигает мощности 50–60 см. После снятия насыпи был заложен раскоп площадью 70 м², который исследовался вручную. Наряду с этим произведена выборка нескольких хозяйственных ям в траншеях кургана № 3, где механизмами срезана верхняя часть культурного слоя.

В 1987 г. на исследуемом участке поселения культурный слой разобран лишь до уровня пола глинобитных сооружений, из которых только одно (постройка № I) раскопано полностью (рис. I).

Постройка № I обнаружена в северо-восточной части раскопа. Западная часть ее разрушена траншеей кургана. Судя по завалу глиняной обмазки стен, постройка, видимо, имела окруж-

Рис. 1

Рис. 2

лую в плане форму и была слегка вытянута с востока на запад. Размеры сохранившейся части с севера на юг - 7 м, с востока на запад - 6 м. Площадь всего сооружения перекрывал мощный слой обожженной обмазки обвалившихся стен и перекрытия. Толщина завала до 25 см. На фрагментах обмазки прослеживались отпечатки параллельных прутьев и жердей диаметром от 1,5 до 6 см. Суглиночок внутри завала и вокруг него насыщен частицами полуобожженной обмазки и имеет красноватый оттенок. Местами удалось проследить сохранившиеся на высоту до 15 см основания стен постройки, толщиной до 30 см, в которых сохранились отпечатки вертикально стоящих жердей в два ряда, в 10-15 см друг от друга. Внешняя поверхность стен хорошо заглажена, внутренняя - обработана более грубо. Обмазка стен с внутренней стороны прокалена, возможно, в результате пожара.

С восточной стороны в стене обнаружен проход толщиной 1,2 м. Обмазка стены к северу от него прокалена на всю толщину. В завале у прохода лежал крупный кусок обмазки с отпечатком деревянного столба диаметром до 25 см, на который могло опираться перекрытие. Исходя из мощности завала, можно предположить, что стены были обмазаны не на всю высоту, либо толщина обмазки уменьшалась кверху.

В западной половине постройки обнаружены остатки глинообитного пола толщиной до 5 см. Пол несколько раз ремонтировался - сохранились следы домазки. В восточной половине постройки килой уровень фиксируется натоптанным слоем, имеющим чешуйчатую структуру. Уровень основания стен лежит на 2,5-3 см ниже уровня пола.

В постройке обнаружены развалины двух печей и две очажные площадки с очагами (рис.2). У северной стены расположена очажная площадка I округлой в плане формы (1,25 x 0,8 м) и линзовидная в сечении. Обмазка площадки имеет ровный обжиг. Ближе к ее восточному краю расположен очаг цилиндрической формы диаметром 15 см, глубиной 10 см. Стенки и дно очага сильно прокалены. Видимо, очаг наполнялся углами, так как для разведения огня он слишком мал.

Очажная площадка 2 также окружной формы (1,2 x 1,3 м), расположена в центре постройки. Для нее в полу сделано лин-

зовидное углубление. В центре площадки обнаружен круглый очаг диаметром 20 см и глубиной 10 см с сильно прокаленной внутренней поверхностью. Впоследствии площадка реконструирована необожженной глиной в прямоугольную, размерами 1,1 x 1,4 м.

Вокруг очажных площадок обнаружены попарно расположенные столбовые ямки диаметром 6-8 см. Возможно, это остатки ограждения очага.

Возле очажной площадки 2 найдена печь 2. Завал печи залегал на глинообитном основании полукруглой формы, размерами 55 x 70 см (рис.3,1). Стенки печи из пористой глины с примесью шамота, дресвы, имеют толщину 3-4 см. Видимо, печь имела свод полусферической формы с полукруглым устьем, обращенным в сторону очага (рис.3,2). Ровно прокаленные стенки свода печи изнутри тщательно заглажены. Возможно, печь использовалась для выпечки лепешек (тандыр). Аналогичные печи известны на Долинском⁸, Каякентском⁹, Шенгавитском¹⁰ поселениях.

Перед устьем печи расположена очаг в форме равностороннего треугольника со стороной 55 см. Очаг огорожен глиняным бортиком подтреугольной формы, толщиной 8-9 см и высотой 10-11 см, вмазанным в очажную площадку. Обмазка под очагом сильно прокалена. Внутри очага обнаружен развал сосуда (рис.4,12).

У южной стены постройки находился развал печи I, занимающей площадь 1 м². Стенки очага толщиной 2,5-4 см сформованы из плотной глины, почти не содержащей добавок. Внешняя поверхность обмазана жидкой глиной. Видимо, устье печи располагалось с восточной стороны. Развал печи нарушен и полностью восстановить ее форму не представляется возможным.

В завале печи найдена вмазанная в свод керамическая поделка (рис.4,10) воронковидной формы с беспорядочно расположеннымми отверстиями в стенках. Близкие по форме предметы обнаружены на Гинчинском поселении в Дагестане⁵. Назначение этого предмета определяется по-разному⁶. В данном случае он использовался, очевидно, в качестве дымохода или коптильни. Печи с дымоходом известны в энеолитическом слое Шангавитского поселения⁷.

Судя по наличию печей и очагов, постройка I является жилищем. Наземные сооружения с легким каркасом из дерева, обмазанного с двух сторон глиной, широко распространены на территории Северного Кавказа⁸. Однако традиции сооружения округлых в плане построек является характерной особенностью куро-аракской культуры⁹, известны они также и на территории Восточного Кавказа¹⁰. Среди памятников майкопской культуры окружное жилище известно на Луговом поселении¹¹, которому присущи черты как майкопской, так и куро-аракской культур. Очаги из постройки I находят аналогии также в куро-аракских поселениях: Нахичеванском Киль-тепе¹², Амиранис-гора¹³, а также в Луговом поселении¹⁴.

Керамический комплекс, обнаруженный в постройке I вокруг очажной площадки 2, содержит следующие формы:

- миски с красной ангобированной лощеной поверхностью. Тесто без видимых примесей (рис.4,1,2);
- миски серо-черного цвета со следами заглаживания на внешней поверхности. Тесто с примесями шамота, дресвы (?) (рис.4,3,4);
- фрагмент толстостенного сосуда цилиндрической формы со светлой, почти белой поверхностью. Тесто почти без примесей (рис.4,5). Аналогичные невысокие цилиндрические чаши найдены в энеолитических памятниках Закавказья¹⁵ и Дагестана¹⁶;
- небольшой сосудик с плоским дном. Внешняя поверхность ангобирована. В тесте примесь шамота и дресвы (рис.4,6);
- фрагмент сосуда с невысоким горлом и яйцевидным туловом. Поверхность черная, хорошо залощена (рис.4,7);
- фрагменты двух ангобированных сосудов с широким горлом (рис.4,8,9);
- сосуд с отогнутым венчиком и яйцевидным туловом. Дно плоское. Поверхность сосуда серокоричневого цвета. На тулове ниже венчика расположен ряд сосцевидных налепов (рис.4,II);
- сосуд шаровидной формы с отогнутым венчиком и плоским дном. В верхней части турова - две ручки полушаровидной формы с горизонтальными отверстиями. Поверхность со-

суда светло-коричневого цвета, хорошо залощена (рис.4,I2);

- сосуд биконический с цилиндрическим горлом и плоским дном. На плечиках расположены две вертикальные ручки овальной в сечении. Поверхность сосуда покрыта слоем темно-красного ангоба и залощена (рис.4,I3).

Керамический комплекс постройки I находит многочисленные аналогии в памятниках майкопской (новосвободнинской) и куро-аракской культур.

В культурном слое вокруг постройки I найдены характерные для майкопской культуры предметы: костяные проколки (рис.5,1-4), костяные режущие орудия (рис.5,7,8), каменная бусина (рис.5,5), костяное тесло (рис.5,6), костяное прядло (рис.5,10) и бронзовый нож архаического облика (рис.5,9).

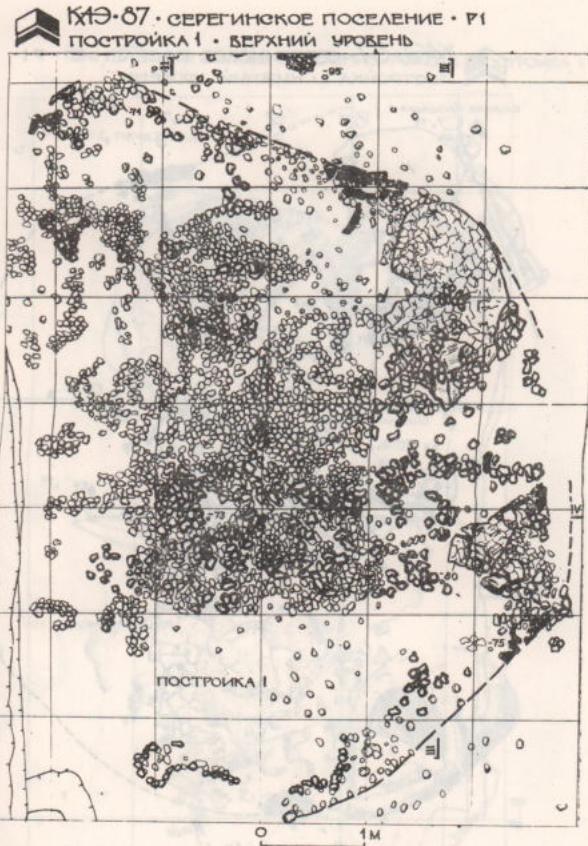
Приведенный материал позволяет сделать следующие предварительные выводы: Серегинское поселение в Закубанье относится к майкопской культуре, но несет в себе некоторые черты куро-аракского энеолита.

Конструкция жилища, очагов и керамический комплекс сближают это поселение с такими памятниками, как Долинское и Луговое поселения. Дальнейшее изучение памятника, возможно, позволит уточнить роль закавказского компонента в сложении майкопской культуры в Закубанье.

Примечания

1. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИИ В за 1984-1987 гг.
2. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИИ В за 1986 г.
3. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979-1983 гг. ГСИА И88. М., 1986, с.38.
4. Днепровский К.А. Обрядовые группы захоронений финальной ранней бронзы Чернышевского-1 курганного могильника. Древний и средневековой Восток. М., Наука, 1988 (в печати).
5. Археология СССР. Энеолит СССР. М., Наука, 1982, с.161.
6. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., Наука, 1975, с.113.
7. Кубтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тб., 1941, с.113, рис.119, т.СХШ.
8. Круглов А.П., Подгаещий Г.В. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА З, 1941, М.-Л., с.170.

9. Абубулаев О.А. Остатки килиш во втором слое Киль-тепе около Нахичевани. МИА 125, М., 1965, с.40-64.
  10. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С.176.
  11. Мунчаев Р.М. Указ.соч., с.345.
  12. Абубулаев О.А. Указ.соч., с.45.
  13. Чубинишвили Т.Н. Амирханис-гора. Тб., 1963.
  14. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА 100. М., 1961, с.39.
  15. Абубулаев О.А. Раскопки храма Киль-тепе близ Нахичевани в 1955г. МИА 67. М.-Л., 1959, с.442, рис.10.
  16. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура... Табл.УШ.

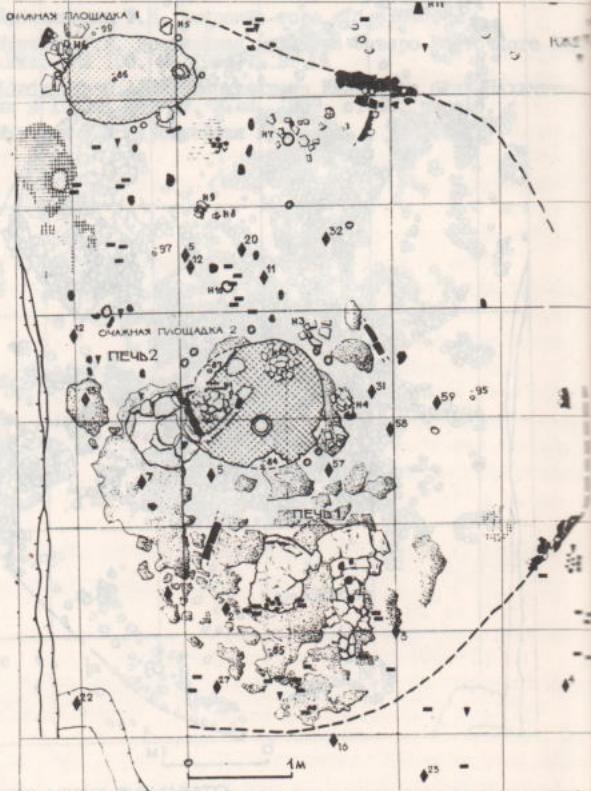

- ОТДЕЛЬНЫЕ КУСКИ ОБМАЗКИ
(В ЗАВАЛЕ)
- ОСТАТКИ ОБМАЗКИ СТЕН

Рисунок 1

КАЭ-87. СЕРЕГИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ • Р1
ПОСТРОЙКА 1 • НИЖНИЙ УРОВЕНЬ

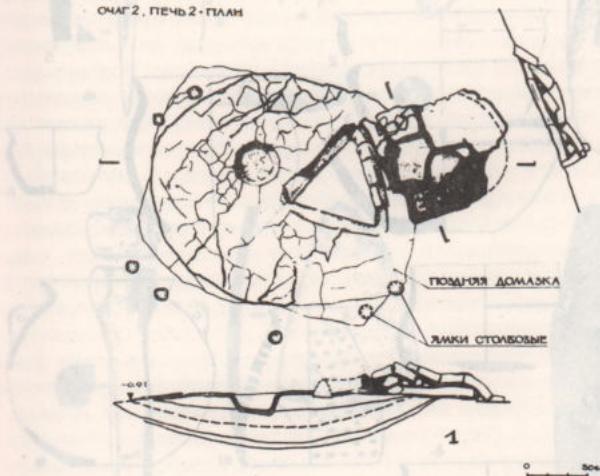
- ГЛИНОБИТНЫЙ ПОЛ
- ОБМАЗКА ОЧАГА
- СТОЛБОВЫЕ ЯМКИ
- РАЗБРЫЛЫ СОСУДОВ
- СИЛЬНЫЙ ПРОКАЛ
- СЛАБЫЙ ПРОКАЛ

- ФРАГМЕНТЫ КЕРАМИКИ
- ◆ КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ
- ОРУДИЯ ИЗ КАМНЯ, ГАЛКИ
- ▼ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ
- УГОЛЬКИ
- *** ЗОЛА

РИСУНОК 2

КАЭ-87. СЕРЕГИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ • РАСКОП 1 • ПОСТРОЙКА 1

ОЧАГ 2, ПЕЧЬ 2 • ПЛАН

РЕКОНСТРУКЦИЯ

10 - ПРОКАЛ
10 - КОСТЬ
— КАМЕНЬ
— БРОКЕЛЯ

РИСУНОК 3

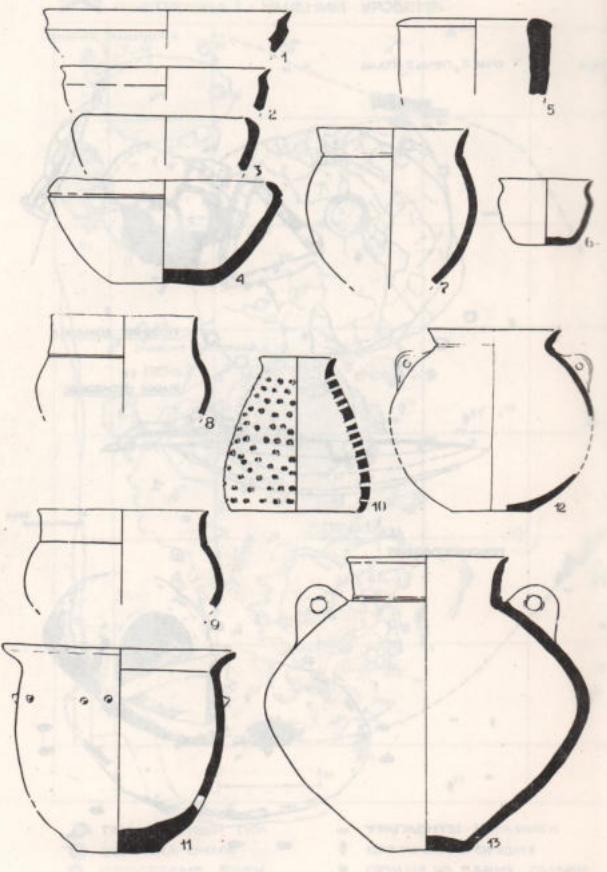
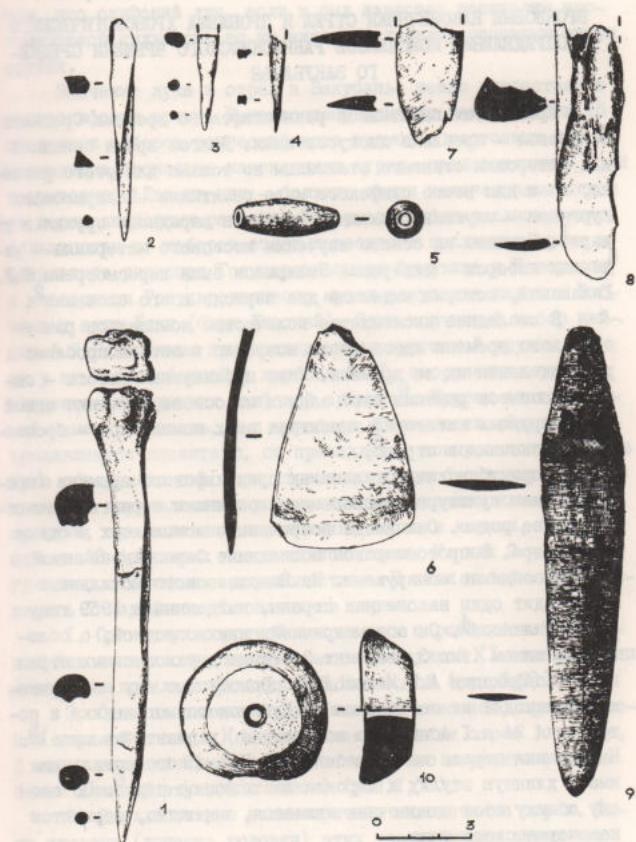

РИСУНОК 4

1-4 - ПРОКОЛКИ , 5 - БУСИНА , 6 - ТЕСЛО , 7-9 - НОЖИ
10 - ПРЯСЛИЦЕ
(1-4, 6-8, 10 - КОСТЬ , 5 - КАМЕНЬ , 9 - БРОНЗА(?))

РИСУНОК 5

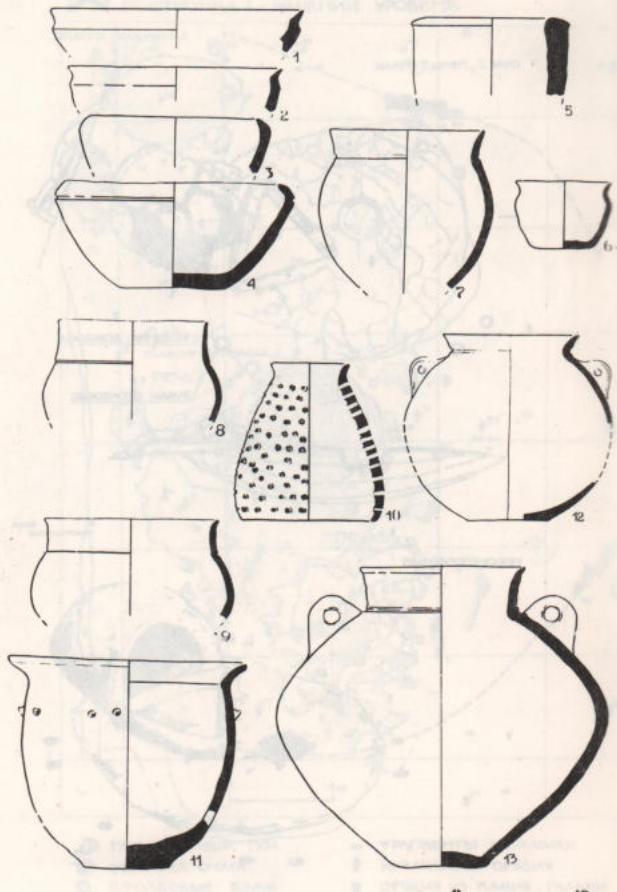
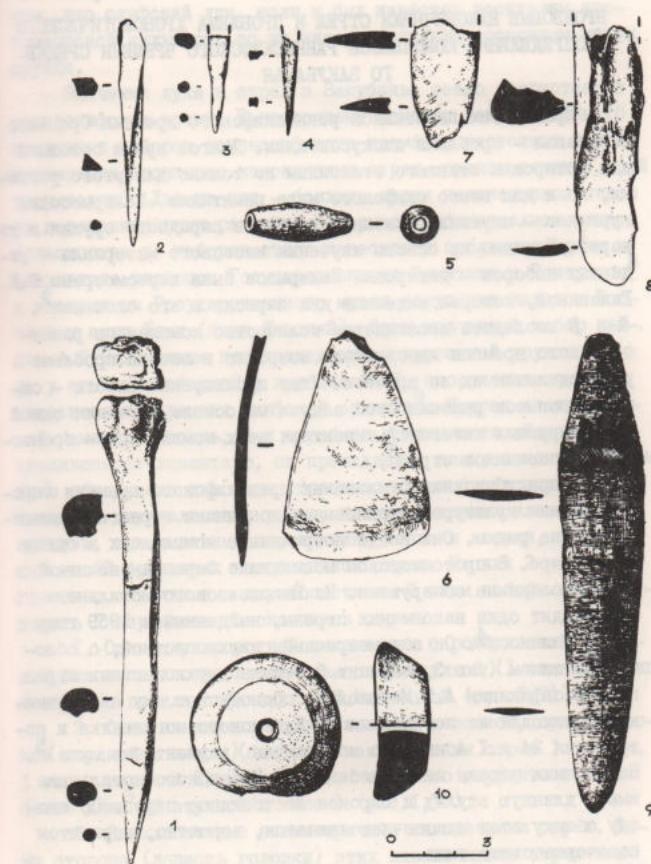

РИСУНОК 4

1-4 - ПРОКОЛКИ , 5 - БУСИНА , 6 - ТЕСЛО , 7-9 - НОЖИ
10 - ПРЯСЛИЦЕ
(1-4, 6-8, 10 - КОСТЬ , 5 - КАМЕНЬ , 9 - БРОНЗА(?))

РИСУНОК 5

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ СРЕДНЕ-
ГО ЗАКУБАНЬЯ

Хронология памятников раннескифского времени Среднего Закубанья – проблема дискуссионная. Долгое время основной для датировки ставшего эталонным не только для этого региона, но и для всего скифского мира памятника –Келермесских курганов – служили роскошные предметы парадного оружия и утвари¹. Недавно на основе изучения массового материала – узденческих наборов – датировка Келермеса была пересмотрена Л.К. Галаниной, которая выделила два периода в его сложении².

В последнее десятилетие количество комплексов раннескифского времени здесь резко возросло и встала проблема распределения их во времени. Ниже публикуемая работа – одна из попыток решения этой задачи на основе изучения одной из датирующих категорий инвентаря этих комплексов – бронзовых наконечников стрел.³

В прикубанских могильниках предскифского времени (протомеотская культура) бронзовые наконечники стрел встречаются крайне редко. Они везде встречены в комплексах в одном экземпляре. В протомеотском могильнике Фарс наконечники стрел вообще не обнаружены. Из Николаевского могильника происходит один наконечник стрель, найденный в 1959 году вне комплексов⁴. Он асимметричный, двухлопастной, с обломанным шипом (тип 3, вариант 3 отеля двухлопастных стрел по классификации А.И.Меликовой). Однотипные ему наконечники происходят из погребения 39 Кубанского могильника и погребения 24 к. I Абинского могильника (вариант без шипа)⁵. Наконечник стрель из погребения 10 Кубанского могильника имеет длинную втулку и широкое листовидное перо⁶. По своему облику этот наконечник является, вероятно, вариантом новочеркасского типа.

Малочисленность находок наконечников стрел в памятниках предскифского времени Кубани, а также то обстоятельство, что встречаются они не в колчанных наборах, а по одно-

му экземпляру в комплексе, свидетельствует скорее всего о том, что скифский лук, если и был известен носителям протомеотской культуры, то уж никак не являлся основным видом оружия.

Значение лука и стрел в Закубанье резко возрастает в раннескифское время. К настоящему моменту нам известны 15 колчанных наборов раннескифского времени, состоящих или включающих бронзовые наконечники стрел, происходящих с этой территории⁷. Два из них – большие серии наконечников стрел из дореволюционных раскопок Келермеса публиковались ранее, большинство же наборов стало известно в последнее время в результате раскопок Государственного Эрмитажа в Келермесе⁸ и экспедиции Государственного музея искусства народов Востока у аула Уляп (бывш. Ульский). Один колчанный набор найден А.Д.Резепкиным при исследовании курганной группы Клады у ст. Новосвободной в кургане № 4I, сооружение которого относится ко времени скифской архаики⁹. Курган этот, имевший каменную насыпь, был ограблен в древности. Судя по сохранившемуся инвентарю, он принадлежал воину с конем. Здесь было обнаружено две пары стреловидных бронзовых удила, железные двухъярусные удила, четыре узденческих клиновидных пронизи, три железных наконечника колпья и колчан, состоящий из 13 бронзовых наконечников стрел. Из них 2 – трехгранные, остальные – двухлопастные. В этом наборе можно выделить 7 вариантов наконечников стрел.

1. Один двухлопастной наконечник с ромбической головкой без шипа и относительно высокой втулкой (I отдел, I тип, 4 вариант по классификации А.И.Меликовой (рис. I, 7):

2. Один наконечник с ромбической головкой, средневысокой втулкой и шипом (близок к наконечникам стрел I отдела, I типа, вариант I) и отличается от этого варианта только более длинной втулкой с шипом) (рис. I, 12).

3. Двухлопастные асимметричные наконечники стрел. Одна сторона (лопасть головки) этих наконечников стрел как у ромбических, другая – более плавная. Без шипа – 3 экз. (рис. I, 12, 3).

4. Такие же двухлопастные наконечники, но с шипом (I отдел, тип I, вариант 2) (рис. I, 9, II).

5. Наконечники стрел с головкой овальной формы, среднедлинной втулкой, с шипом - 3 экз. К этим наконечникам стрел близки наконечники варианта 2, 2-го типа, I отдела (рис. I, 6, 8, 10).

6. Один наконечник стрелы с асимметричной головкой и средневысокой втулкой (рис. I, 13).

7. Два трехгранных наконечника стрел с выступающей средневысокой втулкой, с головкой треугольных очертаний. Головка одного наконечника имеет более вытянутые пропорции, чем другая. Наконечники стрел близки по своему облику наконечникам 3 отдела, 2-го типа, вариант I, 2 (рис. I, 4, 5).

Оценивая в целом комплекс этого кургана, следует отметить, что элементы уздечки и отдельные варианты наконечников стрел находят аналогии с ранними комплексами Келермеса¹⁰, Нар тана¹¹ и Краснознаменскими курганами¹².

Большой интерес представляет находка железных державок двухкольчатых удила новочеркасского времени. Подобные удила были встречены в кургане 20 Нар тана, и одно звено подобных удила Л.К.Галанина предположительно относит к кургану 2 Келермеса, раскопанного Н.И.Веселовским. Однако имеются данные, что железные удила этого типа встречаются и в комплексах VI-V вв. до н.э.¹³.

Наконечники стрел из дореволюционных раскопок Келермеса впервые были изучены П.Рау. Среди 66 наконечников стрел из раскопок Н.И.Веселовского он выделил 8 вариантов (рис. 2, I-8)¹³. А.И.Меликова по своей классификации распределила их и отнесла к отделу двухлопастных - к типу I, варианту 3 - 10 экземпляров, к четвертому варианту этого же типа - 23 экземпляра. К отделу трехлопастных стрел к I варианту I типа она отнесла 16 экземпляров, к I варианту 3 типа - 14 и к шестому варианту этого же типа - 1 экземпляр. К третьему отделу трехгранных стрел А.И.Меликова отнесла встреченные по одному экземпляру наконечники 2 типа, I варианта и 2 типа 4 варианта¹⁴.

С таким распределением этого колчана по типам можно согласиться, за исключением 10 стрел с асимметричной головкой и шипом, которые она включила в тип наконечников с ромбической головкой. Таких стрел, как это видно из набора по Рау (рис. 2, 4), в Келермесе нет. Р.А.Ильинская, де-

лая подборку наконечников стрел с ромбической головкой, этих стрел в келермесских комплексах не находила¹⁵.

С.В.Полин, специально изучивший коллекцию стрел в фондах Эрмитажа, указывал, что ромбических наконечников в Келермесской коллекции нет. Лишь только 2-3 экземпляра можно условно отнести к таковым¹⁶.

Из курганов, раскопанных Д.Г.Шульцем, известен 81 наконечник стрел 9 вариантов (рис. 2, 9-18). Их также распределила А.И.Меликова по своей классификации - ко 2-му типу отдела двухлопастных она отнесла 23 наконечника стрел: 3 экземпляра к первому варианту и 20 - к четвертому.

К отделу трехлопастных стрел в этом наборе относится большинство наконечников стрел. К первому типу этого отдела относится 20 наконечников стрел I варианта и один наконечник 3 варианта (прототип "базисных") (рис. 2, 14). Ко второму типу отдела трехлопастных стрел в этом наборе относится 30 экземпляров I варианта (рис. 2, 9). На наш взгляд, у головок этих наконечников стрел после максимального расширения контура - грани прямые, а не скругленные, поэтому их следует отнести ко второму типу наконечников стрел с овально-ромбической головкой, а не к первому - с овальной, как полагает А.И.Меликова¹⁷.

Небольшое количество экземпляров относится к типу трехлопастных стрел с треугольным контуром головок (тип 3). Два экземпляра относятся к первому варианту этого типа (рис. 2, 15), два экземпляра - ко второму варианту (рис. 2, 16-17) и один экземпляр - к третьему варианту (рис. 2, 18). Лишь один наконечник стрелы относится к отделу трехгранных. Это наконечник первого типа третьего варианта (рис. 2, 13).

Большое количество наконечников стрел происходит из кургана № 24 Келермеса, раскопанного в 1983 году экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Л.К.Галаниной. При конских погребениях там было обнаружено скопление из 47 экземпляров наконечников стрел II вариантов. В насыпи этого кургана было найдено еще одно скопление наконечников стрел, состоящее из II экземпляров¹⁸. Всего курган № 24 Келермеса дал 13 вариантов наконечников стрел.

Отдел двухлопастных наконечников стрел представлен че-

тырыма вариантами. Три варианта – это стрелы с ромбической головкой:

- тип I, вариант 2 – 16 экземпляров (рис.3,7);
- тип I, вариант 4 – 2 экземпляра при конском погребении и 1 экземпляр в скоплении в насыпи (рис.3,5);
- тип I, вариант 5 – 2 экземпляра при конских погребениях и 2 экземпляра в насыпи (рис.3,6).

Тип двухлопастных наконечников стрел с овальной головкой представлен 3 экземплярами – типа I, вариант 2.

Отдел трехлопастных наконечников стрел из этого кургана представлен шестью вариантами.

Два варианта наконечников имеют овально-иволистную головку и высокую втулку. Один вариант с шипом – 2 экземпляра (близок типу I варианта 2 классификации А.И.Мелюковой) (рис.3,13), один экземпляр без шипа – тип I вариант I (рис.3,2).

Три варианта наконечников стрел этого отдела имеют ромбический контур головок. Два из них с длинной втулкой и без шипа, 4 экземпляра – с более узкой головкой и I экземпляр – с более широкой (близки ко второму типу 2 варианта трехлопастных стрел (рис.3,18). Большинство же стрел этого типа относятся к варианту с шипом: 12 экземпляров при погребении коней и 2 экземпляра из насыпи (2-й тип, I вариант) (рис.3,9).

Один вариант наконечников стрел относится к типу трехлопастных с треугольным контуром головки. Он имеет невысокую втулку с шипом и представлен 3 экземплярами из скопления при погребении коней и 3 экземплярами из скопления в насыпи (рис.3,11).

Отдел трехгранных наконечников стрел в этом кургане был представлен тремя вариантами. Два варианта имеют контур головки в виде узкого ромба и шип; три экземпляра наконечников этого варианта с более широкой головкой и один с более узкой (рис.3,4,12). Один вариант наконечников стрел этого отдела имеет треугольно-своеччатую головку и невысокую втулку, на каждой грани располагается по два ложка. Он представлен двумя экземплярами из погребения коней (рис.3,10).

Колчанный набор из погребения 18 Келермесского грунтового могильника представлен 12 экземплярами. Три экземпляра наконечников стрел этого колчана относятся к двухлопастным.

1. Наконечник стрелы с ромбической головкой, средневисокой втулкой и обломанным шипом – I экземпляр (рис.2,20).

2. Однотипный асимметричный наконечник стрелы, но имеющий более высокую втулку (рис.2,19).

3. Асимметричный двухлопастный наконечник стрелы, имеющий одну сторону головки округлую, а другую – тупоугольную без шипа. Этот наконечник близок ко второму варианту 2 типа двухлопастных стрел (рис.2,21).

Отдел трехлопастных стрел в этом наборе представлен двумя экземплярами одновариантных наконечников с остролистовой головкой и довольно высокой втулкой без шипа (сторой вариант типа 2) (рис.2,24).

Трехгранных стрел в этом колчане большинство (7 экземпляров). Они делятся на 4 варианта.

Три экземпляра имеют остролистовую в плане головку, два из них – с короткой втулкой и шипом (рис.2,23); один имеет сравнительно длинную втулку без шипа (тип I, варианты I и 2) (рис.2,22).

Четыре остальные трехгранных наконечники стрел этого набора имеют треугольную головку и средневисокую втулку. 3 экземпляра – с острорезанными нижними окончаниями граней, сопоставимы с вариантом 9 второго типа третьего отдела (рис.2,25).

Один экземпляр можно соотнести с седьмым вариантом этого типа. Нижние окончания его граней представляют тупой угол (рис.2,26).

Колчанный набор из погребения 29 Келермесского грунтового могильника представлен тремя наконечниками стрел: двумя трехлопастными и одним трехгранным. Один трехлопастный наконечник имеет овальную головку, средневисокую втулку и шип (тип I, вариант 2) (рис.3,17). Другой трехлопастный наконечник имеет остролистовой контур (нижние окончания лопастей срезаны под тупым углом) и средневисокую втулку (тип 2, вариант 2) (рис.3,18).

Трехгранный наконечник имеет остролистый контур головки и средневысокую втулку (близок к типу I, варианту 2 третьего отдела) (рис.3,19).

В погребении 23 Келермесского могильника найдено четыре бронзовых наконечника стрел. Два экземпляра - двухлопастные с длинной втулкой с шипом и овальной головкой (отдел I, тип 2, вариант 2) (рис.3,14). Два остальных наконечника стрел - трехгранные. Один с остролистой головкой и шипом (близок к типу I, варианту третьего отдела) (рис.3,15). Второй трехгранный наконечник имеет острорезанные грани у треугольной в плане головки. Он соотносим с вариантом 9 2-го типа третьего отдела (рис.3,16).

Подводя итог классификационному описанию наконечников стрел Келермеса и кургана 4I урочища "Клады", следует отметить, что они все укладываются в первую хронологическую группу, выделенную А.И.Мелюковой, которая датирует ее концом УІ - первой половиной УІІ вв. до н.э.¹⁹.

Несколько меньшее количество наборов бронзовых наконечников стрел происходит из Ульских курганов и Улянского могильника. Из дореволюционных раскопок Ульских курганов наконечники стрел, судя по отчетам Н.И.Веселовского, найдены были только в трех. Из первого Ульского (1898 г.) происходит "небольшая кучка железных наконечников стрел очень тщательной работы с удлиненной втулкой и тонким перехватом"²⁰. Бронзовых наконечников в этом кургане нет.

В первом кургане 1909 г. "в грабительском ходе встретились медные наконечники стрел числом 24". Столько же наконечников, происходящих из этого кургана, числится и по перечневой описи отчета Н.И.Веселовского²¹. Железные наконечники стрел и один бронзовый найдены в четвертом Ульском кургане 1909 г.²². Перечневой описи этого кургана в отчете Н.И.Веселовского нет.

В фондах Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа к первому кургану 1909 г. относятся 14 бронзовых наконечников стрел²³. Этот набор наконечников стрел делится на 6 типов. К отделу двухлопастных относятся наконечники стрел с внутренней втулкой и треугольной головкой - 4 экземпляра (рис.4,1). Эти наконечники близки к I варианту 6-готи-

па двухлопастных стрел. Однако стрелы этого варианта более округлых очертаний и имеют сводчатые головки. А.И.Мелюкова относит этот вариант ко второй хронологической группе наконечников стрел, которые появляются во второй половине УІ века.²⁴

Остальные наконечники стрел этого набора трехлопастные. Шестью экземплярами представлены "базисные" наконечники, их лопасти в нижней части идут параллельно и сужаются в верхней трети (рис.4,2). Эти наконечники стрел близки к вариантам 3 и 8 пятого типа второго отдела, относящимся ею ко второму хронологическому периоду. Однако все эти варианты, как и ряд наконечников из погребений Ольвии второй половины УІ - начала У века, имеют плавно сужающиеся лопасти²⁵. Самые близкие Ульским наконечники стрел были найдены в кургане 4 Нартана и в погребении № 4 кургана 2 Пашковской на правом берегу р.Кубани.²⁶

Остальные четыре варианта наконечников стрел встречаются в единичном экземпляре. Один трехлопастной наконечник стрелы имеет овальную головку, средневысокую втулку с обломанным шипом и относится ко второму варианту первого типа трехлопастных стрел (рис.4,4). По мнению А.И.Мелюковой, они господствуют в комплексах первой хронологической группы и гораздо реже встречаются в курганах второй половины УІ века - первой половине У века до н.э.²⁷. Эти наконечники стрел встречены в некрополе Ольвии в комплексах первой половины УІ в. до н.э.²⁸.

Один наконечник стрелы имеет остролистую головку и средневысокую втулку без шипа (рис.4,5) (тип 2, вариант 2). Наконечники стрел этого типа господствуют в колчанных наборах первой хронологической группы и гораздо реже встречаются в комплексах второй группы. В некрополе Ольвии такие наконечники стрел встречаются в комплексах второй половины УІ - начала У вв. до н.э.

Один наконечник стрелы имеет треугольную головку, невысокую втулку и горизонтально срезанные лопасти (тип 3, вариант 8) (рис.4,6). Он также относится ею ко второй хронологической группе²⁹.

Последний трехлопастной наконечник этого набора имеет низкую втулку, головку в виде вытянутого треугольника

с острорезанными лопастями и две косые черточки на головке (рис.4,3).

Этот наконечник стрелы можно отнести к типу 4 варианта 8 трехлопастных наконечников стрел. По мнению А.И.Мельковой, такие наконечники стрел входят в употребление лишь со второй половины У в. до н.э. Такие наконечники стрел встречены в Акситинцах кургана 2, раскопки Д.Я.Самоквасова. Этот набор С.В.Полин отнес ко второй четверти У века до н.э.³⁰.

В целом в этом колчанном наборе по хронологии А.И.Мельковой с корректировкой С.В.Полина распространение большинства встреченных здесь типов датируется второй половиной УІ – началом У вв. до н.э. Этим временем и следует датировать этот курган.

В Уляпском грунтовом могильнике, раскопанном в 1983г. экспедицией Государственного музея искусства народов Востока³¹ и давшим синхронный материал большинству Ульских курганов, имеется несколько погребений с колчанными наборами и отдельными находками бронзовых наконечников стрел. Бронзовые наконечники стрел здесь, как правило, встречаются вместе с железными.

Наиболее представительный колчанный набор был найден в погребении № 48 кургана 15. Там было обнаружено два колчана с бронзовыми и железными наконечниками стрел. Несколько наконечников были найдены в погребении вне колчанов. Всего в этом погребении имелось более 80 наконечников стрел, из них – 30 бронзовых.

Двухлопастные наконечники стрел в этом наборе представлены одним вариантом с овальной головкой, средневысокой втулкой и шипом (тип 2, вариант 2) (рис. 4,10) – I экземпляр. Большинство стрел этого набора – трехлопастные.

Двумя экземплярами представлены трехлопастные наконечники стрел с остролистной головкой и шипом на втулке (тип 2, вариант I) (рис.4,8,9). Три варианта наконечников стрел имеют треугольные головки с острорезанными лопастями, невысокие втулки. Два варианта близки к I варианту типа 8 – 3 экземпляра. Два из них имеют головку в виде треугольников с узким основанием (рис.4,II,15), один имеет характерные вырезы на лопастях – I экз. (рис.4,18). У

третьего варианта стрел этого типа основание несколько шире – I экз. (рис.4,12).

В наборе также имеются два варианта базисных стрел с треугольным контуром (тип 5, вариант I). Один из этих наконечников имеет не круглую, а трехграниную в сечении скрытую втулку и более узкое основание (рис.4,I3,I6,I7) – 20 экземпляров.

Трехгранные наконечники стрел представлены одним вариантом со срезанными под тупым углом к основанию концами граней и скрытой втулкой (тип 5, вариант 5) (рис.4,I4) – 2 экземпляра.

Железных наконечников стрел в этом погребении встречено более 50 экземпляров, все они имеют длинную высокую втулку и треугольный, со срезанным под прямым углом основанием лопастей или остролистный контур головки.

Для датировки этого комплекса следует отметить, что наконечники стрел первой хронологической группы представлены в незначительном количестве: I экз. – двухлопастной, 2 экз. – трехлопастные, остролистные. Большое количество "базисных" наконечников стрел свидетельствует о том, что это погребение датируется не ранее второй половины УІ в., а, возможно, и началом У в. до н.э. Таких наконечников стрел большинство в погребениях Ольвии, датирующихся этим временем³².

В погребении № 8 кургана 15 Улянского могильника был обнаружен колчанный набор, состоящий из 45 железных и 6 бронзовых наконечников стрел. Среди бронзовых наконечников стрел можно выделить два варианта. В единственном экземпляре здесь встречен трехлопастной бронзовый "базисный" наконечник стрелы с треугольным очертанием головки (тип 5, вариант 6 по классификации) (рис.4,26). Пять бронзовых наконечников стрел – трехлопастные, имеющие треугольные очертания головки и невысокую втулку (рис.4,27). Варианта, представленного здесь пятью экземплярами, в классификации А.И.Мельковой нет. Встречен близкий наконечник стрелы в кургане 400 Журовки, датированный С.В.Полиным второй половиной УІ – началом У вв. до н.э.³³. Рассматриваемый Улянский комплекс также относится к этому времени по найденному здесь чернолаковому аттическому килику³⁴.

В колчанном наборе из погребения № 66 кургана I5 вместе с четырьмя костяными наконечниками стрел найдено I5 бронзовых. Все они трехлопастные с невысокой втулкой и треугольным контуром головки. В этом наборе можно выделить четыре варианта:

1. Со срезанными под тупым углом основаниями лопастей - 3 экземпляра (рис.4,24). Эти наконечники стрел можно соотнести с вариантом 8 типа 3 отдела трехлопастных по классификации А.И.Мелюковой. Она относит этот вариант ко второй хронологической группе. В Ольвийском некрополе он встречен в погребении № 87 1913 года второй половины УI - начала У вв. до н.э.³⁵.

2. Второй вариант трехлопастных наконечников стрел имеет срезанные под прямым углом основания лопастей - 4 экземпляра (рис.4,22). Подобные наконечники стрел встречаются в скифских курганах конца УI - начала У вв. до н.э. в Поднепровье (Днепропрудный)³⁶.

3. Третий вариант наконечников стрел этого колчана имеет треугольную головку и срезанные под прямым углом основания лопастей - 2 экземпляра (рис.5,23). Такой же наконечник (в единственном числе) встречен в погребении № 2 кургана I2 вместе с ионийским светильником второй половины УI в. до н.э. (рис.4,7).

4. Четвертый вариант представлен "базисным" наконечником (тип 5, вариант 6) - 6 экземпляров (рис.5,25).

В целом рассматриваемый колчан поprotoфасосской амфоре, имеющейся в этом комплексе, следует датировать, скорее всего, началом У в. до н.э.

В погребении № 5 кургана I5 обнаружен набор, состоящий из трех экземпляров бронзовых трехлопастных стрел. Один из них аналогичен наконечнику из погребения № 66 этого же кургана и относится к варианту 8 третьего типа (рис. 4,19). Другие два наконечника - "базисные" с треугольной головкой (вариант I, тип 5) (рис.4,20,21). Этот набор также можно датировать второй половиной УI - началом У вв. до н.э. Для того, чтобы сориентировать эти вышеописанные наборы наконечников стрел хронологически, следует учесть следующие обстоятельства:

I. В наборах из к.4I урочища Клады, к.24 Келермеса и погребении I8 имеются двухлопастные наконечники стрел с ромбической головкой жаботинского типа или асимметрично-ромбические, время наибольшего распространения которых относится к пред斯基фской эпохе³⁷. Два-три экземпляра таких же стрел С.В.Полин отметил и в наборе из курганов Н.И.Веселовского. Значительная представительность этих наконечников в комплексах келермесского времени не позволяет ограничить их распространение только предскифским периодом, как он предлагает. Вторая отличительная черта ряда колчанных наборов - количественное преобладание двухлопастных вариантов над трехлопастными.

2. Во вторую позднекелермесскую группу мы отнесли наборы из курганов Д.Г.Шульца, а также погребение 29 и п.23 грунтового могильника. Двухлопастные наконечники в них уже не преобладают и среди них отсутствуют экземпляры жаботинского типа. Здесь уже появляются в единичных экземплярах варианты, господство которых приходится на вторую хронологическую группу скифских стрел (по А.И.Мелюковой). Например, наконечник стрелы со скрытой втулкой в колчане из курганов Д.Г.Шульца и с треугольной головкой и широким основанием из п.29.

3. В третью группу наборов мы отнесли наконечники стрел ульско-ульпского некрополя. В наиболее представительных колчанах этой группы встречаются наконечники келермесских типов (Ульский курган и п.48 кургана I5), но не в значительных количествах. В основном здесь преобладают трехлопастные "базисные" варианты второй половины УI - начала У вв. до н.э. Следует отметить плохое качество этих наконечников стрел в сравнении с предыдущими. Многие стрелы отлиты некачественно, имеют каверны, свидетельствующие, как считает Б.А.Шрамко, об отсутствии выпора в литейной форме - отверстия для отвода газов при заливке³⁸. Деградация технологии литья идет параллельно с вытеснением бронзовых наконечников стрел железными.

Л.К.Галанина, исследуя наборы конской узды из дореволюционных раскопок Келермеса, указывала, что наиболее архаичными в этой группе курганов являются I и II курганы, раскопанные Н.И.Веселовским, которые она сочла синхронными

кургану у х. Красное Знамя под Ставрополем и датировала третьей четвертью УП в. до н.э. Более поздними она считает курганы, раскопанные Д.Г.Шульцем, верхней датой которых, по ее мнению, является конец УП - начало УІ вв. до н.э.³⁹. Такому хронологическому распределению не противоречат и наборы стрел, происходящие из этих курганов. Однако 24 курган, который по узедческим наборам должен занимать промежуточное положение между курганами Д.Г.Шульца и Н.И.Веселовского, так как он включает элементы тех и других⁴⁰, но наконечники стрел оказываются древнее.

В первом Ульском кургане 1908 г. были найдены три палы удил с редко встречающимся орнаментом в виде квадратов с косыми крестами внутри⁴¹. Такой же орнамент имелся и на удилах из курганов Д.Г.Шульца⁴². Такая аналогия дает возможность предполагать, что начало сложения Ульской группы относится ко второму хронологическому этапу, то есть ко времени курганов Д.Г.Шульца. К этому же времени, возможно, относится и I Размений курган, близость узды из которого к наборам из курганов Д.Г.Шульца отмечала Л.К. Галанина⁴³.

Сложнее обстоит дело с хронологической привязкой кургана, раскопанного в 1910 г. на подворье одного черкеса в самом Ульском ауле и не входящего собственно в Ульскую группу. В связи с этим А.А.Иессен считал его наиболее ранним⁴⁴.

Что касается привязки к абсолютной хронологии, то в целом, принимая нижнюю дату келермесских курганов - третью четверть УП века (по аналогии с краснознаменскими курганами) Л.К.Галаниной⁴⁵, мы не можем их ограничивать рамками УІ или самым началом УІ вв. до н.э. В противном случае получается лакуна в 50 лет, приходящаяся на первую половину УІ века. Такой большой перерыв был бы маловероятен в сложении Ульской группы, наиболее ранний комплекс которой одновременен курганам Д.Г.Шульца, а большинство же насыпей было сооружено во второй половине УІ - начале У вв. до н.э. Скорее всего, период, в который входят курганы Шульца и I Ульский курган 1908 года, следует распространить и на первую половину УІ в. до н.э.

Захоронения в Уляпском грунтовом могильнике, вероят-

но, начинаются одновременно с сооружением Ульских курганов. В погребении № 51 кургана 15 был найден родосско-ионийский килик с орнаментом в виде вертикальных палочек⁴⁶. П. Александровски ограничивает время бытования подобных киликов концом УП - началом УІ вв. до н.э.⁴⁷. Учитывая даже всю удаленность места находки этого килика от места его производства, мы не можем исключать вероятность отнесения нижней даты раскопанного не целиком уляпского могильника к первой половине УІ в. до н.э.

В заключение следует отметить, что распространение такой категории вооружения, как бронзовые наконечники стрел, в Закубанье идет несколько отлично, чем в степных районах Причерноморья. Для протомеотских памятников этот вид вооружения не характерен, и наконечники стрел встречаются редко. В Келермесское время роль лука и стрел резко возрастает, и они встречаются как в курганах знати, так и в погребениях рядовых воинов. В это время в Закубанье, вероятно, возникло и свое собственное производство наконечников стрел, о чем говорит находка на берегу Краснодарского водохранилища бронзовой отливки стрелы с несточенным литником (рис. I, 16). Это трехлопастной наконечник с овальным контуром головки⁴⁸.

Но уже начиная со второй половины УІ века наблюдается упадок производства бронзовых наконечников стрел и вытеснение их железными.

Железные наконечники впервые появляются в Закубанье, насколько мы можем судить по Уляпским комплексам, во второй половине УІ в. до н.э. и сразу начинают преобладать в колчанных наборах. Так, например, в одном из самых ранних Уляпских колчанов, в погребении № 48 кургана 15 уже встречено около двух третей железных наконечников стрел. Это - трехлопастные наконечники с высокой втулкой. Начиная с У в. до н.э., в Закубанье происходит почти полная замена бронзовых наконечников стрел железными, в то время как собственно в Скифии железные наконечники в это время достаточно редки⁴⁹.

В IV-III вв. до н.э. бронзовые наконечники в колчанные наборы входят редко и, как правило, по одному экземпляру⁵⁰.

Исключением из этого правила является комплекс кургана 2 у аула Уляп. В этом кургане, гаджин датированном амфорной тарой IV века до н.э., было встречено 7 бронзовых наконечников стрел.⁵¹

Примечания

- I. Пиотровский Б.Б. Венское царство. М., 1959, с.248-249.
- Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса. - СА, 1954, № 21, с.281.
- Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Скифия в III-II вв. до н.э. Киев, 1983, с.57.
- Л.К.Галанина. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). АСГЭ, 1983, № 21, с.52-53.
- В работе мы используем типологию наконечников стрел, предложенную А.И.Мелюковой. (Вооружение скіфов. - САИ, вып.ДІ-4, № 1964, с.17), которая за небольшим исключением вполне применима к наконечникам стрел из Зекуанья.
- Анфимов Н.В. Работа Адыгейской археологической экспедиции в 1959-1960 гг. Архив ИА, Р-І, № 2796.
- Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры "Скифский мир". Киев, 1975, с.41, рис.2,3.
- Анфимов И.Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска. Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981, с.57, рис.8.
- Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры. Киев, 1975, с.41, рис.22.
- В настоящей работе использовано 13 наборов наконечников стрел раннескифского времени. Три колчанных набора, хранящиеся в Адыгейском областном музее (два беспаспортных и один из кургана у х.Лунтук) не привлекались ввиду сомнительности их состава. Однако все наконечники стрел, входящие в эти наборы, могут быть встречены в колчанах УГ В. до н.э.
- Выражаю благодарность Л.К.Галаниной, ознакомившей меня с материалами раскопок в Келермессе до выхода их из печати.
- Выражаю признательность А.Д.Резепкину за возможность использовать материалы раскопок этого кургана. Архив ИА, Р-І.
- Л.К.Галанина. Раннескифские уздечные наборы, с.48, табл.9.
- Батчев В.М. Древности пред斯基фского и скифского периодов. - Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985, табл.48,51.
- Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе. АСГЭ, № 23, с.47, рис.21.
- Л.К.Галанина. Раннескифские уздечные наборы..., с.35.
- Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада. Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. - Тезисы докладов. Омск, 1987, с.163.
- Rau P. Die gräber der Früher Eisenzeit im Unteren Wolgagebeit. Verlag: Volks-kommisariat für Bildungsgewesen der Wolga Republik.-Pokrowsk, 1929, S.89, Taf.1.
- Мелюкова А.И. Вооружение скіфов, с.17, табл.І.
- Ильинская В.А. Бронзовые наконечники так называемого жаботинского и новочеркасского типов. Археология, 1973, № 12, с.13-27.
- С.В.Полин. Хронология раннескифских памятников. Археология, № 59. Киев, 1987, с.21.
- Мелюкова А.И. Указ.соч., табл.І, с.17.
- Галанина Л.К. Отчет Келермесской экспедиции ГЭ за 1983г. Архив ИА АН СССР, Р-І, № 10405.
- Мелюкова А.И. Указ.соч., с.16-19.
- ОАК, 1898, с.20.
- ОАК, 1909-1910, с.148. Архив ЛОМА, Ф-І, № 1909/41.
- ОАК, 1909-1910, с.152.
- ГЭ КУ, 1909-І/45-51.
- Мелюкова А.И. Указ.соч., с.21.
- Полин С.В. Хронология раннескифских памятников..., с.30, рис. 9,5-6,20,21.
- Батчев В.М. Указ.соч., табл.І6, рис.7. См.статью В.Л.Лапушкина в данном сборнике.
- Мелюкова А.И. Указ.соч., с.21.
- Полин С.В. Указ.соч., с.29, рис.8,13,21.
- Мелюкова А.И. Указ.соч., с.21.
- Полин С.В. Указ.соч., с.31, рис.ІІ,І6-І7.
- Начальник экспедиции А.М.Лесков. Могильник был впущен в курганы эпохи бронзы.
- Полин С.В. Указ.соч., с.30, рис.9.
- Там же, с.30, рис.10.
- Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985, № 161, с.75, рис.24 Sparkes B., Talkott L. Black and plain pottery. Plate 19, n 406-410; p.91. Princeton, New-Jersey. 1970.
- Полин С.В. Указ.соч., с.30, рис.9,18.
- Полин С.В. Указ.соч., с.30, рис.10,15,16.
- Там же, с.21.

38. Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения. Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с.34-36.
 39. Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы, с.53.
 40. См. Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Отчет Келермесской экспедиции ГЭ за 1983г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 10405, с.27,34.
 41. ГЭ, ОИПК КУ, 1908 I/26, 27.
 42. Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы, с.36, табл.3,13.
 43. Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы, с.53.
 44. Иессен А.А. К вопросу о памятниках УП-УП вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. СА,ХШ. М.,1953,с.101.
 45. Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы, с.53.
 46. Сокровища курганов Адыгеи, № 157, с.19, рис.IV.
 47. Александреску Р. La céramique d'époque archaïque et classique. Bucuresti , 1978, № 214, p.59.
 48. Сборы Вочепетийского отряда ГМИНВ в 1985г. (начальник Л.М.Носкова).
 49. Меликова А.И. Указ.соч. , с.30.
 50. Хранящийся в Отделе истории первобытной культуры Эрмитажа богатый колчан бронзовых стрел (более 20) яко-бы из неизвестного кургана у Ульского аула 1909 г. (КУ 1909 - 66), состоящий из наконечников стрел четвертой хронологической группы (по А.И.Меликовой), вероятно попал в эту коллекцию случайно, так как он не значится ни в Отчете, ни в комплексах перечисленных описей Н.И.Веселовского, а в Ульской группе не встречено вещей позднее У в. до н.э.
 51. Материалы раскопок КАЗ ГМИНВ.

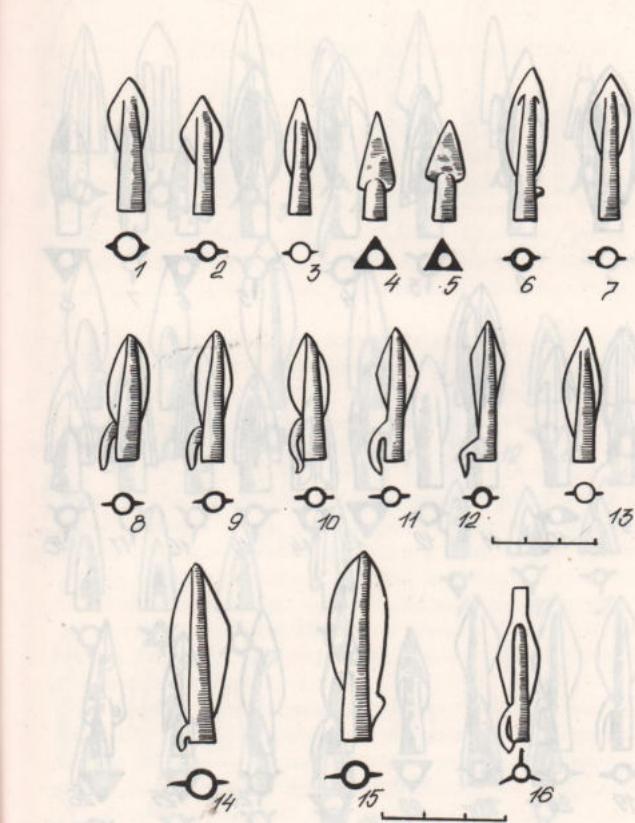

Рис. I.
 1-13 - "Клады", к.41; 14 - Кубанский м-к, п.39;
 15 - Николаевский м-к, нах.1959 г. вне комплексов;
 16 - Чишко, случайная находка.

36. План Р.А. На котром отмечено расположение бронзовых скоб в деревце. Изд. 1904, с.34-35.

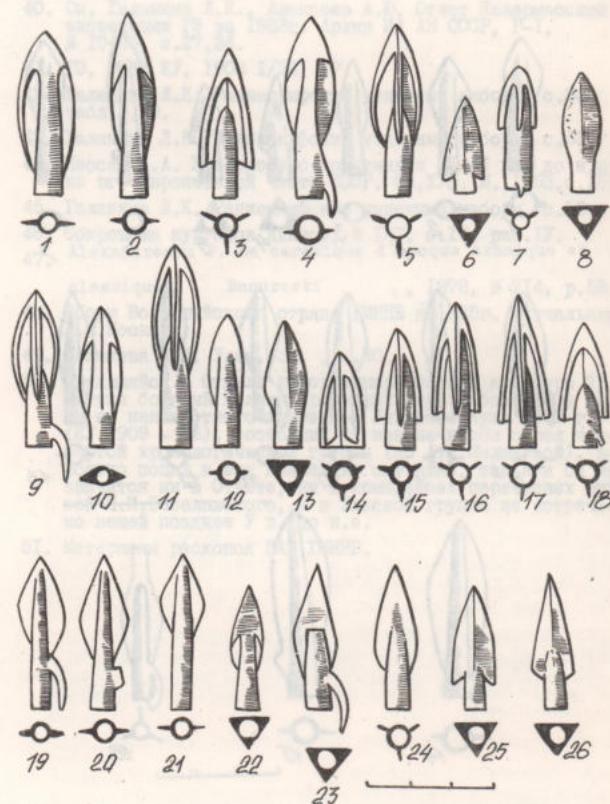

Рис.2 Келермес.
1-8 - кургамы I,2 раск.-Н.И.Веселовского; 9-18 -
кургамы I,4 раск. Шульца /по П.Рау/; 19-26 -
погребение 18 Калермесского грунтового могильника.

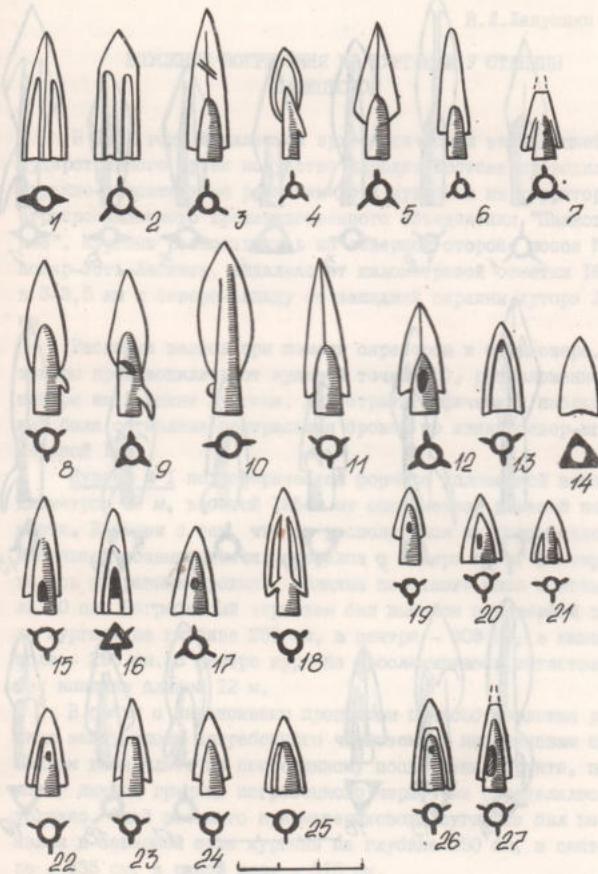

Рис.4
1-6 - Ульский кургам I 1909 г.;
7-11 - Уляп, к.12, п.2; 8-18 - Уляп, к.15, п.48;
19-21 - Уляп, к.15, п.5; 22-25 - Уляп, к.15,
п.66; 26,27 - Уляп, к.15, п.8.

В.Л.Лапушкин

ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАНОВ У СТАНЦИИ
ПАШКОВСКОЙ

В 1981 году Кавказской археологической экспедицией Государственного музея искусства народов Востока проводились охранные спасательные раскопки двух курганов на территории агропромышленного производственного объединения "Пашковское". Курганы располагались на северной стороне шоссе Краснодар-Усть-Лабинск, недалеко от километровой отметки 162 км, в 3-3,5 км к северо-западу от западной окраины хутора Ленино.

Раскопки велись при помощи скреперов и бульдозера. Все замеры производились от нулевой точки (0), расположенной в центре на вершине кургана. Для стратиграфических наблюдений была оставлена центральная бровка по линии север-юг шириной 1 м.

Курган № I полусферической формы с уплощенной вершиной, диаметром 32 м, высотой 125 см от современной дневной поверхности. В связи с тем, что он располагался на южном склоне небольшой возвышенности, все слои с севера на юг фиксировались на разных уровнях. Толщина пахотного слоя составляла 30 см. Погребенный чернозем был выявлен в северной поле кургана на глубине 230 см, в центре - 305 см, в южной поле - 290 см. В центре кургана прослеживалась естественная впадина длиной 12 м.

В связи с интенсивным процессом почвообразования разница между слоем погребенного чернозема и материковым суглинком выявлена по постепенному посветлению грунта, поэтому нижняя граница погребенного чернозема определялась условно. Слой светлого предматерикового суглинка был выявлен в северной поле кургана на глубине 250 см, в центре - 335 см, в южной поле - 315 см.

В профиле были проанализированы три насыпи. Первая, наиболее древняя, была сооружена над естественной впадиной: ее диаметр - 16,25 м, высота от уровня погребенного чернозема в центре достигала 2 м. Вторая насыпь была выявлена по

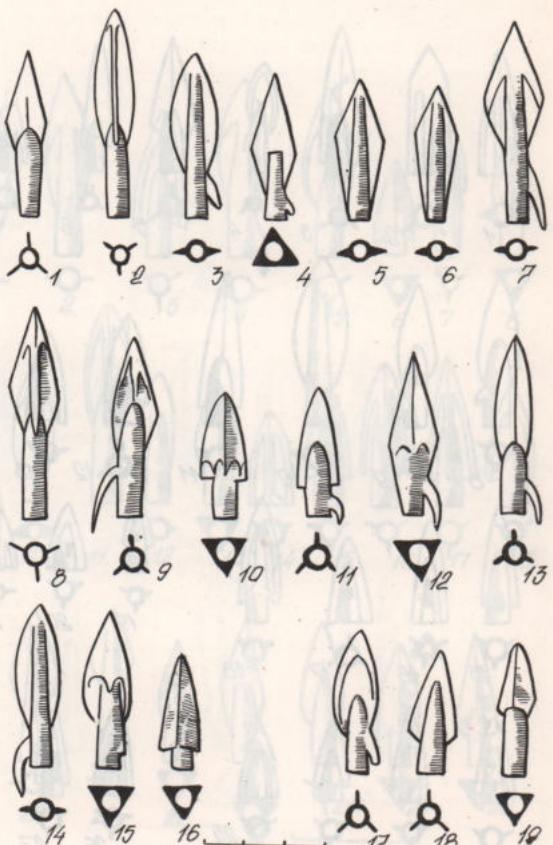

Рис.3 Келермес.
I-13 курган 24; 14-16 - Келермесский могильник
п.23; 17-19 - п.29.

досыпке грунтом с красноватыми железистыми включениями. Толщина этого слоя от 70 до 120 см в северной поле кургана, где он лежал непосредственно на поверхности первой насыпи. В южной поле слой с железистыми включениями толщиной от 60 до 100 см лежал на слое более светлого грунта толщиной 40–65 см, который был насыпан непосредственно на поверхность первого кургана. Диаметр второй насыпи составлял 25–26 м, высота от уровня погребенного черновесма в северной поле – 180 см, в центре – 250 см, в южной поле – 240 см.

В кургане было открыто 17 разновременных погребений: 9 относятся к эпохе бронзы (ямной, катакомбной и срубной культурам), одно поздне-средневековое и 7 погребений меото-сарматского времени.

Погребения меото-сарматского времени были впущены во вторую насыпь и затем была произведена последняя досыпка курганной насыпи. Глубина этих погребений варьирует от 75 до 133 см. Могильные ямы в темном грунте не выявляются, скелеты очень плохой сохранности, часто от костей остается одна тлен.

Находки в насыпи кургана

1. В западной половине кургана в 2,5 м к югу и в 8,5 м к западу от 0 точки, на глубине 132 см был обнаружен сероглиняный гончарный одноручный кувшин с реповидным туловом, высоким горлом, небольшим отклоненным венчиком и плоским дном. Часть горла утрачена. Венчик отделен от горла треугольным в сечении гладким валиком. Ручка трехствольная, верхний ее конец украшен двурогим налепом в сочетании с четырьмя лепешковидными налепами: по две сверху и снизу; от нижнего конца ручки по обе стороны опускаются два дугообразных налепа. Высота кувшина – 28 см, диаметр тулов – 22 см, диаметр дна – 9,1 см (рис. I, 1).

2. В бровке в 3,7 м к югу от 0 точки на глубине 75 см был найден красноглиняный гончарный одноручный кувшин с выпуклым, близким к биконическому туловом, коническим горлом, округлым в сечении, резко отогнутым венчиком и плоским дном на низком кольцевом поддоне. Ручка вертикальная, овальная в сечении. Верхний ее конец прикреплен под кра-

ем, нижний – к верхней части туловы. Высота кувшина – 21,7 см, диаметр туловы – 15 см, диаметр горла – 8 см, диаметр дна – 8,5 см (рис. I, 2).

3. В западной половине кургана в 3,9 м к северу и в 3,7 м к западу от 0 точки на глубине 85 см было обнаружено донце лепного сероглиняного сосуда (горшка?) диаметром 7,5 см.

Впускные погребения

Погребение № 1 находилось в западной поле кургана на глубине 102 см, в 2,6 м к северу и в 5 м к западу от 0 точки. Могильная яма не выявлена. Сохранность скелета очень плохая. Обнаружен почти полностью истлевший череп человека, ориентированный на юг (?), и обломки бронзового предмета (веркало?).

Погребение № 2 находилось в восточной половине кургана на глубине 109 см, в 0,6 м к северу и в 2,7 м к востоку от 0 точки. Контуры могильной ямы не прослеживаются. Скелет погребенного истлев до такой степени, что установить его положение и ориентировку невозможно. Погребенного сопровождали сероглиняная миска (1), в которой находились кости животного, и железный нож (2), и красноглиняный кувшин (3).

1. Сероглиняная гончарная миска с плоским дном, коническими стенками, переходящими в верхней части в невысокий вертикальный бортик, который завершается широким плоским венчиком, слегка загнутым внутрь и снабженным тремя полукруглыми ручками-упорами. Миска фрагментирована. Ее диаметр – 31 см, высота – 7,5 см (рис. 2; 4).

2. Нож железный однолезвийный со слабо изогнутым лезвием. Сохранность плохая: фрагментирован, сильно проржавел. Длина – 9 см, ширина лезвия – 1–1,5 см.

3. Кувшин гончарный красноглиняный, дно плоское, на низком кольцевом поддоне, тулов округлое, плечики покатые, горло высокое, цилиндрическое, венчик уплощенный, отогнут наружу. Кувшин снабжен широкой ленточной рифленой ручкой, нижний ее конец прикреплен к венчику сосуда, верхний – под краем. Высота кувшина – 23 см, диаметр туловы – 17 см, диаметр горла – 11,5 см, диаметр дна – 11 см (рис. 2: 3).

Погребение № 3 находилось в центральной части насыпи на глубине 88 см, в 1,9 м к югу и в 1,5 м к западу от О точки. Контуры могильной ямы не прослеживались. От скелета частично сохранились только кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал головой на запад. В ногах располагался сопровождающий инвентарь: красноглиняный одноручный кувшин (1), сероглиняная тарелочка (2), красноглиняная миска (3), в которой находились кости животного и железный нож (4).

1. Красноглиняный гончарный одноручный кувшин с плоским дном, выпуклым туловом, плавно переходящим в невысокое цилиндрическое горло, венчик округлый, слегка отогнут наружу. Кувшин снабжен небольшой горизонтально расположенной, слегка приподнятой вверх ручкой, округлой в сечении. Высота кувшина - 12,2 см, диаметр тулов - 14 см, диаметр горла - 10 см, диаметр дна - 6,5 см (рис. I; 3).

2. Сероглиняная гончарная тарелочка с небольшим плоским дном, коническими стенками, переходящими в вертикальный бортик, завершающийся широким плоским, отогнутым почти под прямым углом краем. Тарелочка сильно деформирована, возможно, при обжиге. Поверхность гладкая, со следами лощения. Высота сосуда - 2 см, диаметр по краю - 12-12,5 см, диаметр дна - 5 см (рис. I; 4).

3. Миска красноглиняная гончарная с небольшим плоским дном на низком кольцевом поддоне, стени конические, край загнут внутрь, венчик округлый, подчеркнут углубленной линией снаружи. Поверхность хорошо заглажена. Высота сосуда - 8 см, диаметр по краю - 24,5 см, диаметр дна - 9 см (рис. I; 5).

4. Нож железный однолезвийный, черешок плоский, плавно переходит в дуговидное, слабо изогнутое лезвие. Нож фрагментирован, острие и верхняя часть черешка утрачены. Длина сохранившейся части - 9 см, ширина лезвия - 0,8-1,5 см.

Погребение № 4 находилось в восточной половине кургана на глубине 100 см, в 3,6 м к югу и в 7 м к востоку от О точки. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет полностью истлел, сохранились лишь остатки черепа, ориентированного на юг (?). В 80 см к юго-западу от черепа была найдена фрагментированная красноглиняная гончарная од-

поручная кружка с плоским дном, выпуклым туловом, слегка выделенным горлом и ровно срезанным краем со сливом. Кружка снабжена петельчатой, округлой в сечении ручкой. Поверхность хорошо заглажена. Высота сосуда - 11 см, диаметр тулов - 12,5 см, диаметр горла - 10-10,5 см, диаметр дна - 7 см (рис. 2; 2).

Погребение № 5 находилось в западной половине кургана на глубине 88 см, в 0,5 м к югу и в 3,5 м к западу от О точки. Контуры могильной ямы не прослеживались. От скелета сохранились лишь остатки черепа. В 40 см к северу от него были найдены остатки железного предмета, фрагменты бронзового, округлого в сечении (толщиной 0,2 см) браслета и гематитовая овальная бусина (диаметр № 1,5 см) очень плохой сохранности.

Погребение № 6 находилось в западной половине кургана на глубине 133 см, в 4,5 м к северу и в 1,65 м к западу от О точки. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребение разрушено, выявлены только кости ног. Судя по сохранившимся остаткам скелета, погребенный лежал в вытянутом положении головой на юго-запад-запад. У ног найдена красноглиняная миска с костями животных (1), а по обе стороны от нее лежали красноглиняный одноручный кувшин (2) и два фрагментированных железных ножа (3, 4).

1. Красноглиняная гончарная миска с плоским дном на низком кольцевом поддоне, стени конические, край загнут внутрь. Высота сосуда - 10,4 см, диаметр по краю - 26 см, диаметр дна - 9,5 см.

2. Красноглиняный гончарный одноручный кувшин с плоским небольшим дном, выпуклым туловом, переходящим в невысокое цилиндрическое горло, с округлым, слегка отогнутым краем. Кувшин снабжен горизонтально расположенной, слегка приподнятой вверх, округлой в сечении ручкой. Поверхность хорошо заглажена. Высота кувшина - 14 см, диаметр тулов - 15 см, диаметр горла - 11 см, диаметр дна - 5,5 см (рис. 2; 1).

3. Нож железный. Сохранилась часть лезвия с прямой спинкой и округлым носком. Длина сохранившейся части - 8 см, ширина лезвия - 1-2 см.

4. Нож железный. Сохранился лишь черешок. Длина его - 5 см, ширина - 2 см.

Погребение № 8 находилось в западной части кургана на глубине 122 см, в 0,5 м к северу и в 3,1 м к западу от 0 точки. Контуры могильной ямы не прослеживались. Обнаружены остатки человеческого черепа и невыразительные фрагменты бронзового зеркала.

Из семи погребений только в трех случаях (погребения № 1, 3, 4) можно было выявить ориентировку скелета. В одном случае покойник был положен головой на запад (погребение № 3), в двух (погребения № 1, 4) - на юг (?) или на юго-восток. Судя по наиболее сохранившемуся погребению (№ 3) и по расположению инвентаря, можно предположить, что большинство погребенных лежали в вытянутом положении на спине.

Набор инвентаря описанных погребений беден. Представлены керамика, украшения (бусы, зеркала), ножи. Керамический комплекс обладает сходными чертами: красноглиняные гончарные кувшины и миски изготовлены из плотного, хорошо отмученного теста без видимых примесей⁶ или с примесью мелко истолченного шамота. Сероглиняная гончарная керамика (миска и тарелочка) обнаружена только в двух погребениях (№ 2, 3) и в одном случае в насыпи кургана найден сероглиняный гончарный кувшин (находка № 1). Для них характерно плотное, хорошо отмученное тесто с примесью мелко истолченного шамота и иногда слизи.

Для датировки этих погребений большое значение имеют два красноглиняных гончарных кувшина с горизонтально расположенными ручками (погребения № 2, 5; рис. I, 3; 2, I). Целая серия подобных сосудов происходит из грунтовых и курганских могильников Прикубанья. Это, во-первых, сероглиняные кувшины из Усть-Лабинского могильника, относящиеся к III-I вв. до н.э.¹. Для них характерно округлое тулово, низкое горло, иногда не выделенное, отогнутое наружу венчик, а в некоторых случаях венчик практически отсутствует, и широкое устье. Как отмечает Н.В.Анфимов, в Усть-Лабинском могильнике было обнаружено только три таких сосуда, имевших плоское дно.²

Красноглиняный сосуд с горизонтальной ручкой происходит из погребения № 34 могильника у селения Тарки в Дагестане,

которое К.Ф.Смирнов датировал I в. до н.э. - I в. н.э.³

Очень близок нашим кувшинам красноглиняный сосуд с горизонтально расположенной ручкой и плоским дном, открытый во впускном погребении в одном из курганов у станицы Ново-Титаровская Линского района Краснодарского края⁴. В.И.Ковенкова на основании аналогий с кувшинами из Усть-Лабинского могильника и могильника у селения Тарки отнесла погребение у Ново-Титаровской ко II-I вв. до н.э.⁵.

Несколько красноглиняных и сероглиняных кувшинов с горизонтальными ручками были открыты во впускных погребениях в степных курганах, исследованных И.И.Марченко у станицы Калининской⁶, и А.А.Некаевым у хутора Верхнего в Кореновском районе⁷, а также в грунтовом могильнике у хутора Ленино, раскопанном Н.и.Лимберис и И.И.Марченко⁸.

Все четыре погребения из курганов у станицы Калининской, которые сопровождались кувшинами с горизонтальными ручками, относятся, как и основная масса впускных захоронений, ко II-I вв. до н.э.⁹. При этом следует отметить, что одно из погребений (курган № 2, погребение № 10) датируется концом II - началом I в. до н.э. по аналогии с подобными сосудами из Усть-Лабинского могильника¹⁰ и с сосудом из погребения № 4 кургана № 2 у станицы Ново-Титаровской¹¹, а остальные (курган № 5, погребение № 3; курган № 12, погребение № 1; курган № 16, погребение № 1) отнесены ко второй половине II в. до н.э. - первой половине I в. до н.э. на основании сравнения с уже продатированным кувшином с горизонтальной ручкой из погребения № 10 кургана № 2¹².

В то же самое время известны находки подобных кувшинов с хорошо датирующими вещами.

Так, например, такой же красноглиняный кувшин был найден в погребении № 7 раскопа VI грунтового могильника городища № 3 у хутора Ленино в сопровождении большого количества инвентаря¹³. Кроме прочего, в этом погребении обнаружены: 3 пары железных удил с крестовидными насечками (II в. до н.э.); бронзовое круглое зеркало с валиком по краю, орнаментированное овами и снабженное конической ручкой (III-II вв. до н.э.)¹⁴; стеклянный кубок, аналогичный кубкам из Зубовского и Воздвиженского курганов (II-I вв. до

н.э.)¹⁶ и др. Самой важной находкой в этом погребении является клейменая родосская амфора, которая, датируется серединой II в. до н.э.¹⁷. К этому же времени относится и красноглиняный кувшин с горизонтальной ручкой.

Во впускных курганных погребениях у хутора Верхнего Кореновского района (раскопки А.А.Некаева) было найдено два кувшина с горизонтальными ручками в сочетании с круглыми зеркалами с валиком по краю и с короткой конической ручкой¹⁸. Эти зеркала относятся к IУ типу по классификации А.М.Хазанова и датируются: одно - IУ-II вв. до н.э. (курган № 3, погребение № 2), второе - I в. до н.э. - I в. н.э. (курган № 7, погребение № 5).¹⁹

Интересно, что такой же красноглиняный сосуд с горизонтальной ручкой сопровождал впускное погребение сарматского времени, раскопанное Д.Я.Телегиным у г.Запорожья в 1969 г.²⁰.

Таким образом, судя по находкам кувшинов с горизонтальными ручками в датированных комплексах, время их бытования в Прикубанье относится к III в. до н.э. - I в. н.э., а большинство находок падает на середину II-I вв. до н.э. При этом следует отметить, что есть памятники, в которых подобные сосуды встречаются и раньше. Так, красноглиняный сосуд с горизонтальной ручкой был обнаружен во впускном погребении № 4 IO-го Ульского кургана (IУ в. до н.э.)²¹ и в скоплении № 8 II Ульского кургана (IУ в. до н.э.).²² Эти находки свидетельствуют о довольно раннем бытования этого типа посуды у местных племен (не позднее IУ в. до н.э.). Вопрос о происхождении этих кувшинов еще не разрешен. К.Ф.Смирнов высказал предположение о их связи с керамикой ялойтепинской культуры²³. Наибольшее число находок этой керамики происходит из впускных погребений в курганах степной части Прикубанья, относимых исследователями к сарматской культуре, с которой и связывают их появление здесь.²⁴

К этому же горизонту относятся два гончарных одноручных красноглиняный кувшины: один обнаружен в погребении № 2 (рис.2,3), второй найден в насыпи кургана (рис.1,2). Подобные кувшины встречаются в погребениях II-I вв. до

н.э. в курганах у станицы Калининской²⁵, известны они и в некрополе Танаиса.²⁶

Красноглиняные гончарные миски, аналогичные миске из погребения № 3, также найдены в курганах у станицы Калининской²⁷, им близки миски (но сероглиняные) из погребений III хронологической группы Усть-Лабинского могильника²⁸.

Сероглиняная гончарная миска с тремя полукруглыми ручками-упорами (погребение № 2, рис.2,4), аналогичная миске из погребения № 9 кургана № I у станицы Калининской²⁹. Подобные миски, но снабженные колышевым поддоном, проходят из Усть-Лабинского могильника³⁰. Эта миска, так же, как и небольшая сероглиняная гончарная тарелочка с горизонтально отогнутым краем, характерна для меотской посуды. Такая же тарелочка, почти копия нашей, открыта в погребении № 49 Ново-Вочешийского грунтового могильника, датированного II-I вв. до н.э.³¹.

Сероглиняный кувшин со стилизованной зооморфной ручкой был найден в насыпи кургана (рис.1,1). Он относится к группе керамики с очень сильно стилизованными ручками. Двурогим налепом показаны уши животного, лепешковидными налепами - глаза, в данном случае они показаны удвоенно (четырьмя налепами), а у основания ручки - двумя дуговидными налепами показаны ноги животного. Такое оформление ручек характерно для сарматской керамики Северного Кавказа и Поволжья.³²

Как отмечает К.Ф.Смирнов, подобные зооморфные изображения продолжают бытовать и в раннем средневековье на Северном Кавказе.³³

Близкий по пропорциям и орнаментации ручки сосуд, но меньших размеров, был найден в погребении № 28 Чернышевского кургана № 5 в 1985 г., относящемся к I-ым вв. н.э.³⁴.

Кроме того, в двух погребениях (№ 1,8) найдены невыразительные обломки листовидных бронзовых зеркал, в трех погребениях (№ 2,3,6) были расчищены фрагментированные обломки железных ножей с дуговидной спинкой, в одном из погребений (№ 5) находились обломки бронзового браслета и овальная гешировая бусина.

По ориентировке и положению погребения из кургана № I сближаются с впускными погребениями II-I вв. до н.э. из

станицы Ново-Титаровской³⁵ и Калининской³⁶. Для них характерна неустойчивая ориентировка с преобладанием западной. Аналогии прослеживаются и в деталях погребального обряда: в кургане № I так же, как и в Калининских курганах, погребенных сопровождают миски с костями животных и железным ножом.

Для погребального обряда Ш хронологической группы Усть-Лабинского II могильника также характерна неустойчивая ориентировка, но с преобладанием южной³⁷. Н.В.Анфимов отмечает, что к этому времени увеличивается число погребений с западной ориентировкой (основное их число относится ко II в. до н.э.)³⁸. Инвентарь наших погребений (в основном керамика) полностью аналогичен инвентарю из Калининских курганов и кургана у Ново-Титаровской (курган № I, погребения № 2, 4). Кроме того, красноглиняная гончарная керамика из Пашковского кургана № I находит близкие аналогии в боспорской керамике³⁹. Некоторые из этих сосудов могут являться импортами из боспорских городов.

В то же самое время следует отметить, что в инвентаре Ш хронологической группы Усть-Лабинского II могильника близкой посуды почти нет. Для них характерны сероглиняные гончарные кувшины несколько иных форм и пропорций. Аналогии прослеживаются только с его сероглиняными гончарными мисками.

Таким образом, впускные погребения из кургана № I относятся к группе степных впускных погребений Прикубанья II-I вв. до н.э. Исследователи относят эту группу к сарматским погребениям, отмечая, что им присущи и черты меотского погребального обряда (В.А.Козенкова, И.И.Марченко)⁴⁰. Очевидно, эта группа погребений принадлежала смешанному меото-сарматскому населению.

Курган № 2 находился в 260 м к востоку от кургана № I и в 50 м к северу от шоссе Краснодар – Усть-Лабинск. При планировке поля курган был частично разрушен: западная половина насыпи снята на глубину 130–140 см. Судя по сохранившейся части, курган имел полусферическую форму и вытянут с севера на юг. Высота его 60 см от современной поверхности, диаметр север-юг – 34 м, запад-восток – 23 м.

Насыпь кургана сильно распахана. Толщина пахотного слоя – 25–30 см. Условная граница погребенного чернозема проходила на глубине 100 см, глинистый желтый материковый слой выявлен на глубине 165 см.

Погребение № I находилось в западной половине кургана, в 7 м к северу и в 4,5 м к востоку от О точки на глубине 165 см. Могильная яма не выявлена. Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. На левой руке найден бронзовый браслет (1), на правой – обломки железного браслета (3), в области груди – бронзовая биконическая привеска (2); слева от черепа 2 глиняных пряслица (4–5), справа от черепа лежали обломки глиняного кувшина (6), справа на уровне плеча расчищены кости животных, остатки железного ножа и какого-то железного предмета.

1. Браслет бронзовый, несомкнутый, овальной в плане формы, овальный в сечении; завершается утолщениями, на ровно срезанных концах нанесен знак "х", фрагментирован. Размер: 6,5×5 см, толщина 3×2 мм (рис.3,8).

2. Привеска бронзовая биконической формы, сквозь нее пропущена сложенная вдвое бронзовая проволока, образующая в нижней части маленькую, в верхней – большую петли. Длина – 4,5 см. Частично разрушена (рис.3,5).

3. Браслет железный, проржавел, разрушен, выкован из плоского прута. Ширина – 0,6 см, толщина – 0,3 см.

4. Пряслице глиняное усеченно-коническое. Высота – 2,5 см, верхний диаметр – 3,6 см, нижний – 1,7 см, диаметр отверстия – 0,6 см (рис.3,10).

5. Пряслице глиняное катушковидной формы. Высота – 3 см, диаметр – 3,7 см, диаметр отверстия – 0,5 см (рис.3,II).

6. Сосуд чернолощеный. Судя по сохранившимся фрагментам – это одноручный кувшин с выпуклым туловом, цилиндрическим невысоким горлом, округлым, слегка отогнутым наружу венчиком и плоским дном.

Погребение № 2 находилось в центральной части кургана, в 0,5 м к югу и от О точки на глубине 1,80 м. Могильная яма не выявлена. Скелет погребенного лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль тела, череп повернут влево

во. К западу от черепа лежали: керамический сосуд (I) и кувшинчик (2), а между ними два керамических пряслица (3, 4). Справа от черепа было найдено бронзовое разрушенное височное украшение (привеска), подобное привеске из погребения № I (6), и височное кольцо (5), в области шеи обнаружено несколько мелких глиняных бусин (7).

I. Сосуд сероглиняный лепной, с выпуклым туловом (перегиб находится в нижней части сосуда), сужающимся цилиндро-коническим горлом, край слегка отогнут наружу, дно плоское. В верхней части горла под краем сосуд снабжен двумя симметрично расположенными отверстиями диаметром 0,5 см, служившими, очевидно, для подвешивания и заменявшими ручку. Высота - 21,5 см, диаметр туловы - 16 см, диаметр горла - 8 см, диаметр dna - 6-6,5 см (рис.2,5).

2. Кувшинчик сероглиняный лепной одноручный. Туло выпуклое с ярко выраженным ребром перегиба в нижней части, горло цилиндро-коническое, сужается к краю. Край округлый в сечении, отогнут наружу. Ручка ленточная, уплощенная, соединяет край с ребром перегиба. Дно плоское. Высота - 12 см, диаметр туловы - 10 см, диаметр горла - 2,5 см, диаметр dna - 4 см (рис.2,6).

3. Пряслице керамическое, усеченно-коническое. Высота - 2 см, диаметр - 2,4 см, диаметр отверстия - 0,7 см (рис.3,12).

4. Пряслице керамическое грибовидное. Высота - 1,6 см, диаметр - 3,2 см, диаметр отверстия - 0,7 см.

5. Кольцо височное, бронзовое, из круглого в сечении прута толщиной 1-1,5 мм; концы заходят друг за друга. Размеры: 0,8x1,1 см (рис.3,6).

6. Привеска бронзовая разрушенная, аналогичная привеске из погребения № I.

7. Бусины глиняные цилиндрические (3 целых 2 в обломках). Диаметр - 0,4-0,5 см.

Погребение № 3 находилось в средней части кургана в 2,5 м к северу от 0 точки, на глубине 95 см. Непотревоженными сохранились только кости ног. Остальная часть скелета была разрушена при планировке поля. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад.

Погребение № 4 находилось в восточной половине кургана в 8 м к югу и в 1,5 м к востоку от 0 точки, на глубине 177 см. Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, кисти положены на бедра. К западу от черепа лежали ребра животного, а рядом железный нож (I). У левой плечевой кости найдено скопление наконечников стрел (9 железных (2) и 1 бронзовый (3)). В области груди найдено бронзовое колечко (4), у правого плеча - обломки сероглиняного лепного сосуда.

I. Нож железный (фрагмент) с прямой спинкой и прямым лезвием.

2. Железные наконечники стрел длинновтульчатые: 4 экземпляра трехлопастные, 5 экземпляров трехгранные. Среди них выделяются массивные экземпляры и более стройных очертаний. Длина - 3,7-3,9 см (рис.3,1-3).

3. Бронзовый наконечник стрелы трехлопастной со скрытой втулкой и башневидной головкой. Длина - 2,5 см (рис.3,4).

4. Колечко бронзовое несомкнутое из круглой проволоки толщиной 0,1 см. Размеры - 0,3-0,6 см.

Погребение № 7 находилось в западной половине кургана, в 8 м к северу и в 8 м к западу от 0 точки на глубине 140 см. Могильная яма в темном грунте не прослеживалась. От скелета сохранилось несколько неопределенных костей, вокруг которых располагался сопровождающий инвентарь:

I. Обломки лепного керамического толстостенного сосуда темного цвета.

2. Кувшинообразный (чарка) лепной сероглиняный сосуд. Выпуклое тулово с четко выраженным ребром перегиба, горло цилиндро-коническое, край округлый, отогнут наружу, дно небольшое с умбоном, ручка петлевидная, овальная в сечении, прикреплена под краем и на ребре перегиба. Высота сосуда - 8,5 см, диаметр туловы - 9,3 см, диаметр горла - 8 см, диаметр dna - 3-3,5 см (рис.2,7).

3. Кувшин сероглиняный лепной, одноручный, фрагментирован. Судя по сохранившимся фрагментам, кувшин имел выпуклое тулово, широкое цилиндро-коническое горло, венчик

плавно отогнут наружу, дно плоское, ручка петлевидная, трапециевидная в сечении.

4. Терочник трапециевидной в плане формы, каменный, из песчаника красноватого цвета. Одна сторона плоская, гладкая, другая выпуклая. Размеры: длина - 17 см, ширина - 8-11,5 см, толщина - 4,5 см.

5. Донце керамическое от гончарного красноглиняного сосуда. Дно с низким цилиндрическим поддоном было вторично использовано в качестве миниатюрной солонки. Диаметр - 5,8 см.

6. Бусы стеклянные (6 экземпляров) биконические, асимметричные. Высота - 0,5 см, диаметр - 0,7 см.

7. Браслет бронзовый несомкнутый, из круглой в сечении проволоки, утолщенные концы орнаментированы с внешней стороны параллельными насечками и поверх буквой "х". Концы заходят друг за друга. Диаметр - 5x5,5 см, толщина - 0,3 см (рис.3,7).

8. Пряслице керамическое биконическое. Диаметр - 2,6 см, высота - 1,5 см, диаметр отверстия - 0,7 см (рис.3,9).

Могильные ямы в темном грунте не прослеживались. Глубина погребений варьировала от 95 до 180 см. В четырех случаях (погребения № 1,2,4,7) обнаружен сопровождающий инвентарь.

Из пяти погребений в четырех удалось выявить положение и ориентировку скелетов (погребения № 1-3,4).

Погребальный обряд сходен. Скелеты лежали в вытянутом положении, головой на запад (лишь в одном случае ориентировка юго-западная), руки вытянуты вдоль туловища, в одном случае (погребение № 4) кисти были уложены на бедра. В двух погребениях были расчищены недалеко от черепа kostи животных и рядом с ними железный нож (погребения № 1,4). Находки, в том числе и посуда, были сконцентрированы в верхней половине скелета. Интересно, что в погребении № 3, где сохранились только кости ног (верхняя часть скелета была спнесена при планировке поля), инвентарь не был обнаружен.

Сопровождающий инвентарь и погребальный обряд свидетельствуют о том, что все пять погребений относятся к одному культурно-хронологическому горизонту.

Основанием для датировки этих погребений служат оружие и украшения. В одном из них (погребение № 4) найдено 10 наконечников стрел: один бронзовый и девять железных. Бронзовый наконечник трехлопастной со скрытой втулкой (базисный) относится к 8 варианту 5-го типа по классификации А.И.Меликовой⁴¹. Базисные наконечники стрел появляются и распространяются во второй половине УІ - первой половине У вв. до н.э. (вторая хронологическая группа), но большинство наконечников, близких нашему, характерно для колчанных наборов последующего третьего хронологического периода - второй половины У - начала IV вв. до н.э.⁴².

Железные наконечники стрел втульчатые, один листовидный и остальные трехлопастные и трехгранные. Из-за сильной коррозии иногда трудно отличить трехлопастные наконечники от трехгранных. Длина наконечников - 3,7-3,9 см.

Уже доказано, что железные наконечники стрел встречаются в большом количестве в памятниках Прикубанья и Подонья с У в. до н.э.⁴³, хотя их появление может относиться и к УІ в. до н.э. (Ульские курганы)⁴⁴.

Более редки массивные листовидные наконечники с длинной втулкой. Как отмечает А.И.Меликова, они были найдены в курганах у сел Мастыгино, Русская Тростянка и "Частых" в комплексах конца У - начала IV вв. до н.э.⁴⁵, но наиболее характерны для IV-III вв. до н.э., особенно для Воронежской группы⁴⁶. Известны они и в меотских могильниках Прикубанья⁴⁷, как, например, в Пашковском⁴⁸. В погребениях У и IV-III вв. до н.э. Усть-Лабинского⁴⁹ и Пашковского⁵⁰ грунтовых могильников были обнаружены трехлопастные и трехгранные наконечники стрел, причем, наконечники средних размеров от 3,5 до 4 см более характерны для У-IV вв. до н.э.⁵¹.

Сочетание бронзовых и железных наконечников стрел при преобладании последних более характерно для IV-III вв. до н.э., но бронзовый базисный наконечник, как уже указывалось выше, относится к 8 варианту 5-го типа, широко распространенному в У - начале IV вв. до н.э., железные наконечники, подобные нашим, также более характерны для этого времени. Поэтому мы считаем возможным отнести погребение № 4 к концу У - началу или первой половине IV в. до н.э.

В двух погребениях (№ 1,2) были найдены бронзовые полые биконические подвески, сквозь которые пропущены проволочки, обвязующие вверху и внизу петли. Подобные подвески известны в Центральном Предкавказье, в Нестеровском могильнике, в погребениях У.в. до н.э.⁵² и в Крыму в могильниках среднего этапа таврской культуры (У.-У.в. до н.э.)⁵³.

Таким образом, судя по находкам бронзовых полых биконических подвесок, погребения № 1-2 также могут датироваться У.и., возможно, началом IV в. до н.э.

Биконические асимметричные стеклянные бусы (погребение № 7) широко известны в памятниках IV в. до н.э., таких, как Пашковский могильник⁵⁴, в Уляпских курганных и грунтовых могильниках⁵⁵. Бронзовые браслеты (погребения № 1,7) также являются обычной находкой в меотских могильниках⁵⁶. Здесь встречаются и сомкнутые и несомкнутые браслеты, некоторые из них орнаментированы насечками, другие оканчиваются утолщениями. Близкие изделия встречаются в таврских могильниках Крыма У.-У.в. до н.э.⁵⁷. Много таких браслетов найдено в Уляпских курганных и грунтовых могильниках IV в. до н.э.⁵⁸.

В меотских могильниках Прикубанья обычной находкой являются бронзовые височные (?) кольца, несомкнутые и с заходящими концами, и железные ножи.

Глиняные пряслица также часто встречаются как в меотских могильниках⁵⁹ (Пашковский, Усть-Лабинский), так и в памятниках Центрального Предкавказья⁶⁰. Характерными формами являются усеченно-конические, биконические, "грибовидные" и "катушковидные".

Во всех погребениях с инвентарем была найдена керамическая посуда. Вся керамика, кроме одного донца гончарного сосуда, вторично использованного в качестве солонки, лепная, чернолощеная. Она представлена одноручными черпаками с перегибом туловы в нижней трети, с коническим горлом и слегка отогнутым краем (рис.2;6,7), корчагой с округлым туловом и коническим горлом с двумя симметрично расположеннымми отверстиями под слегка отогнутым краем (рис.2;5) и одноручным кувшином таких же пропорций (не сохранился).

Подобные формы посуды нехарактерны для меотских могильников Прикубанья, таких как Пашковский и Усть-Лабин-

ский могильники. Отдаленное сходство можно проследить с позднекобанской посудой. В позднекобанских погребениях встречаются корчаги и черпаки⁶¹, но они отличаются в деталях от пашковских.

Все пять впускных погребений кургана № 2 по бронзовым и железным наконечникам стрел и по бронзовым биконическим подвескам датируются, скорее всего, в пределах конца У.-середины IV вв. до н.э.

В Пашковском грунтовом могильнике, как отмечает К.Ф. Смирнов, также была выявлена группа из трех погребений с западной ориентировкой, с керамикой, близкой позднекобанской. Относится они к У.-У.в. до н.э. К.Ф.Смирнов высказал предположение о том, что эти три погребения принадлежали другой этнической группе⁶².

Судя по тому, что керамический комплекс наших погребений отличается от посуды одновременных им погребений могильников этой зоны (Пашковского и Усть-Лабинского), можно предположить, что впускные погребения Пашковского кургана № 2 были оставлены какой-то инородной группой населения.

Примечания

1. Н.В.Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 21. М.-Л., 1951, рис.7 (10).
2. Там же, с.174.
3. К.Ф.Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. МИА, № 23. М.-Л., 1951, рис. 20 (10), с.271.
4. В.И.Козенкова. Комплекс сарматского времени из станицы Ново-Титаровская. В кн.: "Северный Кавказ в древности и средневековье". М., 1980, рис. 5(4).
5. Там же, с.79.
6. И.И.Марченко. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани. В сб.: "Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа". Краснодар, 1984, с.37-71.
7. А.А.Нехаев. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1978г. Краснодар, 1979.
8. Н.Ю.Лимберис. Отчет о работах Краснодарской археологической экспедиции в 1983г. Краснодар, 1984. Хранится в фондах Краснодарского историко-археологического музея-заповедника.
9. И.И.Марченко. Впускные сарматские погребения..., с.67.

10. Н.В.Анфимов. Указ.соч., рис.7(10), с.174.
11. В.И.Козенкова. Указ.соч., рис.5(4), с.79.
12. И.И.Марченко. Впускные сарматские погребения..., с.44; 51-52; 55, 56.
13. Хранится в фондах КПИАМЗ, инв.№ КМ 6850/1069. Благодарю И.И.Марченко за любезное разрешение ознакомиться с материалом.
14. К.Ф.Смирнов. Северский курган. М.,1953, с.37-40.
15. Н.В.Анфимов. Указ.соч., с.190.
А.М.Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, с.58-71.
16. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., с.17-22, рис.10 (К.И.).
17. И.И.Марченко. Новые находки родосских амфор из Прикубанья. Древности Кубани (материалы к семинару). Краснодар, 1986, с.18.
18. А.А.Некаев. Отчет о раскопках курганов в Кореневском районе....
19. А.М.Хазанов. Указ.соч., с.62-65, рис. I (IV).
20. Д.Я.Телегин. Раскопки курганов вблизи Запорожья. Археологические исследования на Украине в 1969г. Киев, 1972, с.53-57, рис.5.
21. А.М.Лесков и др. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции ГМИИВ в 1982г. М.,1983, альбом иллюстраций, ч.П, рис.102(18).
22. А.М.Лесков и др. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции ГМИИВ в 1983г. М.,1984, альбом иллюстраций, ч.1, рис.47(9).
23. К.Ф.Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки..., с.268.
24. В.И.Козенкова. Указ.соч., с.79.
25. И.И.Марченко. Впускные сарматские погребения..., рис. I(31), 2(51), 5(2), 7(19).
26. Т.М.Арсеньева. Некрополь Танаиса. М.,1977, с.62, табл. XIV, 2.
27. И.И.Марченко. Указ.соч., рис.5(19), 7(3,31).
28. Н.В.Анфимов. Указ.соч., рис.8(4).
29. И.И.Марченко. Указ.соч., рис.1(I6).
30. Н.В.Анфимов. Указ.соч., рис.6(5).
31. Л.М.Носкова. Отчет о работах Ново-Вочепшийского отряда КАЗ ГМИИВ в 1985г. М.,1986.
32. К.М.Скалон. Изображения животных на керамике. ТОИПКЭ, т.1. Л.,1941, с.173 и сл.
33. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., с.263.
34. А.М.Лесков, Т.Габуев, К.А.Днепровский. Отчет о работе Чернышевского отряда КАЗ ГМИИВ в 1985 г. М.,1986.
35. В.И.Козенкова. Указ.соч., с.90.
36. И.И.Марченко. Указ.соч., с.67-68.
37. Н.В.Анфимов. Указ.соч., с.169.
38. Н.В.Анфимов. Указ.соч., с.191.
39. Т.М.Арсеньева. Указ.соч., с.62.
40. В.И.Козенкова. Указ.соч., с.90.
И.И.Марченко. Указ.соч., с.68.
41. А.И.Меликова. Вооружение скіфов. САИ, вып.Д I-4. М., 1964, рис.1.
42. А.И.Меликова. Указ.соч., с.23.
43. А.И.Меликова. Указ.соч., с.25.
44. К.Ф.Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64. М.,1958, с.305.
45. А.И.Меликова. Указ.соч., с.25, табл.8; П4,5; С-1,Р-3.
46. Там же.
47. А.И.Меликова. Указ.соч., с.29.
48. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., рис.5(17); 8(II,17); 9(15), 10(21).
49. Н.В.Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Джинской. МИА, № 23. М.-Л.,1951, с.162, рис.2(7), рис. 4(10), с.166.
50. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., с.304-305.
51. Там же.
52. Е.И.Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с.294, рис.48(28).
53. А.М.Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, рис.21(3), с.107-108.
54. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., рис.8(3).
55. А.М.Лесков и др. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции в 1983г., рис.44(5), 46(38).
56. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., с.307, рис.5(18,19), 7(13,19), 20, 8(5).
57. А.М.Лесков. Горный Крым..., с.107-108.
58. А.М.Лесков и др. Указ.соч.
59. Н.В.Анфимов. Указ.соч., рис.2(16).
К.Ф.Смирнов. Указ.соч., рис.9(7).
60. Е.И.Крупнов. Указ.соч., табл.IX (5,6,7), с.274.
61. Е.И.Крупнов. Указ.соч., табл.XIX, 2,6,7.
В.Б.Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скіфское время. Грозный, 1972, рис.15(30,31); 23(14); 27(5).
62. К.Ф.Смирнов. Указ.соч., с.308-309.

10. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38
11. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

12. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

13. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

14. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

15. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

16. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

17. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

18. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

19. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

20. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

21. Н.Р.Абрамова. Усадьба в селе Старая Губаница. № 8. 38

22. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

23. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

24. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

25. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

26. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

27. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

28. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

29. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

30. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

31. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

32. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

33. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

34. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

35. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

36. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

37. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

38. А.Н.Королев. Керамика из кургана № I. 38

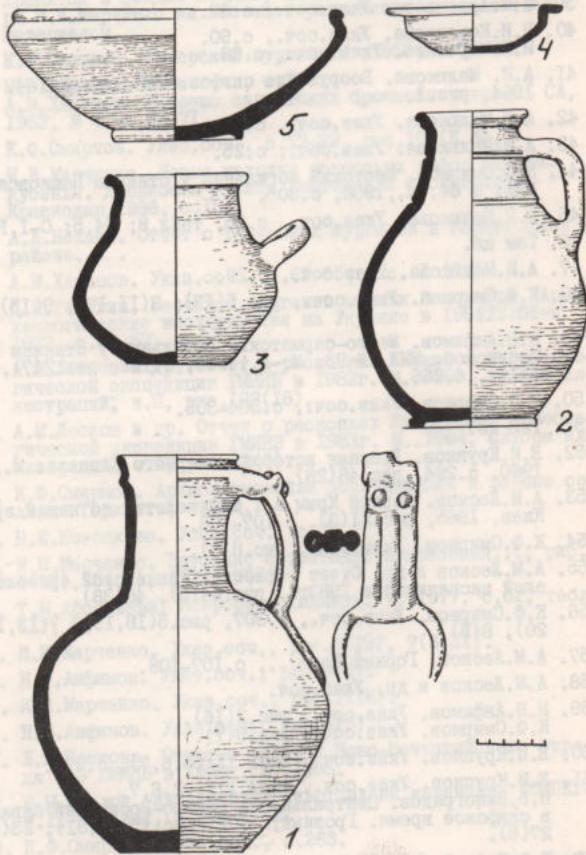

Рис.1

Керамика из кургана № I: 1,2 - находки в насыпи;
3,4,5 - п.3.

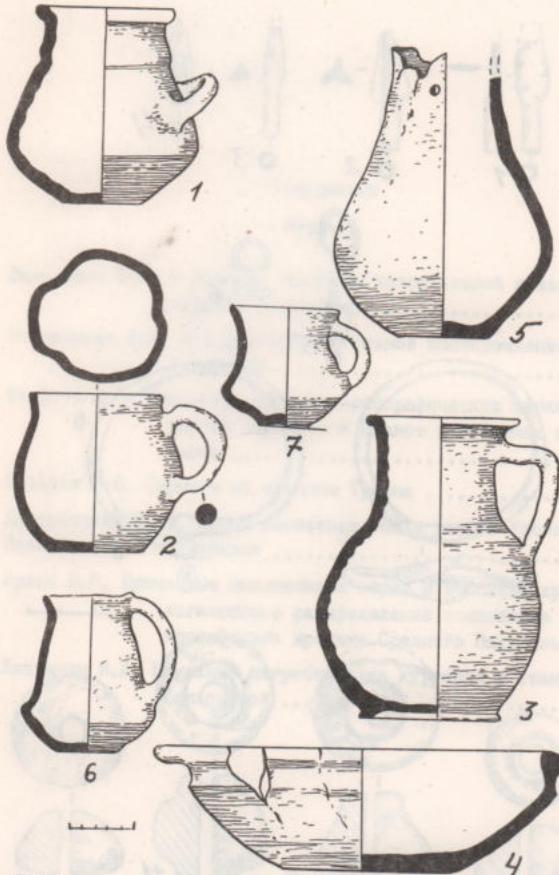

Рис.2

Керамика из кургана № I: 1 - п.6; 2 - п.4; 3,4 - п.2.
Керамика из кургана № 2: 5,6 - п.2; 7 - п.7.

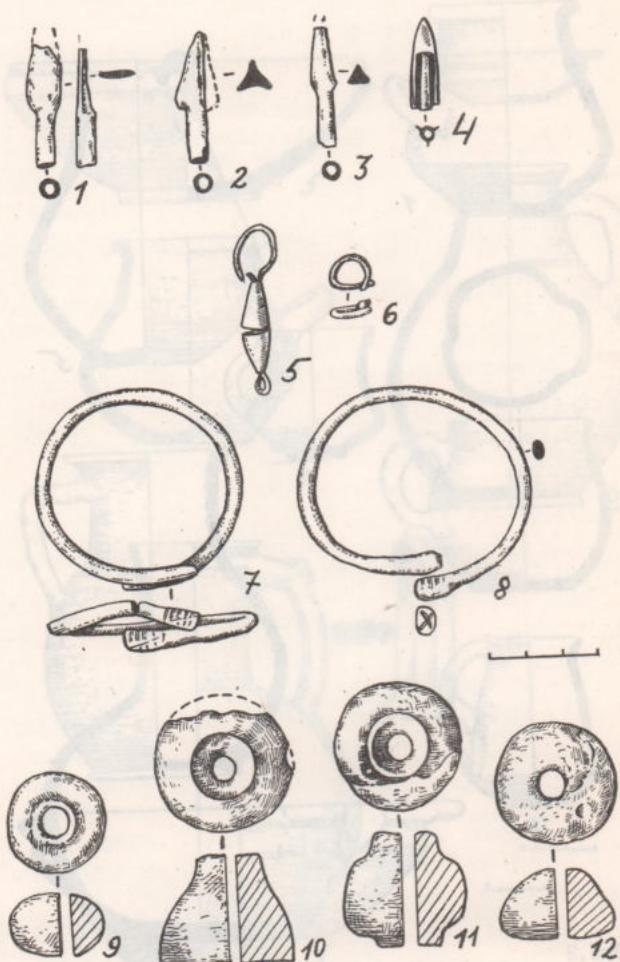

Рис.3.

Найдены из кургана № 2. I-4 - п.4; 5,8,I0,II - п.1;
6,12 - п.2; 7,9 - п.7.

Содержание

Часть I

Васкоевич А.Л. К истории изучения материальной культуры народов Востока.....	5
Мончадская Е.А. Фан-Ягнобское угольное месторождение в древности	31
Федотов В.В. Типология историко-географических характеристик сарматов и алланов в античных источников	54
Малашев В.Д. Сарматы на колонне Траяна	69
Днепровский К.А., Новое поселение эпохи ранней бронзы в Яковлев А.А. Закубанье	89
Эрлих В.Р. Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья....	100
Лапушкин В.Л. Впускные погребения из курганов у станицы Пашковской	121

изданіемъ Академіи Наук ССР А.А. Ильинской
и Академіи Наук Узбекской ССР А.А. Кадыровой

и Академіи Наук Таджикской ССР А.А. Кадыровой
и Академіи Наук Узбекской ССР А.А. Кадыровой
— а также национальных союзов писателей Узбекистана и Таджикистана

и Академіи Наук Узбекской ССР А.А. Кадыровой
и Академіи Наук Таджикской ССР А.А. Кадыровой
и Академіи Наук Узбекской ССР А.А. Кадыровой
и Академіи Наук Таджикской ССР А.А. Кадыровой
и Академіи Наук Узбекской ССР А.А. Кадыровой
и Академіи Наук Таджикской ССР А.А. Кадыровой

Часть I

Подписано к печати 10.07.88
Усл. л.л. 9,0. Усл. кр.-отт. 9,13
Уч.-изд.л. 8,17. Печать офсетная
Тираж 290 экз. Зак. 220. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, цветной бульвар 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

50 коп. Государственный
музей искусства народов Востока

1-10